

ELLROY ДЖЕЙМС ЭЛЛРОЙ

СЕКРЕТЫ
ЛОС-АНДЖЕЛЕСА

Мировой бестселлер, ставший основой
для дважды «оскароносного» фильма

The International Bestseller

Джеймс Эллой
Секреты Лос-Анджелеса
Серия «Лос-анджелесский
квартет», книга 3

Paco

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160361

*Секреты Лос-Анджелеса: Роман / Джеймс Эллой: У-Фактория;
Екатеринбург; 2007*

ISBN 978-5-9757-0135-0

Оригинал: James Ellroy, "L.A. Confidential"

Перевод:

Наталья Л. Холмогорова

Аннотация

Лос-Анджелес, 1953 год. В кафе «Ночная сова» неизвестными хладнокровно расстреляны шесть человек. Расследованием их гибели занимаются трое полицейских: молодой честолюбец Эд Эксли, стремящийся быть достойным славы своего знаменитого отца; безжалостный мститель Бад Уайт, в детстве ставший свидетелем убийства собственной матери; и консультант популярных телесериалов Джек Винсеннс, поставляющий информацию скандальным журналам. Все трое абсолютно непохожи, но их объединяет одно: у каждого из них есть опасные секреты, которые они тщательно охраняют. Сохранить свои тайны

и найти убийц невероятно сложно: ведь все трое – участники игры без правил и победителей...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
ГЛАВА ПЕРВАЯ	13
ГЛАВА ВТОРАЯ	25
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	36
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	45
ГЛАВА ПЯТАЯ	52
ГЛАВА ШЕСТАЯ	57
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	75
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	79
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	87
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	102
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	107
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	114
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	120
КАЛЕНДАРЬ	128
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	159
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	159
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	163
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	182
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	187
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	191
Конец ознакомительного фрагмента.	197

Джеймс Эллой
СЕКРЕТЫ ЛОС-
АНДЖЕЛЕСА
(Лос-анджелесский
квартет – 3)

Посвящается Мэри Доуэрти

Слава, которая стоит всего и не значит ничего.
Стив Эриксон

ПРОЛОГ

21 ФЕВРАЛЯ 1950 ГОДА

Базз Микс появился в заброшенном мотеле в холмах Сан-Берду с девяноста четырьмя тысячами долларов, восемнадцатью фунтами высококачественного героина, помповым дробовиком, револьвером тридцать восьмого калибра, авто-

матическим пистолетом сорок пятого и кнопарем ¹, купленным у пачуко ² на границе.

Неподалеку была припаркована машина. Она могла принадлежать полиции Лос-Анджелеса, а внутри могли оказаться громилы Микки Коэна ³. Если так, то часть добычи урвут тихуанские копы, кружащие неподалеку, а труп Микса будет брошен в реку Сан-Исидро.

Он был в бегах уже неделю – и пятьдесят шесть тысяч угрохал на то, чтобы остаться в живых. Машины, ночевки стоимостью четыре-пять штук за ночь – с надбавкой за риск: хозяева квартир знали, что Микки Коэн и полиция Лос-Анджелеса идут по его следу. Копы – потому что Базз Микс пришел одного из их людей. Микки – потому что Базз Микс увел у него партию порошка, а заодно и бабу.

Сделка, которая была на мази, сорвалась, как только прошел слух, что Коэн его заказал. Теперь о том, чтобы толкнуть порошок, и думать было нечего. Мести Коэна боялись. Миксу ничего не оставалось, как отдать товар сыновьям Дока Энгелклинга – Док его придержит, расфасует, продаст, когда все уляжется, и Микс получит свой процент. Док с Коэном когда-то работал, ему хватало ума понимать, что с этим

---

¹ Нож с подпружиненным выкидным лезвием.

² Пачукос – в 1930 – 1950-х американские подростки и молодые люди мексиканского происхождения (обычно от 13 до 22 лет), члены юношеских банд.

³ Мейер (Микки) Коэн (1913 – 1976) – американский гангстер. Был правой рукой Багси Сигела, после смерти Сигела стал крестным отцом лос-анджелесской мафии.

отморозком шутки плохи. За пятнадцать штук братья Энгелклинга организовали Баззу исчезновение. В пустующем мотеле «Эль Серрано» он перекантуется до вечера – а на закате двое торговцев людьми, из тех, что перевозят через границу нелегалов, отвезут его на подпольный аэродром и посадят на самолет, летящий напрямиком в Гватемалу. А двадцать с чем-то фунтов белого кайфа останутся в Штатах, и со временем Базз неплохо на нем наварит. Если, конечно, «работорговцы» не кинут сыновей Дока. А Док не кинет его самого.

Базз бросил машину в сосновой рощице, выволок свой чемодан, оценил обстановку.

Мотель был построен в форме подковы: внутри с десятков номеров. Сзади вплотную подступают скалистые уступы гор – не подберешься.

Пустынный двор обильно усеян ветками, обрывками бумаги, пустыми бутылками – дерево и стекло затрещат под колесами, захрустят под ногами.

Остается подход со стороны дороги, по которой приехал он сам. Чтобы занять удобную для стрельбы позицию, преследователям придется продираться через густые заросли.

Или, может, незваные гости уже поджидают его внутри?

Микс вскинул дробовик и принялся пинками распахивать двери комнат. Первая, вторая, третья, четвертая – клочья паутины, крысы, совмещенные санузлы, заплесневелые объедки, мексиканские журналы... Должно быть, работорговцы

устроили здесь перевалочный пункт для мокроспинников ⁴, которые потом окажутся в потогонках в округе Керн. Пятая, шестая, седьмая... Вот и семья мексикашек на матрасах, жмутся друг к другу, заведя белого со стволом наперевес.

– Тихо, тихо, – пробормотал он, чтобы их успокоить.

Последние номера пустые. Микс втащил свой багаж в № 12, плюхнул саквояж на пол: две двери, кровать с пуховым матрасом, разлезшимся по шву, – не так уж плохо для последнего причала на американской территории.

На стене – календарь с девочками. Микс нашел апрель, поискал свой день рождения. Четверг. Зубы у модели плохие, но в общем ничего бабеч. Вспомнилась Одри – бывшая стриптизерша, бывшая подруга Микки. Из-за нее Микс пристрелил копа, ради нее увел у Коэна порошок, сорвал его сделку с Джеком Драгной ⁵.

Перелистал календарь до декабря. Доживет ли до конца года? И вдруг понял, что ему страшно: урчит в кишках, сильно бьется жила на лбу, и весь он обливается потом. А потом начался просто настоящий колотун!

Микс разложил на подоконнике свой арсенал, набил

---

⁴ Презрительная кличка нелегальных иммигрантов из Мексики, пробирающихся в США на сезонные сельскохозяйственные работы, переплывая или переходя вброд реку Рио-Гранде по которой проходит значительная часть границы между США и Мексикой.

⁵ Антонио (Джек Драгна) Риццотти (1891 – 1957) – главарь сицилийской мафии в Южной Калифорнии. Много раз пытался устранить своего конкурента по игорному бизнесу Микки Коэна, но безуспешно.

карманы боеприпасами: патроны для револьвера, запасные обоймы для пистолета. Нож сунул за пояс. Окно сзади загордил матрасом. Переднее окно распахнул, впуская в комнату свежий воздух. Прохладный ветерок охладил разгоряченную кожу.

Во дворе кучковались мексиканцы. Черномазая детвора перебрасывалась мячом; взрослые собрались поодаль и о чем-то переговаривались, указывая на солнце, будто определяли по нему время. Ждут не дождутся грузовика. Каторжный труд за гроши и койку.

Солнце клонилось к закату, латиносы залопотали. Микс увидел, как во двор входят двое белых – один жирный, другой костлявый. Приветливо кивают черномазым – те машут в ответ. На копов не походят, на громил Коэна – тоже. Микс шагнул за порог, пряча за спиной ствол.

Те помахали ему руками. Улыбки во весь рот – мол, будь спок, мы свои. Микс бросил взгляд на дорогу: поперек припаркован зеленый седан, а за ним блестит что-то голубое. Ярко-голубое, почти как клочок неба между соснами. На голубом металле сверкнуло солнце. «Бейкерсфилд», – мелькнула у Микса мысль. Встреча с ребятами, которые говорили, что для того, чтобы достать деньги, нужно время. Тот самый седан цвета яйца малиновки, откуда спустя минуту его попытались прижать.

Микс улыбнулся – также широко и безобидно. Палец лег на спусковой крючок. Теперь он узнал костлявого – Мел

Лансфорд, легавый из Голливудского участка. Вечно красуется в кафешке «Скривенер», строит глазки официанткам да выпячивает грудь, демонстрируя медали за меткую стрельбу.

– Самолет ждет, – объявил толстяк, подходя.

Микс выхватил из-за спины дробовик и выстрелил. Толстяк получил заряд и отлетел назад, сбив с ног Лансфорда. Мексикашки бросились врассыпную. Микс вбежал в комнату, услышал звон стекла в заднем окне, рванул в сторону матрас. Мишени – не бей лежащего: всего двое. Три-четыре выстрела с близкого расстояния.

Двое рухнули. Еще троих, осторожно пробирающихся вдоль стены, забрызгало кровью и осколками стекла. Микс прыгнул через порог, упал на землю, расстрелял оставшиеся патроны по трем парам ног. Свободной рукой пошарил с собой рядом – нащупал у мертвеца на поясе револьвер.

Со двора – крики, шум бегущих по гравию ног. Микс бросил ненужный ствол, привалился к стене. Вкус крови во рту. Три корчащихся тела в пыли – три выстрела в голову, в упор.

Из комнаты донеслись глухие удары. Рядом, стоит только руку протянуть, две винтовки.

– Мы его достали! – крикнул Микс.

Услышал ответные крики, подождал, пока в оконном проеме не появились руки и ноги, схватив ближайшую к нему винтовку, открыл стрельбу: по телам, по головам, по грязно-белой штукатурке стен, по сухому дереву косяка, по которому тут же побежали язычки пламени.

Теперь – по телам – в комнату. Передняя дверь распахнута, его арсенал так и лежит на подоконнике. Что-то странно стукнуло: обернувшись, Микс увидел, как из-за кровати выпрямляется человек с револьвером в руке.

Микс бросился на пол, попытался пнуть нападавшего ногой – не достал. Пуля просвистела совсем близко. Микс выхватил кнопарь, прыгнул, ударил – раз, другой, в шею, в лицо. Незнакомец заорал, беспорядочно нажимая на спуск: пули с визгом и скрежетом рикошетировали от стен. Микс перерезал ему горло, перекатился через него, ногой захлопнул дверь, схватил свои два ствола – и только тогда осмелился вздохнуть.

Сухие сосновые доски занялись быстро; огонь уже всюю поджаривал мертвецов. Единственный выход – через переднюю дверь. Сколько их там еще – держит дверь на прицеле и ждет?

Снова выстрелы.

Град пуль со двора вырвал куски стен. Одна засела у Микса в ногу, еще одна чиркнула по спине. Микс упал. Выстрелы не прекращались. Выбили дверь – теперь он попал под перекрестный огонь.

Выстрелы стихли.

Микс лег на живот, сунул оба револьвера себе под грудь и притворился мертвым. Тянулись секунды. Вот в дверях показались четверо с винтовками. Осторожные шепотки:

– Отпрыгался!

– Тихо, тихо...

– Ну, волчара!

Четверо входят внутрь: Мела Лансфорда среди них нет. Несколько пинков в бок. Тяжелое дыхание, смешки. Кто-то поддевает его ногой. Голос:

– Жирный, гад!

Микс схватил за ногу и дернул. Человек рухнул навзничь. Микс перевернулся на спину, расстреливая обойму – стрелял в упор, промахов не было. Полегли все четверо. Запрокинув голову, Микс глянул во двор – и успел засечь, как улетывает Мел Лансфорд.

А потом за спиной у него раздалось:

– Ну, здравствуй, сынок.

Из пламени вышел Дадли Смит в серой шинели пожарного. Микс бросил взгляд в угол, где у матраса валялся его чемодан: почти сто тысяч баксов, не считая героина.

– Дад? Похоже, ты к делу подготовился на совесть.

– Я, как бойскаут, всегда готов. А вот ты, сынок, написал завещание?

Самый надежный способ покончить с собой – сорвать сделку, за которой присматривает Дадли Смит. Микс схватился за оружие. Дадли выстрелил первым. Последняя мысль Микса была о том, что этот заброшенный мотель чем-то похож на Аламо.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КРОВАВОЕ РОЖДЕСТВО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бад Уайт сидит в патрульной машине без опознавательных знаков напротив Сити-холла. На огромной рождественской елке мигают разноцветные цифры: «1951».

На заднем сиденье у Бада – выпивка для сегодняшней вечеринки в участке. Весь день он собирал дань с торговцев спиртным, наплевав на указания Паркера: в сочельник и на Рождество женатые офицеры милуются с женами, так что холостяки должны вкалывать за двоих, а у бригады Центрального участка особое задание: загрести с улиц всех бомжей и до завтра подержать в кутузке, чтобы какой-нибудь местный бычара не вломился на благотворительный утренник в саду у мэра Баурона и не схавал все пирожные.

В прошлом году была история – какой-то чокнутый ниггер подвалил к праздничному столу, растолкал ребятишек, достал из штанов свой шланг и отлил в кувшин лимонада, предназначенный для сироток, а на подоспевшую хозяйку дома рывкнул:

– Захлопни пасть, сука!

С миссис Баурон – припадок, в больницу везти пришлось. А Уильям Х. Паркер тогда только-только возглавил полицию Лос-Анджелеса... Неслабое Рождество у него получилось. Вот теперь и старается.

Скорее бы конец смены! Добраться до участка, раздавить бутылочку-другую... Бад подумал о том, какую рожу скривит Эд Эксли, помощник командира бригады, когда учует запах спиртного. И еще о том, что Джонни Стомланато ⁶ уже на двадцать минут запаздывает.

Бад включил рацию. Сквозь гул помех поступали сообщения: кражи в магазинах, налет на винный магазин в китайском квартале... Пассажирская дверь отворилась, и в машину скользнул Джонни Стомпанато.

Бад включил свет на приборном щитке.

– С праздничком поздравляю! – заговорил Джонни. – Я тут вам подарочки припас... А где Стенсланд?

Бад смерил его взглядом. Телохранитель Микки Коэна уже месяц как сидел без работы: его босс загремел за неуплату налогов. От трех до семи по федеральному кодексу в тюрьме Мак-Нил. Теперь о том, чтобы маникюрить ногти в салоне, Джонни Стомпу и думать ни-ни, брюки – и те гладить самому приходится.

– Сержант Стенсланд прессует бомжей. А на жало кидать все одно столько же.

---

⁶ Джонни Стомпанато (Стампанато) (ум. 1959) – гангстер, возлюбленный актрисы Ланы Тернер.

– Жаль, жаль. С Диком общаться приятнее. Сам знаешь, Венделл.

Красавчик Джонни: смазливая итальянская мордашка, пышные кудри. Говорят, член у него как у жеребца, и Джонни им безумно гордится.

– Выкладывай, что там у тебя.

– Вот я и говорю, офицер ⁷ Уайт, с Диком беседовать одно удовольствие – не то что с некоторыми!

– Ты что, ко мне неровно дышишь или просто охота поболтать?

– Я неровно дышу к Лане Тернер ⁸. А ты – к парням, которые лупят жен. Я слыхал, ты просто шизеешь, когда видишь женщину в беде. А сколько ей лет и какова она собой, тебе плевать. Что ж, у всех свои слабости.

Бад хрустнул пальцами.

– Ты закладываешь своих и этим живешь. А твой Микки – наркодилер и сутенер, и таким останется, сколько бы он ни отчислял на благотворительность. Так что мои слабости не вашим чета. Capisce ⁹, говнюк?

Стомпанато нервно усмехнулся. Бад выглянул в окно: сборщик милостыни из Армии спасения в костюме Сан-

---

⁷ Офицер – низшее звание в американской полиции (далее идут сержант, лейтенант, капитан и т. д.).

⁸ Тернер, Лана (1920 – 1995) – киноактриса, обладательница пышного бюста. Одна из наиболее известных ролей в фильме нуар «Почтальон всегда звонит дважды» (1946).

⁹ Понятно (*ит.*).

та-Клауса направлялся к винному магазину напротив, на ходу выуживая из своей благотворительной сумы пригоршню мелочи.

– Слушай, тебе нужна информация, а мне – деньги. Микки и Дэви Голдман мотают срок. Пока их нет, всеми делами заправляет Мо Ягелка – а у этого скряги зимой снега не выпросишь! Заладил: нет работы да нет работы. К Джеку Уэйлену толкаться бесполезно – на хрена я ему нужен. И от Микки, черт бы его побрал, нет вестей.

– Микки тебе не платит? Странно, он ведь сел человеком не бедным. Верно, его обокрали – но я слышал, он нашел вора и украденное вернул.

– Слышал, да недослышал, – покачал головой Джонни. – Того козла он нашел, это точно, а вот товар – с концами! И порошок, и сто пятьдесят штук зеленых как сквозь землю. Такие вот дела, офицер Уайт. Так что если за кап-кап у вас там еще платят, готов сдать серьезную масть...

– Ладно, Джонни, алмаз-человек. Мы не в миланской опере, так что кончай песни петь и переходи к делу.

Джонни натянуто захихикал.

– За двадцатку – карманник. За тридцатку – магазинщик и любитель отметить женушку. Не тяни – решай, я пять минут назад видел этого парня за работой в «Орбах».

Бад протянул ему двадцать долларов – и еще десять. Джонни схватил деньги.

– Ральфи Киннард. Плотный, белобрысый, лет сорок.

Замшевый пиджак, серые фланелевые брюки. Говорят, бьет жену до полусмерти и заставляет работать на панели, чтобы покрывать свои карточные проигрыши.

Бад записал сведения.

– С праздничком, Венделл! – ухмыльнулся Стомпанато.

Бад взял его за галстук и дернул. Стомп приложился лбом о приборную доску.

– И тебя с Новым годом, мудочес.

* * *

В «Орбахе» то еще столпотворение. И у прилавков, и вокруг вешалок народу неупрото. Раздвигая покупателей локтями, Бад мчится на третий этаж, в отдел ювелирных изделий – любимое место магазинных воришек.

Ряды часов на прилавках, длинные очереди у кассовых аппаратов. Бад с трудом протискивается сквозь гудящие толпы домохозяек с детишками, рыская глазами в поисках блондинов. И вдруг видит в дверях сортира белобрысый затылок и замшевую спину.

Бад разворачивается – и за ним. Возле урыльников – два старых пердуна. Из-под двери кабинки видны спущенные брюки из серой фланели. Бад пригибается, заглядывает в щелку: так и есть, мужик перебирает и рассовывает по карманам драгоценности. С поличным!

Двое старых хрычей застегивают ширинки и выходят. Бад

барабанит в дверцу:

– Открывай! Архангел за тобой явился.

Дверь распахивается – навстречу ему вылетает кулак. Удар по полной программе: Бад падает на раковину. Киннард швыряет ему в лицо пригоршню запонок и кидается бежать. Бад – за ним.

Покупатели преграждают дорогу. Киннард ловко лавирует между людьми, выскакивает через черный ход. Бад слетает вниз по пожарной лестнице. На стоянке чисто: ни Киннарда, ни поспешно отъезжающих машин. Бад бежит к патрульному автомобилю, включает рацию:

– Четыре-А-три-один запрашивает диспетчера.

Треск помех. Затем:

– Слушаю, четыре-А-три-один.

– Последний известный адрес. Белый мужчина, имя Ральф, фамилия Киннард. Скорее всего, пишется так: К-и-н-н-а-р-д. Глянь, ладно?

Диспетчер подтверждает запрос и отключается. В ожидании ответа Бад наносит серию коротких ударов воображаемому противнику: бам-бам-бам-бам-бам... Снова трещит радио:

– Четыре-А-три-один, получен ответ на ваш запрос.

– Четыре-А-три-один слушает.

– Ответ положительный. Киннард, Ральф Томас, мужчина, белый, дата рождения...

– Черт побери, я ж сказал, мне нужен только адрес!

Диспетчер, фыркнув:

– Считай это подарком на праздник. Адрес: Эвергрин, 1486. Надеюсь, ты...

Бад выключает передатчик и рвет на восток, к Террасам. При сорока милях в час и с сиреной доберется до Эвергрин за пять минут. Мимо пролетают номера – 1200-е, 1300-е... Вот и 1400-е – сборные домики, в каких селились после войны демобилизованные.

А вот и он, 1486: толстый слой штукатурки, на крыше – сияющий неоновый Санта на санях с оленем. У крыльца – довоенный «форд». Внутри горит свет. В освещенном окне Ральфи Киннард вправляет мозги женщине в банном халате.

Женщине лет тридцать пять. Лицо красное, вспухшее. Она отшатывается от Киннарда, халат распахивается – Бад видит грудь, багрово-черную от синяков, ребра в ссадинах.

Бад возвращается к машине за наручниками. Здесь его встречает мигающий передатчик.

– Четыре-А-три-один слушает.

– Четыре-А-три-один, срочное сообщение. Нападение на полицейских по адресу Риверсайд, 1990, у бара. Подозреваемых шестеро, задержать пока не удалось. Опознаны по номерному знаку автомобиля. Оповещены все полицейские отряды города.

По спине у Бада пробегает холодок.

– Плохо с ребятами?

– Ответ положительный. Четыре-А-три-один, отправ-

ляйтесь по адресу 5314, Пятьдесят третья авеню, Линкольн-Хайтс. Задержите Динардо, Д-и-н-а-р-д-о, Санчеса. Мужчина, мексиканец, двадцать один год.

– Понял. Направь патрульную машину на Эвергрин, 1486. Подозреваемый – белый мужчина. Меня здесь не будет, но ребята его увидят. Пусть возьмут его – задержание я сам потом оформлю.

– Задержание регистрировать в участке Холленбек?

Бад говорит «да», хватает наручники – и снова к дому.

Щелкает рубильниками на распределительном щитке у крыльца – дом погружается во тьму, теперь светятся только сани Санта-Клауса. Бад хватается за шнур, тянувшийся на крышу, и дергает. Неоновая конструкция летит вниз и ударяется о землю, рассыпая искры.

Выскакивает Киннард, спотыкается об останки неоновой олени, падает. Бад прикладывает его физиономией об асфальт и надевает наручники. Ральфи воет и грызет землю, пока Бад зачитывает ему привычный текст:

– Отсидишь года полтора. А когда выйдешь, я буду об этом знать. Выясню, кто твой инспектор по надзору, и поговорю с ним по душам. И тебя буду навещать время от времени. Еще раз пальцем ее тронешь – снова сядешь, и теперь уже по статье за изнасилование несовершеннолетней. А знаешь, что в Квентине делают с теми, кто детей насилует? Знаешь, урод? Пидоров из них делают!

Жена Киннарда возится у щитка – включается свет.

– Можно мне уехать к матери? – спрашивает она. Бад обшаривает карманы Ральфи. Ключи, свернутые в трубочку доллары.

– Берите машину и постарайтесь устроиться.

Киннард стонет, выплевывая зубы. Миссис Ральфи берет ключи, вытягивает из трубочки десятку.

– С Рождеством вас, – говорит Бад.

Миссис Ральфи посылает ему воздушный поцелуй и садится в машину. Со двора «форд» выезжает задним ходом, круша колесами Санту с мигающим оленем.

* * *

Пятьдесят третья авеню. Код ситуации: 2 – без sireны. Бада чуть опередила черно-белая патрульная машина. Оттуда вылезли Дик Стенсланд и двое патрульных в форме.

Бад посигналил, и Стенс подошел к его машине.

– Что случилось, напарник?

Стенсланд ткнул пальцем в одноэтажную хибару.

– Вот здесь засел один из тех, что стреляли. По крайней мере, один – может, и больше. Их было шестеро: четверо латиносов, двое белых – а наших всего двое. Браунелл и Хеленовски. У Браунелла вроде черепная травма, а Хеленовски, видимо, лишился глаза.

– Ничего себе «вроде»!

Стенсдохнул на него парами джина и лосьона для осве-

жения полости рта.

– Будешь к словам цепляться?

Бад вышел из машины.

– Не буду. Сколько уже арестовано?

– Ноль. Наш первым будет.

– Тогда скажи патрульным, пусть держатся в сторонке.

Стенс покачал головой.

– Они с Браунеллом приятели. Хотят поучаствовать.

– Ну нет, этот наш! Сдадим, подпишем все бумаги – и гуляем! У меня в машине три ящика: «Уокер Блэк», «Джим Бим» и «Катти».

– А Эксли? Сам знаешь, какой он праведник. Спорю на что хочешь, ему не по душе придется, что полицейские пьют на посту.

– Эд Эксли – помощник командира. А командир – Фрилинг, и он-то выпить не дурак, весь в тебя. Так что насчет Эксли не волнуйся. Ладно, пошли, мне сегодня еще один рапорт писать.

Стенс хохотнул.

– Да я уж слышал. Нападение на женщину при отягчающих обстоятельствах. Статья шестьсот двадцать третья, пункт первый калифорнийского УК, верно? Пока другие пьют и гуляют, Бад Уайт спасает прекрасных дам?

– Точно, каждому свое. Ну что, пошли?

Стенс подмигнул. С револьверами наперевес они осторожно, вдоль стены, приблизились к крыльцу. В хибаре бы-

ло темно. Плотные шторы не пропускали ни единого луча света. Приглушенно работало радио – Бад расслышал обрывок рекламы «шевроле» «Кот Феликс». Дик распахнул дверь ногой.

Мексиканцы – парень и девушка – с воплями бросились наутек по коридору. Стенс прицелился, но Бад не дал ему выстрелить. Они кинулись вдогонку: Бад впереди, Дик – следом, пыхтя и натыкаясь на мебель. Настигли латиносов в кухне, у окна: дальше бежать было некуда.

Мексиканцы повернулись, подняли руки: он – обычный шпаненок, уличный недоросль, она – симпатичная девчонка примерно на шестом месяце.

Парня рожей к стене, руки за голову. Бад обыскал его: удостоверение личности на имя Санчеса Динардо, немного мелочи. Девчонка захлопала, издавала завывли сирены. Бад развернул Санчеса, врезал по яйцам:

– Это тебе за наших, Санчо. Считай, что легко отделался. Стенс повернулся к девушке.

– Вали-ка отсюда, милашка, – посоветовал ей Бад, – пока моему другу не вздумалось проверить у тебя регистрацию.

Тут девчонка совсем расклеилась:

– Madre mia! Madre mia! ¹⁰

Стенс подтолкнул ее к дверям. Санчес стонал, свернувшись клубком на полу. За окном неприкаянно торчали салаги-патрульные.

---

¹⁰ Матерь Божья (*исп.*).

– Ладно, черт с ним, отдадим его друзьям Браунелла.

– Пусть ребята порадуются, – кивнул Стенс и помахал патрульным.

– Наденьте на этого наручники, – приказал Бад, когда новобранцы вошли на кухню, – и оформите задержание. Нападение на полицейского, сопротивление при задержании.

Салаги поволокли Санчеса к выходу. Стенс усмехнулся:

– Бад Уайт – защитник женщин. Что дальше? Скоро перейдешь на собачек и детишек?

Баду вспомнилась миссис Ральфи – изуродованное лицо, грудь в синяках. Хороший подарок припас ей муж на Рождество.

– Посмотрим. Ладно, пошли наконец, выпивка ждет. Будешь хорошо себя вести – глядишь, тебе достанется целый пузырь!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Престон Эксли сдернул покрывало. Гости заахали и заохали, член городского совета захлопал в ладоши, пролив свой яичный коктейль ¹¹ на одну из светских львиц. Не самый типичный сочельник для копа, подумалось Эду Эксли.

Эд глянул на часы – 8:46. В участке надо быть к полуночи. Престон Эксли широким жестом указал на макет.

Он занимал полкомнаты: парк развлечений, полный гор из папье-маше, картонных ракет, ковбойских городков Дикого Запада. У ворот – мультяшные герои: Мучи-Маус, бельчонок Скутер, утенок Дэнни – все потомство Рэймонда Дитерлинга, бессменные герои «Часа фантазий» и несчетного множества мультяшек.

– Леди и джентльмены, представляю вам Фантазиленд – Страну фантазии! Фирма «Эксли Констракшн» возведет этот парк отдыха и развлечений в Помоне, штат Калифорния: дата открытия – апрель 1953 года. По масштабу и изобретательности проекту «Фантазиленд» нет равных в истории: это целая вселенная, сказочная страна Рэймонда Дитерлинга, отца современной анимации, где будут радоваться и

---

¹¹ Яичный коктейль, или эггног. Яично-алкогольный напиток: вино, коньяк или ром со взбитыми желтками, сахаром и сливками. Подается холодным или горячим. Традиционный рождественский напиток американцев немецкого происхождения.

наслаждаться жизнью дети всех возрастов. В Фантазиленде они смогут познакомиться со своими любимыми героями, созданными гением Дитерлинга. Фантазиленд станет излюбленным местом для всех, кто молод не только телом, но и душой!

Эд смотрел на отца. Пятьдесят семь лет (выглядит на сорок пять): полицейский бог знает в каком поколении, хозяин особняка в Хенкок-парке. Человек, которому стоит пальцем шевельнуть – и все городские шишки, забыв о своих планах на сочельник, побегут к нему. Гости зааплодировали. Престон указал на высокую, покрытую снежной шапкой гору.

– «Мир Пола», леди и джентльмены. Точная копия горы в Сьерра-Невада. В «Мире Пола» вас ждет захватывающее катание на санях и лыжах, а также представления для всей семьи с участием Мучи, Скутера и Дэнни. Вы спросите, почему «Мир Пола»? Кто такой Пол? Пол – это сын Рэймонда Дитерлинга, мальчик, трагически погибший в 1936 году. Он попал под лавину во время турпохода в горы – на той самой горе, копию которой вы сейчас видите. Но довольно о грустном: добавлю, леди и джентльмены, что десять центов из каждого доллара, потраченного посетителями в «Мире Пола», пойдет в Фонд помощи детям, больным полиомиелитом!

Бурные аплодисменты. Престон кивнул Тимми Валберну – актеру, играющему Мучи-Мауса в «Часе фантазий»: веерозубый Валберн, как всегда, жевал сыр. Валберн легонько

подтолкнул стоящего рядом с ним мужчину, тот не остался в долгу.

Пока Валберн пищал и кривлялся, изображая Мучи, взгляд Эда выхватил из толпы Арта Де Спейна. Эд сделал ему знак, и оба вышли в холл.

– Черт возьми, вот так сюрприз!

– Дитерлинг об этом объявил в «Часе фантазий». А что, тебе отец не говорил?

– Нет. Даже не знал, что они с Дитерлингом знакомы. Интересно, где сошлись? Может, на деле Атертона? Тот парнишка, Крошка Вилли Веннерхолм – он ведь, кажется, у Дитерлинга снимался?

Де Спейн улыбается.

– Я ведь состоял при твоём отце. Нет, тогда пути двух великих людей не пересекались. Просто Престон умеет налаживать связи. Кстати, о связях: обратил внимание на этого Мучи-Мышака и его дружка?

Эд кивает.

– А кто это?

Из комнаты доносится взрыв хохота. Де Спейн проводит Эда в кабинет.

– Билли Дитерлинг, сын Рэя. Оператор «Жетона Чести» – сериала, еженедельно прославляющего нашу доблестную полицию на всю страну. Вот и я думаю: интересно, когда Тимми делает Билли минет, сырные крошки в зубах не мешают?

Эд смеется.

– Ну ты и гонишь, Арт!

Де Спейн вальяжно раскидывается в кресле.

– Эдди, скажу тебе, как бывший коп – копу нынешнему: у тебя даже слово «гонишь» звучит словно у профессора из колледжа. И вообще, почему ты все еще Эдди? Пора бы Эдмундом становиться.

Эд поправляет очки.

– Ясно. Сейчас услышу очередной добрый совет. Не уходи из патруля, потому что Паркер в нем досиделся до начальника полиции. Так и продвинешься вверх по административной лестнице, поскольку природных данных Отца-командира у тебя нет.

– С чувством юмора у тебя неважно. А вот мой совет. Избавься от этих стеклышек. Если не считать Тада Грина, никто в Бюро очков не носит.

– Слушай, а ведь ты скучаешь по полиции. Будь у тебя возможность, мне кажется, бросил бы «Экли Констракшн» вместе с пятью десятками тысяч в год и ушел бы не оглядываясь.

Де Спейн закуривает.

– Только вместе с твоим отцом.

– Вот как?

– Да, так. В полиции я был лейтенантом, а Престон – инспектором. И сейчас я при нем. Хотелось бы в кои-то веки с ним сравняться.

– Никакой «Экли Констракшн» не было бы, если бы ты

не разбирался в стройматериалах.

– Спасибо. И серьезно тебе говорю: избавься от очков.

Эд берет со стола фотографию в рамке. Старший брат Томас – в форме. За день до гибели.

– Будь ты копом, я бы тебе выговор влепил. За несоблюдение субординации.

– Да уж, с тебя станется! Ты какое место занял на лейтенантском экзамене?

– Первое. Из двадцати трех кандидатов. При том что я моложе остальных минимум лет на восемь, меньше всех пробыл сержантом, и вообще в полиции прослужил меньше всех.

– И хочешь попасть в Бюро расследований?

Эд ставит фотографию на место.

– Да.

– Ну что ж. Для начала тебе придется годик-другой подождать вакансии. Потом обнаружится, что вакансия эта – в патруле. А потом ты узнаешь: чтобы перевестись из патруля в Бюро, нужно много лет лизать задницу начальству. Тебе сейчас двадцать девять, верно?

– Верно.

– Значит, лейтенантом станешь в тридцать или тридцать один. А молодых да ранних у нас не любят. Шутки в сторону, Эд. Это не для тебя, понимаешь? Те, кто служит в Бюро расследований, – крутые парни. А ты не такой. Да, Паркер открыл патрульным офицерам путь в Бюро – но этот путь не

для тебя, Эд. Подумай об этом.

– Арт, – говорит Эд, – я хочу расследовать преступления. У меня есть связи. Я награжден крестом «За выдающиеся заслуги»¹². Это не круто, как по-твоему? И в Бюро Я пройду.

Де Спейн стряхивает с одежды упавший пепел.

– Будем говорить начистоту. Хорошо, Солнечный Джими?

Детское прозвище повисает в воздухе.

– Конечно.

– Видишь ли... коп ты неплохой. Со временем, быть может, станешь по-настоящему классным копом. И в том, что ты можешь нажать на спуск, я ни секунды не сомневаюсь. Но твой отец... Когда надо, он умел быть своим в доску, а когда надо – последним сукиным сыном. Его обожали и ненавидели. Ненавидели – но обожали. Ты так не сможешь.

Эд сжимает кулаки.

– Ты собирался дать мне совет, дядя Артур. Совет копа, бросившего службу ради денег, – копу, который никогда не уйдет из полиции.

Де Спейн морщится.

– Хочешь моего совета? Будь по-твоему. Интригуй, наущничай, подпевай начальству, лижи задницу Уильяму Х. Паркеру. И моли Бога о том, чтобы оказаться в нужное время в нужном месте.

---

¹² Военная награда США в сухопутных войсках и ВВС, вторая по значению после «Почетной медали Конгресса». Учреждена Конгрессом в 1918 г.

– Как ты и мой отец?

– В точку, Солнечный Джимми.

Эд переводит взгляд на свою форму, висящую на вешалке. Она сшита на заказ: острые стрелки на брюках, сержантские полоски, одинокая нашивка на рукаве.

– Желаю тебе золотых полосок, Эдди, – говорит Де Спейн. – И тесьмы на фуражке. Не будь ты мне дорог, я бы не капал тебе на мозги.

– Знаю.

– Но ты ведь, черт возьми, у нас герой!

Эд чувствует, что пора сменить тему.

– Завтра Рождество, и ты думаешь о Томасе.

Де Спейн кивает.

– Все пытаюсь понять, в чем же я прокололся. О чем его не предупредил. Он ведь даже не расстегнул кобуру.

– Откуда ему было знать, что уличный щипач пойдет на дело с пистолетом?

Де Спейн тушит сигару.

– Томас был прирожденный коп, все на лету схватывал... Так мне тогда казалось. Должно быть, поэтому я теперь надоедаю поучениями тебе.

– Его уже двенадцать лет нет в живых. Я доищусь до правды.

– Знаешь, считай, я забыл, что ты это сказал.

– Нет, не забывай. Помни об этом, когда я поступлю в Бюро. И когда отец будет пить за Томаса и мать, не вздумай ка-

яться. Отец потом неделю в себя не придет.

В дверях появляется Престон Эксли с бутылкой и бокалами. Де Спейн вскакивает.

– С Рождеством, отец, – говорит Эд. – И мои поздравления.

Престон разливает виски по бокалам.

– Спасибо. Да, заказ на королевство мультяшных грызунов достался «Эксли Констракшн». А к сыру я в жизни больше не притронусь. Тост, джентльмены. За упокой души моего сына Томаса и моей жены Маргарет – и за нас троих.

Все трое пьют, и Де Спейн снова наполняет бокалы. Потом Эд произносит любимый тост отца:

– Пусть преступления, вызывающие к правосудию, никогда не остаются нераскрытыми!

За третьей порцией он говорит:

– Отец, я и не знал, что ты знаком с Рэймондом Дитерлингом.

Престон улыбается.

– Мы уже много лет знаем друг друга по бизнесу. Этот контракт мы с Артом держали в секрете по просьбе Рэймонда – он хотел сам о нем объявить в этой своей детской телепередаче.

– Ты с ним познакомился, когда расследовал дело Атертона?

– Нет. Да я тогда и не занимался строительством. Артур, у тебя есть тост?

Де Спейн разливает по бокалам остаток виски.

– За блестящую карьеру нашего будущего лейтенанта в Бюро расследований!

Оба смеются. Престон говорит:

– Кстати, Эдмунд, тут Джоан Морроу интересовалась, есть ли у тебя невеста. Кажется, она к тебе равнодушна.

– Думаешь, из светской львицы получится хорошая жена для копа?

– Для простого копа – вряд ли, для копа в чинах – Очень может быть.

– Например, для шефа Бюро расследований?

– Скорее, для командира патрульной службы, – поджимает губы, Престон.

– Отец, ты мечтал, что патрульную службу возглавлю я, а Бюро расследований – Томас. Но Томас мертв. Не лишай меня этой возможности! Не заставляй кроить жизнь по твоей мерке!

Престон меряет сына долгим взглядом.

– Ясно. Хорошо, что ты заговорил со мной в открытую, сынок. Ты прав: когда-то я действительно об этом мечтал. Но не в этом дело. Из тебя не выйдет хорошего детектива. Ты не чувствуешь людей, их слабостей.

Эду вспоминается Томас: математический склад ума и страсть к хорошеньким девицам.

– А Томас чувствовал?

– Да.

– Папа, я пристрелил бы этого шипача, едва он в карман полез!

– Черт возьми! – бормочет Де Спейн, но Престон жестом заставляет его замолчать.

– Не надо. Все нормально. Эдмунд, несколько вопросов, прежде чем я вернусь к гостям. Вопрос первый: сможешь ли ты сфабриковать улику, чтобы отправить виновного за решетку?

– Если понадобится...

– Отвечай, да или нет.

– Я... нет.

– Сможешь выстрелить бандиту в спину, если понимаешь, что на суде ловкий адвокат его отмажет?

– Я...

– Да или нет, Эдмунд.

– Нет.

– Сможешь выбить из обвиняемого признание, если знаешь, что он виновен?

– Нет.

– Сможешь подтасовать улики на месте преступления так, чтобы поддержать версию обвинителя?

– Нет.

Престон вздыхает.

– Так не рвись на должность, где тебе придется делать такой выбор. Бог дал тебе хорошие мозги: пользуйся ими.

Эд бросает взгляд на свою форму.

– Я и хочу ими пользоваться: расследовать преступления.

– Одно тебе могу сказать, – усмехается Престон, – у тебя есть упорство, которого Томасу не доставало. В Бюро в патруле – ты нигде не пропадешь. Не зря тебе дали Крест.

Звонит телефон, и Де Спейн снимает трубку. Эду вспоминаются японские траншеи, и он не поднимает глаз.

– Лейтенант Фрилинг из участка, – говорит Де Спейн. – говорит, кутузка уже битком набита. И еще, что час назад подстрелили двоих патрульных. Двое подозреваемых арестованы, четверо еще на свободе. Просит, чтобы ты поторапливался.

Эд поворачивается к отцу – но Престон уже в холле, обменивается шутками с мэром Бауроном в рождественской шляпе с ушами, как у Мучи-Мауса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

К доске на стене приклеены журнальные вырезки: «Борец с наркотиками ранен в перестрелке», «Актера Митчума¹³ застукали с марихуаной». На столе, в рамочках – статьи из «Строго секретно»: «Наркодилеры дрожат, когда Отдел по борьбе с наркотиками выходит на тропу войны»; «Актеры утверждают: своей достоверностью сериал „Жетон Чести“ обязан консультанту». К статье о «Жетоне Чести» прилагается фото – сержант Джек Винсеннс с главным героем, Бреттом Чейзом. Бретт Чейз – педофил, трижды привлекался за приставание к мальчикам, каждый раз дело заминали. В досье, что хранится у редактора, подробно об этом рассказано. В журнале вы этого не найдете.

Джек Винсеннс оглянулся. Отдел по борьбе с наркотиками опустел, затих – только в его комнатухе горит свет. Без десяти минут полночь. Он обещал Дадли Смиту напечатать за него отчет об организованной преступности для Аналитического отдела. А Фрилингу обещал выпивку для вечеринки в участке – Сид Хадженс из «Строго секретно» должен привезти ром, да вот что-то не звонит. С Дадли Джек договорился по-свойски: отпечатать рапорт несложно – печатает он сотню знаков в минуту, – а за это Дадли завтра устроит ему

---

¹³ Роберт Митчум (1917 – 1997) – американский актер, звезда фильмов нуар 1940-1950-х.

обед в «Тихом океане» с Эллисом Лоу. Лишний приработок Джеку сейчас не помешает, как и связи в офисе окружного прокурора. Он закурил и начал читать.

Ничего себе рапорт – на одиннадцать страницах! Длинно, нудно, официально, со всякими словесными завитушками, на которые Дадли мастак. Главная тема: растерянность в бандитских рядах после того, как загремел в тюрьму Микки Коэн. Джек дочитал до конца, исправил пару описок и принялся печатать.

Коэн в федеральной тюрьме на острове Мак-Нил. Уклонение от уплаты подоходного налога – от трех до семи лет. Дэви Голдман, его казначей, – там же, тоже от трех до семи, обвинение по шести пунктам: налоговое мошенничество – неуплата в федеральный бюджет. Смит предсказывал возможные разборки между фаворитами Коэна – Моррисом Ягелкой и «Крутым» Джеком Уэйленом: главарь мафии Джек Драгна депортирован, и теперь, судя по всему, именно кому-то из этих двоих предстоит взять под контроль криминальное ростовщичество, проституцию, букмекерство и рэкет. Смит утверждал, что за Ягелкой надзор не требуется – организатор из него никудышный, и что Джон Стомпана-то и Эйб Тайтелбаум, доверенные «быки» Коэна, встали на честный путь. А Ли Вакс, киллер Коэна, занялся религиозным мошенничеством – торгует какими-то патентованными пилюлями, будто бы дающими слияние с Космосом.

Джек печатал дальше. Насчет Джонни Стомпа и Парке-

ра Тайтелбаума. Дадли маху дал: на честном пути им делать нечего. Эти ребята – бандиты от рождения.

Он заправил свежий лист. Следующая тема: прошлогоднее февральское дело. Сорвана сделка Коэна и Драгны – двадцать пять фунтов героина и предположительно сто пятьдесят штук баксов украдены. Джек эту историю слышал: бывший коп по имени Базз Микс увел у Коэна мешок порошка и кучу денег, отымел его бабу и смылся. Пристрелили его где-то возле Сан-Бернардино – и, говорят, сделали это по заданию Микки лос-анджелесские копы вместе с громилами Коэна. А ворованное так и не нашли. Версия Дадли: товар и деньги Базз где-то зарыл, а сам погиб от руки «неизвестного лица или лиц». Джек усмехнулся: если эти «лица» и носят жетоны, не такой человек Дадли, чтобы сор из избы выносить – пусть даже во внутреннем рапорте.

Вот наконец и заключение: с тех пор как Микки за решеткой, организованная преступность пребывает в раздразне и замешательстве. Однако стоит держать ухо востро: не сегодня-завтра у Коэна объявятся наследники и начнется передел власти. Проституция – особо лакомый кусок. И Джек подписал последнюю страницу: «С уважением, лейтенант Д. Л. Смит».

Зазвонил телефон.

– Отдел наркотиков, Винсеннс.

– Это я. Есть хочешь?

Хадженс. Разозлить меня хочет, подумал Джек. Хрен ему.

– Что-то ты припозднился, Сид. Пьянка уже в разгаре.

– У меня для тебя кое-что получше выпивки. Наличные!

– Говори.

– Да и говорить-то особо не о чем. Тамми Рейнолдс – та, что снималась в «Урожае надежды». Завтра фильм начинает идти во всех кинотеатрах города. Один паренек, которого я знаю, только что загнал ей порцию травки – такую, что на уголовное дело хватит и еще останется. Глюки наша крошка ловит по адресу Голливуд-Хиллс, Маравилья, 2245. Ты ее повяжешь, а я об этом напишу. А по случаю Рождества поделюсь информацией с Морти Бендишем из «Миррор», так что твое имя попадет и в ежедневные газеты. Плюс пятьдесят наличными и твой ром. Ну что, похож я на Санта-Клауса?

– Фотки будут?

– На всю полосу! Надень синий пиджак, он идет к твоим глазам.

– Сотня, Сид. А еще – двое патрульных, по двадцатке каждому, и десятка командиру бригады из Голливудского участка. И организуешь все ты.

– Джек! У нас же Рождество!

– У кого Рождество, а у кого задержание по факту незаконного владения наркотиками.

– Черт! Дай мне полчаса, лады?

– Двадцать пять минут.

– Садист ты, Джек!

Джек повесил трубку, перечеркнул в календаре еще один

день. Очередной день без выпивки и без дури. Четыре года и два месяца.

* * *

Джек чувствует себя как актер перед тем, как должен подняться занавес: Маравилья перегорожена, у «паккарда» Сидда Хадженса тусуются двое патрульных, их черно-белый автомобиль припаркован посреди тротуара. Тихо, темно: Сид уже установил прожектор. Отсюда открывается вид на Бульвар – прямо на китайский театр Граумана ¹⁴. Лучшего общего плана для съемки не придумаешь. Джек остановил машину, вышел.

Сид сунул ему в ладонь деньги.

– Сидит в темноте – видно, кайфует под елочкой. Дверь на вид хлипкая.

Джек вытащил револьвер.

– Скажи своим парням, пусть грузят выпивку ко мне в машину. Хочешь снять на фоне «Граумана»?

– На фоне «Граумана»? Джеки, ты гений!

Джек молча его разглядывал. Худой, как огородное пугало, неопределенного возраста – от тридцати пяти до пятидесяти. В грязи копается и грязью живет. Знает ли о том,

---

¹⁴ Знаменитый кинотеатр в Голливуде, построенный в 1927 г., где проходят самые престижные кинопремьеры. Перед входом в цементе отпечатаны руки или ноги многих кинозвезд «фабрики грез».

что случилось в октябре сорок седьмого, двадцать четвертого числа? Если знает, их с Джеком уговор – на всю жизнь.

– Сид, скажи своему фотографу: когда я выволоку ее на крыльцо, не хочу, чтобы этот чертов прожектор бил мне в глаза.

– Считай, я ему уже сказал.

– Ладно, а теперь считай до двадцати.

Хадженс принялся отсчитывать. Джек шагнул на крыльцо, вышиб дверь плечом. Вспыхнул прожектор, ярко осветив комнату: рождественская елка, а под ней, на ковре прижалась друг к другу парочка в нижнем белье.

– Полиция! – рывкнул Джек, и голубки застыли. Луч света выхватил на диване пухлую сумку, полную травы.

Девушка завизжала, парень потянулся за штанами. Джек наступил ногой ему на грудь.

– Руки! Медленно.

Парень свел запястья, и Джек одной рукой защелкнул на нем наручники. Ворвались патрульные и бросились к улке. Вглядевшись в паренька, Джек его узнал – Рок Рокуэлл, подающая надежды кинозвездочка из компании РКО. Девчонка сдуру кинулась бежать, Джек схватил ее. И обоих – на крыльцо, в свет прожектора.

– Повернись, Джек! – завопил Хадженс. – Спиной к «Грауману» повернись!

Джек повернулся и притиснул к себе обоих подозреваемых – смазливые перепуганные мордашки, полуголые тела.

Мигнули вспышки.

– Снято! – крикнул Хадженс. – Забирайте!

Орущих влюбленных уволокли к себе в машину патрульные. В соседних домах засветились окна, захлопали двери. Джек повернулся и снова вошел в дом.

Запашок марихуаны – четыре года прошло, а ему все не забыть, как сладко пахнет эта дрянь. Хадженс уже здесь: копается в ящиках, вытаскивает на свет божий искусственные члены, собачьи ошейники с шипами. Джек нашел телефон, перелистнул записную книжку – вдруг найдется телефон наркодилера? Из книги выпала на пол визитная карточка: «„Флер-де-Лис" ¹⁵. Двадцать четыре часа в сутки – все, что пожелаете».

Сид что-то неразборчиво забормотал. Джек сунул карточку обратно.

– Вслух давай.

Хадженс, откашлявшись:

– Тихое рождественское утро в Городе Ангелов. Добпорядочные граждане спят сном праведников – а наркомамы рыщут по городу в поисках марихуаны, зловещей травы, корни которой тянутся прямоком из Ада. Тамми Рейнолдс и Рок Рокуэлл, погрязшие в пороке кинозвезды, приобрели порцию наркотика и теперь предаются разврату в роскошном особняке Тамми на Голливудских холмах. Они не знают, что играют с огнем без асбестовых перчаток! Не знают, что

---

¹⁵ Цветок лилии.

по их следу уже идет человек, способный раздуть этот огонь! Не знают, что к ним спешит гроза наркоторговцев и бессменный хранитель покоя честных граждан – знаменитый сыщик Джек Винсеннс! А «Винсеннс» значит «Виктория» – Победа с большой буквы! Получив сведения из анонимного источника, сержант Винсеннс... ну и так далее. Как тебе, Джеки? – Красиво.

– Точно! Такие вот красоты и обеспечивают мне тираж в девятьсот тысяч. И между прочим, продажи все растут! Знаешь что? Добавлю-ка я, пожалуй, что ты два раза разводился, потому что на первое место ставишь борьбу с наркотиками, а жены твои не могли этого пережить. И еще: что вырос ты в приюте города Винсеннс, штат Индиана, и фамилию получил в честь этого местечка. Джек – Победитель с ба-а-альной буквы!

А в отделе его зовут «Мусорщик Джек» – с тех самых пор, как, поймав Чарли Паркера по кличке Баклан, сунул его головой в мусорный бак у клуба «Замбоанга».

– Лучше про «Жетон Чести» напиши. Как я с Миллером Стентоном пиво пью, как Бретта Чейза учил играть копа. Что без консультанта и сериала бы никакого не было. Что-нибудь в таком роде.

Хадженс фыркнул.

– Бретт небось все по малолеткам бегают?

– А негры все еще умеют плясать?

– Только к югу от бульвара Джефферсона. Спасибо за ста-

тью, Джек.

– Не за что.

– Я серьезно. Всегда рад тебя повидать.

Ах ты таракан паршивый! Вот сейчас подмигнешь – потому что знаешь прекрасно: стоит тебе словечко шепнуть Уильяму Х. Паркеру, моралисту недоделанному, и мне кранты. Знаешь ты, прекрасно знаешь, что случилось в сорок седьмом году, небось и документы все при тебе, и ничего не стоит подсунуть их кому следует, так, чтобы меня подставить, а самому остаться чистеньким...

Хадженс подмигнул.

Нет, подумал Джек. Может, и многое есть в досье у редактора «Строго секретно». Но не все.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вечеринка в самом разгаре: участок набит битком.

Бесплатный бар: скотч, бурбон, ром, принесенный Джеком Винсеннсом Мусорщиком. Дик Стенсленд сочинил яичный коктейль под названием «Старая ворона». Кто-то поставил на патефон непристойные рождественские песенки: Санта со своим оленем такое там вытворяют – не перескажешь. В дежурке яблоку некуда упасть, и все идут и идут патрульные с ночной смены, утомленные отловом бродяг и жаждущие выпивки.

Бад оглядел толпу. Фред Турентайн бросает стрелки в портреты разыскиваемых, Майк Крагман и Уолт Дьюкширер играют в «назови негра» – на пари в четвертак угадывают имена цветных заключенных на снимках из полицейской картотеки. Джек Винсеннс потягивает содовую, лейтенант Фрилинг вырубился, уронив голову на стол. Эд Эксли пытался утихомирить сослуживцев, а когда ничего не вышло, скрылся у себя в кабинетике – регистрирует там арестованных, раскладывает по папкам рапорты о задержаниях.

Пьяны почти все, а кто не пьян, тот усиленно над этим работает.

И почти все говорят о Браунелле и Хеленовски – двоих патрульных, что сегодня попали в неотложку, о задержанных нападавших и о тех двоих, которые по-прежнему в бегах.

Бад стоял у окна. Обрывки слухов метались по комнате, обрастая живописными подробностями: Браунеллу разорвали губу до носа, Хеленовски один из нападавших откусил ухо. А Дик Стенсленд взял ствол и отправился на улицу мексикашек отстреливать. Этому Бад готов был поверить: сам видел, как Стенс претя к автостоянке с помповым наперевес.

Голоса становились громче. Бад вышел на стоянку, прислонился к патрульной машине.

За окном моросило. У дверей тюремного отсека потасовка – Дик Стенсленд впихивает внутрь двоих. Слышны крики. У Стенсленда скоро двадцать лет выслуги, думает Бад. Эх, напарник... Из дежурки Фрэнк Доуэрти слезливым тенорком затягивает «Серебряные колокольчики».

Бад отошел подальше: музыка напомнила о матери. Закурил – не помогло.

Он не смог ее защитить. А ведь ему было уже шестнадцать. Старик пришел домой. Только тронь ее еще раз, сказал Бад, – убью. А потом лег спать – и очнулся скованный по рукам и ногам, притянутый наручниками к кровати. У него на глазах старик забил мать до смерти монтировкой. И ушел. А Бад остался в пустой комнате рядом с трупом. Он кричал, пока не сорвал голос. Неделью он провел там – без воды, в бреду, глядя, как разлагается его мертвая мать. Его нашел школьный инспектор, отлавливавший прогульщиков, а старика – люди из ведомства шерифа Лос-Анджелеса.

Потом суд, адвокат, просьба об изменении квалификации – с убийства первой степени на вторую. Пожизненное. Через двенадцать лет старик вышел на поруки. Тогда сын – Венделл Уайт из полицейского управления Лос-Анджелеса – решил его убить.

Но старик исчез.

Сбежал из-под надзора и ни разу не появился ни в одном из привычных мест. Бад не оставлял поиски. Шел на женский крик. Малейший шум – и он был тут как тут. Однажды вломился в дом, где хозяйка обожгла руку у плиты. Другой раз спугнул семейную парочку, занимавшуюся любовью.

Старик как сквозь землю провалился.

Бад поступил в Бюро расследований, стал напарником Дика Стенса. Дик и научил его всем ходам-выходам. А выслушав его историю, сказал: найти его ты не можешь, зато можешь сравнять счет. Прижми к ногтю пару-тройку уродов, которые колотят жен, – глядишь, и кошмарам твоим конец настанет. Скоро и случай представился: в руки Баду попал дебошир, любитель семейно-бытового рукоприкладства, уже три раза отсидевший по уголовке. По дороге в участок Бад остановил машину и предложил драчуну для разнообразия помахаться с женщиной. Без наручников, голыми руками, один на один. Победит – свободен. Дебошир согласился. Бад сломал ему нос, челюсть, ударом ноги разорвал селезенку. Дик оказался прав: кошмары прекратились.

В полиции Бада начали уважать – и побаиваться.

Он поддерживал свою репутацию. Не забывал о старых клиентах: если адвокат помогал им выпутаться – звонил им домой, если их выпускали на поруки – навещал: Добро пожаловать домой, ребята, еще раз попробуете распустить руки – я с вами иначе поговорю. Порой спасенные жертвы пытались его отблагодарить. Бад не поддавался и находил себе женщин в других местах. Он вел список процессов и отпусков на поруки, посылал своим «подопечным» открытки в тюрьму и стойко выносил дисциплинарные взыскания из-за жалоб на чрезмерное насилие при исполнении законной процедуры. Дик Стенс сделал из Бада хорошего сыщика. Скоро их роли переменились: теперь уже Бад, как нянька, присматривал за своим учителем, следил, чтобы тот не напивался на дежурстве, придерживал, когда Стенсу приходила охота открыть пальбу без серьезных оснований. Бад был постоянно начеку: Стенс съезжал с катушек – раскручивал владельцев баров на бесплатную выпивку, за взятки отпускал грабителей...

Бад показалось, что патефонный певец в дежурке странно зафальшивил, но сразу понял, что музыка тут ни при чем. Из кутузки слышались громкие голоса. Нет, не голоса – хриплые вопли.

Они все усиливались. Беспорядочный говор в коридоре, торопливый топот ног – похоже, вечеринка перемещается из дежурки в обезьянник. Догадка: пьяный Стенс сорвался с цепи. И прочие, подогретые спиртным и злостью за товарищей, сейчас к нему присоединятся. Бад рванулся из своего укры-

тия, распахнул дверь.

Проход между камерами битком набит. Несколько решетчатых дверей распахнуто. Арестованные жмутся к стенам. Стиснутый в толпе, надрывается Эд Эксли, пытается навести порядок – никто его не слушает. На полу Бад заметил скопленный список задержанных. Шестеро отмечены галочками: Санчес, Динардо; Карбигаль, Хуан; Гарсия, Эзекиель; Часко, Рейес; Райе, Деннис; Валупек, Клинтон. Те, что напали на патрульных.

Алкаши в «аквариуме» криками подливают масла в огонь.

Стенс вламывается в камеру номер четыре. На руке у него – кастет.

Вилли Тристано притиснул Эксли к стене, Крам Крамли сдернул у него с пояса ключи.

Копы переходят из камеры в камеру. Элмер Ленц широко улыбается – одежда в крови. Джек Винсеннс дежурит у кабинета командира бригады – лейтенант Фрилинг храпит, раскинувшись на столе.

Бад бросился вперед.

Работать локтями не приходилось: парни видели, кто идет, и уступали дорогу. Стенс уже в третьей камере – Бад за ним. Дик обрабатывает какого-то тощего парня: лупит по голове; мексиканец упал на колени, держится за челюсть. Бад схватил Дика за шиворот, оттащил. Латинос сплюнул кровью.

– О-о, мистер Уайт! Я тебя знаю, puto ¹⁶! Ты чуть не убил Кальдо, кореша моего, за то, что тот решил поучить свою шлюху-жену! Эта тварь от него гуляла, а ты чего полез? Тоже защитничек нашелся, мать твою!

Бад отпустил Стенса. Мексикашка показал ему палец: Бад ударил его ногой, отчего тот растянулся на полу, потом схватил за шею. Приключений ищешь, мудила? Будет тебе сейчас приключение! Поднял черномазого в воздух – и головой в потолок. Над толпой – голос пай-мальчика Эда Эксли:

– Офицер Уайт, прекратите! Это приказ!

Мексикашка исхитрился и врезал ему по яйцам. Бад выпустил его, отшатнулся к решетке – черномазый кинулся бежать, но наткнулся на Винсеннса. У Мусорщика глаза на лоб полезли: дорогой кашемировый пиджак был измазан кровью мексиканца. Винсеннс врезал ему раз, другой – уложил. Эксли рванулся вон из обезьянника.

Крики, вопли, рев – громче тысячи тревожных сирен.

Стенс выдернул из кармана фляжку джина. Все пьяны в стельку. Один Эд Эксли трезв как стеклышко – вон он, сгружает в кладовку остатки спиртного.

Голоса:

– Молодчина, Большой Бад!

К голосам – лица: перекошенные, страшные. Эксли все возится в кладовке, трезвенник чертов, будет разбирательство – главным свидетелем станет! Недолго думая, Бад бро-

---

¹⁶ Педераст (исп.).

сился по коридору к кладовке, захлопнул дверь и запер на засов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Заперт в комнатухе два с половиной на два с половиной метра. Ни окон, ни телефона, ни селекторной связи. На полках – щетки, тряпки, ведра. Спиртное Эд выплеснул в раковину: но раковина засорена, и теперь в ней стоит мутное пахучее озеро. Дверь стальная – не выбьешь. От спиртовой вони блевать тянет. Через вентиляционное отверстие доносятся крики и глухие удары.

Эд колотит в дверь – нет ответа. Кричит в вентилятор, и горячий воздух обжигает ему лицо. Он в ловушке! Заперт, связан по рукам и ногам. Парни из Бюро посчитали, что он все равно не станет стучать. Что бы отец сделал на его месте?

Мучительно тянется время. Крики то затихают, то вздымаются волной, опять затихают – и снова... Эд молотит кулаками в дверь – бессмысленно. В кладовке все жарче. От спиртного в воздухе мерзкая вонь: как на Гвадалканале, когда он прятался от японцев под трупами. Форма насквозь мокрая. Сбить засов выстрелом? Пуля может срикошетить от металла и убить его.

Едва ли удастся замять дело: внутреннее расследование, гражданские иски, большое жюри ¹⁷. Полицейские-садисты избивают подозреваемых – у скольких карьера пойдет коту

---

¹⁷ Коллегия из 12 – 23 присяжных, решающая вопрос о предании обвиняемого суду присяжных на основании изучения обвинительного акта.

под хвост! А в ответе за все – сержант Эдмунд Дж. Эксли, не сумевший обеспечить порядок в отделении. И Эд принимает решение: бог дал ему хорошие мозги, и сейчас самое время ими воспользоваться.

Эд присаживается на корточки и начинает писать на обороте бланка. Версия первая: правда.

Разнесся слух, что Джон Хеленовски лишился глаза. Слух распустил сержант Ричард Стенсленд, арестовавший Раиса, Денниса и Валупека, Клинтона. С тем же успехом можно было бросить спичку в канистру с бензином. Лейтенант Фрилинг, командир бригады, крепко спал, поскольку в нарушение внутреннего распорядка за номером 4319 надрался на рабочем месте. Сержант Э. Дж. Эксли, внезапно оказавшийся за старшего, обнаружил пропажу ключей от камер. Толпа полицейских, отмечавших в дежурке Рождество, рванулась в обезьянник. Камеры, где содержались шестеро подозреваемых в нападении, были открыты ключами – теми самыми, которых недосчитался сержант Эксли. Сержант пытался снова запереть камеры, но избиение уже началось. Сержант Виллис Тристано схватил сержанта Эксли за руки, а сержант Уолтер Крамли снял у него с пояса запасные ключи.

Ни с помощью уговоров, ни с помощью силы сержант Эксли вернуть ключи не смог.

Добавим деталей.

Полицейские избивали беззащитных задержанных. Особенно зверствовал Стенсленд. Бад Уайт схватил одного из

арестованных за шею и поднял, ударив головой о потолок. Сержант Эксли приказал офицеру Уайту прекратить: офицер Уайт приказу не подчинился. Сержант Эксли не стал повторять приказ, поскольку арестованный освободился, и необходимость в дальнейшей конфронтации отпала.

Эд поморщился и продолжал писать. Поставил дату – 25 декабря 1951 года. Заголовок: избиение заключенных в тюрьме Центрального участка. Большое жюри выносит обвинительный акт, в департаменте начинаются разборки в департаменте, репутация шефа Паркера летит к чертям... Эд взял чистый лист. Начнут опрашивать свидетелей – и тут выяснится, что все офицеры в участке были, что называется, в стельку. Пьяный свидетель – не свидетель. А вот сержант Эксли не пил, к тому же пытался навести порядок – свидетель из него идеальный. Ему нужно сложить с себя ответственность, начальству – сохранить лицо. В департаменте будут благодарны человеку, который поможет им выйти сухими из воды и отвязаться от газетчиков. Но для этого нужен план. А план надо составить заранее.

И Эд начал вторую версию.

Для начала возложим вину на конкретных людей. Стенсленд, Джонни Браунелл – брат раненого патрульного, Бад Уайт и еще несколько работяг, уже дослужившихся или почти дослужившихся до пенсии: Крагман, Такер, Хайнеке, Хафф, Дисброу, Доуэрти. Если прокуратура серьезно возжаждет крови – бросить им стариков. Далее: почему бы не

предположить, что подозреваемые в нападении пытались бежать и освободить остальных заключенных? Алконавты из «аквариума» подтвердят. Еще несколько поворотов, и правда превращается в искусную ложь, которую ни один свидетель не сумеет опровергнуть. Эд подписал вторую версию и приложил ухо к вентиляционной трубе – узнать, не родилась ли третья.

Третья версия рождается в муках. За стеной Стенса призывают проснуться и взглянуть, что он, мать его так, натворил. Уайт бормочет что-то неодобрительное и уходит тяжелыми медленными шагами. Крагман и Такер матерят мексиканцев. В ответ – стоны и всхлипы. Уайта и Джонни Браунелла больше не слышно. Ленц, Хафф, Доуэрти, судя по всему, тоже смылись без шума. Надрывный плач, снова и снова повторяемое *madre mia*.

6:14 утра.

Эд начал третью версию. Ни стонов, ни *madre mia*. Арестованные за нападение буйствовали и подстрекали других заключенных к бунту. Получили по заслугам. Что бы сказал отец? Вечно твердит о правосудии. А этих шестерых избили за то, что они искалечили двух полицейских – что это, если не правосудие?

Шум затих – уже окончательно. Эд попытался уснуть, но так и не смог.

В замке повернулся ключ. На пороге лейтенант Фрилинг – бледный, трясется. Эд отстранил его, двинулся по коридору.

Двери шести камер распахнуты настежь. Пол скользкий от крови. Хуан Карбигаль лежит на койке, под голову подсунута сложенная рубашка – несколько часов назад белая, теперь красно-бурая. Клинтон Валупек смывает кровь с лица. Рейес Часко – один громадный синяк; Деннис Райс расправляет распухшие сломанные пальцы. Санчес Динардо и Эзекиель Гарсиа прижались друг к другу на грязном полу.

Эд набрал номер скорой помощи. На словах «Центральный полицейский участок» его едва не вырвало.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Ты почему не ешь, сынок? – спросил Дадли Смит. – Аппетита нет после вчерашней вечеринки?

Джек покосился на тарелку. Мясо на косточке, спаржа, вареная картошка.

– Когда за еду платит офис окружного, я всегда заказываю больше, чем могу съесть. Так где Лоу? Не хочет взглянуть на свою покупку?

Смит сочно, басовито засмеялся. Этаким комический ирландец из мюзикла: мешковатый пиджак надежно скрывает и револьвер 45-го калибра, и истинную натуру.

– А что у этого Лоу на уме?

Дадли взглянул на часы.

– Что ж, будем считать, что Рождество Спасителя нашего мы отпраздновали, и перейдем к делу. Лоу, сынок, хочет стать прокурором нашего славного города. А со временем и губернатором Калифорнии. Он уже восемь лет заместитель окружного прокурора, в сорок восьмом баллотировался и проиграл, а на следующих выборах, в марте пятьдесят третьего, надеется выиграть. Так, по крайней мере, Эллис считает. Он парень ценный: с полицией дружит, криминалу – смертельный враг. И мне нравится, хоть и сын Сиона. По моему, хороший прокурор из него получится.

А ты, сынок, можешь ему пригодиться в предвыборной

кампании. И стать его другом. Очень ценным другом.

Одного мексиканца Джек вчера вырубил. Если дело выйдет на свет... нехорошо получится. Очень нехорошо.

– Что ж, может случиться, что скоро мне понадобится его дружба.

– Влиятельные друзья, сынок, никому еще не мешали.

– Что ему нужно? Деньги?

– К чему же такая грубая прямота, сынок? Скажем так: ему нужны твои услуги. Услуги, за которые он, разумеется, готов отплатить взаимностью. Особенно интересуют его твои связи в артистическом мире. Однако в основе стремлений мистера Лоу действительно лежат деньги, и я погрешу против истины, если стану утверждать обратное.

Джек отодвинул тарелку.

– Хочет, чтобы я потряс ребят из «Жетона Чести». Раскрутил их на пожертвования в фонд кампании.

– Совершенно верно. И держал от него подальше ищеек из этого чертова журнальчика «Строго секретно». А поскольку наш пароль – «взаимность», не сомневайся, в ответ он готов на многое.

– Например?

Смит щелкнул зажигалкой.

– У Макса Пелтца, продюсера сериала, уже много лет проблемы с налогами. Лоу проследит, чтобы аудиторы к нему больше не являлись. Бретт Чейз, который благодаря твоим советам так натурально играет полицейского, – извращенец,

любитель мальчиков. Лоу не станет привлекать его к суду. А сценарист сериала получит в свое распоряжение реальные документы из прокурорского архива. И сам ты, сынок, без награды не останешься. Лейтенант Боб Галлодет из следственного отдела прокуратуры поступает сейчас в юридическую академию. Если хорошо ее окончит, станет прокурором, а ты получишь лейтенантское звание и займешь его место. Ну как, впечатляет тебя такое предложение?

Джек взял у него из пачки сигарету.

– Ты прекрасно знаешь, босс: из Отдела наркотиков я не уйду. И еще прекрасно знаешь, что я отвечу «да». А едва я скажу «да», как появится Эллис Лоу, пожмет мне руку, горячо поблагодарит и снова смоемся. Так что я говорю: да.

И действительно, в тот же миг в кабинет проскальзывает Эллис Лоу.

– Джентльмены, прошу прощения за опоздание!

– Я согласен, – говорит Джек.

– Вот как? Лейтенант Смит уже изложил вам суть дела?

– Некоторым долгие объяснения не нужны – все на лету схватывают, – замечает Дадли.

– Благодарю вас, сержант, – говорит Лоу, поглаживая щечку, выдающую в нем «фибетника»¹⁸. – Если смогу быть

---

¹⁸ Член братства «Фи-бета-каппа» – старейшего в США общества студентов и выпускников университетов, основанного в 1776 г. Греческие буквы названия – первые буквы слов девиза «Философия – рулевой жизни». Студент может быть избран членом общества на третьем или четвертом курсе при академической успеваемости.

чем-то вам полезен... ну, вы понимаете... не стесняйтесь, звоните в любое время.

– Стесняться не буду. Останетесь на десерт?

– Ох, и рад бы, но столько дел, столько дел... Но мы с вами обязательно должны как-нибудь вместе поужинать!

– Всегда к вашим услугам, мистер Лоу.

Лоу бросает на стол двадцатидолларовую бумажку.

– Еще раз благодарю вас, лейтенант, надеюсь скоро снова с вами увидеться. С Рождеством вас, джентльмены!

Джек кивает. Когда Лоу скрывается, Дадли говорит:

– Есть кое-что еще, сынок.

– Еще работа?

– Вроде того. Если не ошибаюсь, сегодня вечером ты обеспечишь охрану на рождественской вечеринке у Уэлтона Морроу?

Ежегодная обязанность Джека, весьма щедро вознаграждаемая. Сто долларов за пригляд за светской тусовкой.

– Да. А что? Лоу мечтает попасть в число приглашенных?

– Нет, не совсем... Ты ведь, кажется, однажды оказал мистеру Морроу большую услугу?

Октябрь сорок седьмого. Большую услугу, это точно.

– Верно.

– И по-прежнему с его семьей на дружеской ноге?

– Вроде того – насколько могут богачи дружить с наемным охранником. А что?

Дадли расплывается в улыбке.

– Видишь ли, сынок, Эллису Лоу нужна жена. Предпочтительно – не еврейка, светская леди из хорошей семьи. Он несколько раз встречал в обществе Джоан Морроу, и она, что называется, запала ему в душу. Не хочешь ли сыграть Купидона и поинтересоваться у прекрасной Джоан, как она на это смотрит?

– Господи, Дад! Хочешь, чтобы я поработал для будущего окружного прокурора свахой?

– Именно. Как тебе кажется, мисс Морроу это предложение заинтересует?

– Попробовать стоит. Она ценит положение в обществе и всегда стремилась удачно выйти замуж. Только вот его национальность... Это может помешать.

– Да, конечно. Но ты с ней поговоришь, сынок?

– Обещаю.

– Значит, договорились. Да, кстати, вчерашняя заваруха в участке – насколько это серьезно?

Вот и дошли до сути.

– Серьезнее некуда.

– Думаешь, дело выйдет наружу?

– Не знаю. А что там с Браунеллом и Хеленовски? Как они?

– Легкие ранения, сынок. Я бы сказал, что наказание оказалось несоразмерно преступлению. Ты в этом участвовал?

– Меня ударили, я ударил в ответ и смылся. Лоу боится расследовать дело?

– Боятся поспорить с друзьями.

– Сегодня у него стало одним другом больше. Передай ему, теперь он может быть спокоен.

* * *

Доехав до дому, Джек плюхнулся на кушетку и проспал до полудня. Проснулся от шороха на лестнице – на крыльце лежала «Миррор». На четвертой странице: «Рождественский сюрприз для звезд „Урожая надежды“».

Фотока нет, но намека насчет «В-Виктории» Морти Бендиш уловил. «Получив сведения от одного из своих многочисленных информаторов...» – звучит так, словно по улицам Лос-Анджелеса рыщет целая армия шпионов Винсеннса – Победителя с Большой Буквы! И платит он им из своего кармана. Пусть все знают, что на борьбу со злом Джек Винсеннс денег не жалеет! Вырезал статью, пролистал остальное в поисках заметок о Браунелле и Хеленовски, о вчерашнем погроме.

Ничего.

Оно и понятно. Двое раненых полицейских – не велика сенсация, а связаться с охочим до скандалов адвокатишкой мексиканская шпана просто не успела.

Джек вытащил записную книжку.

Страницы разделены на три колонки: дата, номер чека, сумма. Суммы – от сотенной бумажки до двух тысяч. Все чеки выписаны на имя Дональда и Марши Скоггинс, Седар-Ра-

пидс, штат Айова. Внизу третьей колонки подведен итог: 32 350 долларов. Джек достал чековую книжку, быстро подсчитал баланс. Пожалуй, в этот раз сможет послать пятьсот. Пять сотен – недурной рождественский подарок детишкам от дядюшки Джека. Не первый и, конечно, не последний.

Это – до самой смерти. И то не расплатишься.

Каждое Рождество просыпаются воспоминания, ноют, как больной зуб. Для сироты паршивее Рождества времени не найти. Кому и знать, как не Джеку: он ведь вырос в приюте – а много лет спустя сделал сиротами двоих незнакомых ребят...

Последние числа сентября, 1947 год.

Странно вспомнить, что началась эта история все с той же семейки Морроу. Ему позвонил Уортон, прежний шеф полиции. Сказал, дочка Уэлтона Морроу Карен попалась со школьной компанией на наркоте. Брали дурь у саксофониста по имени Лес Вайскопф. Морроу – адвокат, денег у него куры не клюют, и помочь полиции он никогда не забывает. Он хочет, чтобы Вайскопф получил свое – но без лишнего шума.

Вайскопфа Джек знал: прическа под лабуха, торгует диллаудидом, любит молоденьких. За работу Уортон обещал Джеку сержантские нашивки.

Саксофониста он нашел в постели с пятнадцатилетней девчушкой. Девчонка смылась, Вайскопфа Джек треснул рукоятку револьвера по башке, перетряхнул его сумку, нашел

там полный кошель колес и косяков. Дурь припрятал, решив толкнуть Микки Коэну. Уэлтон Морроу предложил ему постоянную работу телохранителя – Джек согласился. Карен Морроу упрятали в заокеанский интернат, от греха подальше. Повышение Джек получил, как и было обещано. Микки К. дурью не заинтересовался – оказалось, он ничего, кроме героина, не признает. И Джек оставил добро незадачливого джазмена у себя. Порой глотал таблетку-другую, чтобы не помереть со скуки на ночном дежурстве. А потом Линда, жена номер два, удрала с одним из его стучевил – тромбонистом, приторговывавшим травой. И тогда Джек подсел всерьез – курил, жрал бензедрин, мешал дурь с виски. Бесстрашный борец с наркотиками, враг богемы №1. И наступило двадцать четвертое октября...

В ту ночь он, скорчившись за рулем, следил за торговцами героином на стоянке у «Малибу Рандеву». Двое «клиентов» сидели в «паккарде». Время приближалось к полуночи: Джек уже хорошо приложился к бутылке, выкурил по дороге косячок, проглотил пару бензедриновых колес. Четверть первого – и наконец-то к «паккарду» подваливает длинный костлявый негритос.

Сделка не состоялась. Едва сверток перешел из рук в руки, Джек распахнул дверцу своей машины, начал вылезать, но споткнулся. Негритос кинулся бежать, пушеры выскочили из «паккарда» со стволами наперевес. Джек вытащил пушку. Ниггер обернулся и выстрелил. Рядом замаячили две

темные фигуры: дружки его, подумал Джек и нажал на спуск, расстреляв всю обойму. Две тени рухнули на землю, пушеры открыли пальбу по нему и негритосу, и тот упал у «студебеккера» выпуска 1946-го.

Джек грыз цемент, поминал бога и черта. Одна пуля ударила ему в плечо, другая прошла по ногам. Он заполз под машину: какое-никакое, а прикрытие. Визг тормозов, чьи-то отчаянные вопли. Наконец появилась скорая помощь и полиция: кобёл – помшерифа погрузила его на носилки. Сирены, больничная кровать, кобёл шепчет Джеку, что при анализах у него в крови обнаружены наркотические вещества. Операция, долгий тяжелый сон под наркозом. Когда очнулся – на одеяле газета: «В перестрелке у "Малибу" погибли трое – герой-полицейский выжил».

Пушеры смылись, и все убийства повесили на них.

Ниггера-покупателя нашли на стоянке мертвым.

А те две тени во тьме оказались вовсе не его друзьями, а мистером и миссис Гарольд Дж. Скоггинс, туристами из Седар-Рapidс, штат Айова, счастливыми родителями семнадцатилетнего Дональда и шестнадцатилетней Марши.

Доктора как-то странно на Джека поглядывали. Та баба-кобёл из службы шерифа оказалась Дот Ротштейн, кузиной Пархача Тайтелбаума и сподвижницей легендарного Дадли Смита.

Предстояло вскрытие трупов – и вскрытие с неизбежностью показало бы, что пули, прервавшие жизнь мистера и

миссис Скоггинс, были выпущены из револьвера Джека Винсеннса.

Спасли его дети.

Всю неделю в больнице он умирал от страха. Его нарушали Тад Грин и шеф Уортон, заходили и ребята из Отдела наркотиков. Дадли Смит предлагал свою помощь: хотелось бы Джеку знать, много ли ему известно. Сид Хадженс, главный редактор «Строго секретно», явился с ценным предложением: обмен информацией, присутствие журналистов при арестах знаменитостей в обмен на приличные суммы. Джек согласился – и спросил себя, много ли известно Хадженсу.

Дети не потребовали вскрытия. Оказалось, они адвентисты седьмого дня, для них вскрытие – надругательство над мертвыми. Коронер округа никаких сомнений не высказал, и мистер и миссис Скоггинс отправились для кремации назад в Айову.

Имя сержанта Джека Винсеннса склонялось во всех газетах. Разумеется, в самых хвалебных тонах.

Раны его потихоньку затянулись.

Он бросил пить. Завязал с наркотой. Выкинул к чертям свою заначку. Перечеркивал в календаре дни, прожитые без спиртного и наркотиков. Сотрудничал с Сидом Хадженсом, понемногу создавал себе имя. Оказывал кое-какие услуги Дадли Смигу. А по ночам к нему являлись мистер и миссис Гарольд Дж. Скоггинс. Пожалуй, выпивка и дурь могли бы убить их еще раз – уже навсегда. Но вместе с самим Джеком.

Сид устроил его консультантом в «Жетон Чести» – тогда еще радиошоу. Деньги полились рекой. Джек пытался трахаться на шмотки и женщин – но бары и «точки» наркоторговцев властно влекли его к себе. Он яро гонял пушеров: это помогало, но совсем чуть-чуть. И тогда Джек решил выплатить ребятишкам долг.

К первому чеку – на две сотни – приложил короткое письмо, в котором выражал соболезнования семье погибших и которое подписал: «Неизвестный друг». Неделью спустя позвонил в банк: деньги по чеку получены. С тех пор Джек делал выплаты регулярно – и молился об одном: чтобы не пронюхал Сид Хадженс.

Джек распахнул гардероб, извлек свою парадную амуницию. Пиджак из «Лондон Шоп» куплен на гонорар от Сиды за арест Боба Митчума. Мокасины с кисточками и серые фланелевые брюки – за материал о связи джазменов с коммунистами. Эту историю Джек вытряс из одного басиста, пойманного со шприцем, а «Строго секретно» из этого сделала сенсацию на целый разворот.

Он оделся, sprysнулcя «Лаки Тайгером» и двинулся в Беверли-Хиллз.

* * *

Гулянка в разгаре. Задний двор площадью в целый акр уставлен тентами. Ребятишки из колледжа паркуют маши-

ны. На огромных тарелках – говяжья вырезка, ветчина, индейка. Официанты обносят гостей закусками, посреди двора высится огромная рождественская ель, падает мелкий дождик. Гости едят с бумажных тарелок. Газовые фонари освещают лужайку. Джек приехал вовремя и теперь пробирается сквозь толпу.

А вот и первые слушатели: Уэлтон Морроу подводит его к группе юристов из окружного суда. Джек травит байки: как Чарли Паркер пытался купить его молчание, подложив под него шлюху-мулатку, как он расколол Шапиро – педика из команды Микки Коэна, который толкал амилнитрит стриптизерам-трансвеститам в баре для голубых. Но Джек Винсеннс, Победитель с Большой Буквы, явился туда и в одиночку арестовал целую компанию гомиков, явившихся на конкурс двойников Риты Хейворт ¹⁹.

Аплодисменты. Джек кланяется. У елки замечает Джоан Морроу: она одна, кажется, скучает. Подходит к ней.

– С Рождеством тебя, Джек.

Высокая, стройная, тридцать один год, может, тридцать два. Ни мужа, ни работы. На красивом лице – привычная скучливая гримаска.

– Здравствуй, Джоан.

– Привет. Знаешь, о тебе сегодня в газете писали. Как ты

---

¹⁹ Рита Хейворт (1918 – 1987) – американская актриса, жена знаменитого актера и режиссера Орсона Уэллса, сыгравшая в его знаменитом фильме нуар «Леди из Шанхая» (1948).

арестовал двоих актеров.

– А, пустяки.

– Ка-а-кой скромник! – смеется Джоан. – И что с ними теперь будет? С этим Роком... как его там... и с девушкой?

– Девчонке – девяносто дней, а вот Рокуэллу может светить до года. Пусть наймут твоего папашу, он их вытащит.

– А тебе их не жалко?

– Мне жалко рабочего дня, потерянного на показания в суде. Так что, надеюсь, они признают свою вину и мне не придется туда тащиться. И еще надеюсь, этот случай заставит их призадуматься.

– Знаешь, а я один раз курила марихуану. В колледже. Потом страшно захотелось есть, и я слопала целую коробку печенья, а потом меня стошнило. Скажи, ты бы меня за это не арестовал?

– Такую красавицу? Ни за что!

– А знаешь, что я тебе скажу? Сейчас я готова попробовать еще раз – так все обрыдло!

Пора закинуть пробный шар.

– Джоан, как на личном фронте?

– Никак. Кстати, знаешь полицейского по имени Эдмунд Эксли? Высокий, в таких симпатичных очечках. Сын Престона Эксли.

Как же! Очкарик Эдди Эксли, герой с шилом в заднице.

– Шапочно знакомы.

– Такой милый, правда? Я с ним познакомилась вчера на

вечере у его отца.

– Папенькины сынки – не моя специальность. Зато знаю я одного очень приличного человека, который серьезно тобой интересуется.

– Вот как? И кто это?

– Некто Эллис Лоу. Заместитель окружного прокурора. Джоан улыбается, затем вдруг хмурится.

– Я слышала, он член Ротари-клуба ²⁰. Еврей?

– Да, но это – с одной стороны. А с другой – он республиканец... и, вообще, далеко пойдет.

– Значит, ты его рекомендуешь?

– Уверяю тебя, не пожалеешь.

Джоан рассеянно трогает еловую ветку, и хлопья искусственного снега валятся на землю.

– Ладно. Скажи ему, чтобы мне позвонил. Передай, что в ближайшие дни у меня все занято – а дальше посмотрим.

– Спасибо, Джоани.

– Вам спасибо, господин Купидон. Ой, кажется, папа машет мне рукой. Пока, Джеки!

И Джоан упорхнула. Джек смотрел ей вслед; мужественно-роковая манера поведения в стиле Боба Митчума, ну, может быть, чуть помягче, – это то, что нужно. Вдруг сзади слышался мягкий голос:

---

²⁰ Городское или районное отделение «Ротари Интернэшнл» – элитарной общественной организации, объединяющей влиятельных представителей деловых кругов.

– Здравствуйте, мистер Винсеннс.

Джек обернулся. Карен Морроу – в зеленом коктейльном платье, плечи осыпаны жемчужинами дождя. В последнюю их встречу она – нескладная, несоразмерно вытянувшаяся девчонка-подросток – исподлюбья пробурчала «спасибо» полицейскому, уберегшему ее от большой беды. И четыре года спустя Карен была высокой, даже, пожалуй, слишком высокой – но нескладной ее уже никто бы не назвал.

– Карен! Бог ты мой, я вас и не сразу узнал!

Карен улыбается.

– Сказал бы, что вы стали настоящей красавицей, – продолжает Джек, – только вы это наверняка уже слышали.

– От вас – нет.

– Как вам колледж? – смеясь, спрашивает он.

– Долго рассказывать. Сейчас не буду – я совсем зачечнела. Говорила же папе, чтобы устроил вечеринку в доме! Хотя я и провела четыре года в Англии, а к холодам так и не привыкла. Кстати, я приготовила для вас благодарственную речь. Не хотите пойти со мной покормить соседских котов?

– Я здесь на службе.

– То-то, я смотрю, всю болтаете с моей сестрой!

– Меня просил с ней поговорить один приятель. Он к ней неравнодушен.

– Бедный! Точнее, бедная Джоани. Но, черт возьми, я вообще-то хотела...

– Ладно, Карен. Пойдемте покормим ваших котов.

Карен улыбается и трогается с места, соблазнительно покачиваясь на высоких каблуках. Они не проходят и полпути, когда сверкает молния, гремит гром, с неба низвергается поток воды – Карен сбрасывает туфли и бежит по дорожке босиком, а Джек, едва сдерживая смех, – за ней. Нагоняет ее уже у порога.

Карен открывает дверь. В прихожей горит свет. Джек смотрит на девушку: она поеживается, руки покрылись «гусиной кожей». Карен встряхивает головой – с волос летят капли.

– Коты наверху.

Джек скидывает пиджак.

– Нет, сначала я хочу послушать речь.

– Все, что я могу сказать, вы знаете. Вас, наверно, уже столько людей благодарили!

– Но не вы.

Карен вздрагивает.

– Простите, я... черт, не думала я, что все так получится...

Джек накидывает свой пиджак ей на плечи.

– Вы в Англии получали лос-анджелесские газеты?

– Да.

– И читали обо мне?

– Да. Вы...

– Карен, газеты часто преувеличивают. Из мухи слона делают.

– Что же, вы хотите сказать, это все неправда?

– Да нет, не все... То есть нет... ну... В общем, все правда.

Карен отворачивается.

– Вот и отлично, я так и думала. А теперь – речь. Только не смотрите на меня, я страшно конфужусь. Значит, так... Во-первых, вы спасли меня от большого несчастья. Во-вторых, посоветовали отцу отправить меня в Англию, где я получила прекрасное образование и познакомилась с целой кучей замечательных людей. В-третьих, арестовали того мерзавца, который тогда продал мне таблетки...

Джек касается ее плеча – она отшатывается.

– Нет, дайте мне договорить! В-четвертых – тогда Я никому об этом не рассказывала, да и сейчас, честно говоря, не собиралась, но Лес Вайскопф давал таблетки бесплатно девушкам, которые соглашались с ним переспать. И если бы не вы с папой, боюсь, рано или поздно дошло бы и до этого. Так что вы, Джек, – только не смейтесь! – спасли мою честь.

– И стал вашим рыцарем? – улыбается Джек.

– Вот именно. А мне уже двадцать два, и я не школьница, которая влюбляется в первых встречных.

– И отлично. Потому что я собирался пригласить вас как-нибудь на ужин.

Карен оборачивается. С искусанных губ стерлась помада, по щекам текут черные ручейки туши.

– Согласна. Правда, у папы с мамой будет сердечный приступ... Но я согласна!

– Значит, я сделаю глупость, – тихо говорит Джек. – в первый раз за много-много лет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ну и месяц выдался!

Бад отрывает от календаря пачку январских листков, подсчитывает аресты. С первого по одиннадцатое – ноль: работал на охране съемочной площадки, отгонял охотников за автографами. Четырнадцатое января: с тех шестерых, что напали на полицейских, снято обвинение. Адвокат мексикашек представил дело так, словно Браунелл и Хеленовски сами начали потасовку. Теперь им грозят гражданские иски. На календарном листке нацарапано: «Нанять адвоката?»

Шестнадцатое, девятнадцатое, двадцать второе: выпущены под честное слово трое любителей помахать кулаками. Добро пожаловать домой, ребята. Не надейтесь, что Бад Уайт про вас забудет. Двадцать третье – двадцать пятое: вместе со Стенсом по наводке Джонни Стомпа берут под наблюдение шайку грабителей. Джонни в криминальном мире – человек свой, знает всех и вся. Хотя в последнее время, надо сказать, оргпреступность как-то притихла: Джонни все жалуется на безработицу. Судя по всему, Мо Ягелка, защищающий интересы Микки К., в отсутствие босса опасается показывать мускулы. В общей сложности семь арестов – неплохо. Однако картину портит предрождественское побоище в участке: газетчики уже обозвали его «Кровавым Рождеством», ходят слухи, что с Паркером связались чины из прокуратуры, что

всех, кто был в участке в тот сочельник, ждут допросы в отделе внутренних расследований и большое жюри уже пускает слюну. Заметки на листках календаря: «Поговорить с Диком», «Алвокат», «Адвокат – когда???»

Последняя неделя месяца – передышка. Дик взял отпуск и просыхает в «Двадцати девяти пальмах» – санатории для алкоголиков. Командир бригады уверен, что он в Небраске, хоронит отца – ребята даже скинулись, чтобы «послать цветы» на фальшивые похороны. Двадцать девятое – два ареста: двое нарушили правила условно-досрочного освобождения, взял их по наводке одного из стучевил Джонни Стомпа. Правда, оба – из пригородов: пришлось отделать их до полусмерти и вывезти в город, чтобы ребята из шерифской службы не возникали. Тридцать первое: Чик Нейдел, бармен из бара «Лунный свет», по совместительству скупщик краденого. Во время рейда у него найден целый тайник с ворованными приемниками. Тот, кто стукнул на парней, взявших грузовик с приемниками, окопался в Сан-Диего, тамошняя полиция и будет пенки снимать. А Бад достался барыга: сокрытие краденных вещей плюс судимость за совершение подобного преступления в прошлом. Десять арестов за месяц – неплохо начинается год!

И февраль, похоже, будет урожайным.

Первые шесть февральских дней – Бад надевает форму и патрулирует улицы. Гениальная идея шефа Паркера: Каждый из Бюро расследований должен по неделе в год отрабо-

тать в патруле. Фамилия Уайт стоит в конце списка, но кто рано встает, тому бог подает, а кто не успел, тот опоздал. Так оно и оказывается: все шесть дней льет как из ведра.

На работе – настоящий потоп, а вот в личной жизни – полная засуха.

Бад рассеянно пролистывает записную книжку. Лорин из «Серебряной звезды», Джейн из «Зимбы», Нэнси из бара «Орбита». Все похожи: разбитные бабенки далеко за тридцать, благодарные молодому парню, который обращается с ними по-человечески и помогает вспомнить, что все-таки не все мужики сволочи. Лорин – дамочка габаритная, надо слышать, как под ней скрипят пружины. Джейн вечно ставит «для настроения» какие-то оперные арии: на вкус Бада – настоящий кошачий концерт. Ну а Нэнси – просто пьянь, из тех, что могут всегда составить компанию в баре. Такие все видали и везде бывали, и отношения они рвут в один момент, еще быстрее, чем он.

– Взгляни-ка, Уайт!

Бад поднимает глаза. Элмер Ленц протягивает ему свежий номер «Геральд».

Заголовок: «Полицейские выбивают из задержанных признания».

Подзаголовки: «Большое жюри готово заслушать свидетелей», «Паркер обещает полное сотрудничество полиции».

Ленц говорит:

– Попали мы, Уайт. И что-то мне подсказывает, что попа-

ли мы по-крупному.

– Не ссы, Шерлок, – отвечает Бад.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Престон Эксли отложил исписанные листки.

– Эдмунд, все три версии великолепны, но ты должен был сразу же отправиться к Паркеру. Теперь, когда вокруг дела поднят такой шум, твое желание обнародовать правду может привести на мысль, что это вызвано паникой. Ты готов стать свидетелем?

Эд поправляет очки.

– Готов.

– Готов превратиться в отщепенца-доносчика, всеми презираемого, всем ненавистного?

– Да. И еще готов к благодарности Паркера. В какой бы форме она ни выразилась.

Престон снова проглядывает записи Эда.

– Интересно... Переложить большую часть вины на парней, которые уже дослужились до пенсии, – хорошая мысль. А этот офицер Уайт в твоём изложении выглядит человеком опасным.

У Эдда мурашки по спине.

– Он такой и есть. Завтра у меня допрос в Отделе внутренних расследований – и, по совести сказать, мне не улыбается рассказывать, как он бил мексиканца головой о потолок.

– Боишься расправы?

– Да нет, не особенно.

– Не закрывай глаза на свой страх, Эдмунд. Страх – слабость, которую ты должен побороть. Уайт и его приятель Стенсленд проявили вопиющее неуважение к уставу полиции Лос-Анджелеса. Похоже, оба настоящие головорезы. Ты готов к завтрашнему допросу?

– Да.

– Люди из ОВР будут к тебе безжалостны.

– Я знаю, отец.

– Будут подчеркивать, что ты не справился с ситуацией. Что без сопротивления отдал ключи.

– Там черт знает что творилось! Если бы я начал сопротивляться, вышло бы только хуже! – покраснев, отвечает Эд.

– Не повышай голоса и не оправдывайся. Ни со мной, ни на допросе. От этого ты выглядишь...

Дрогнувшим голосом:

– Не надо, отец. Не говори, что я выгляжу слабаком. Я с этой ситуацией справлюсь. И хватит, наконец, сравнивать меня с Томасом!

Престон снимает телефонную трубку.

– Знаю, в грязь лицом ты не ударишь. Но сумеешь ли ты заслужить благодарность Билла Паркера?

– Отец, ты сказал как-то раз, что Томас унаследовал от тебя силу, а я – умение держать нос по ветру. Так почему же теперь в этом сомневаешься?

Престон, улыбнувшись, набирает номер.

– Билл? Привет, это Престон Эксли. Да, прекрасно, спа-

сибо... Нет, ради этого я не стал бы звонить по личному номеру... Нет, Билл. Я насчет своего сына, Эдмунда. В рождественскую ночь он был на дежурстве в Центральном участке. Полагаю, у него есть для тебя важная информация... Что? Сегодня? Конечно сможет... Да, и передавай привет Хелен... Пока, Билл.

Гулко бухает о ребра сердце. Престон кладет трубку.

– Ну вот. Сегодня в восемь встречаешься с Паркером в «Тихом океане». Он закажет отдельный кабинет, и вы сможете спокойно поговорить.

– Какую версию мне ему представить?

Престон протягивает ему исписанные листки.

– Такие случаи выпадают не каждый день. У меня было дело Атертона, у тебя – Гвадалканал. Полистай семейный альбом и вспомни.

– Да, но какую версию...

– Решай сам. Приглашение на ужин – хороший знак. И учти: Билл любит, когда его люди едят с аппетитом.

* * *

Эд последовал совету отца. Вернулся домой, достал семейный альбом. Читал, вспоминал. В хронологическом порядке – газетные вырезки. Не все есть в газетах: но то, чего там нет, навеки выжжено у него в памяти.

1934 год – дело Атертона.

Дети: трое мальчиков, две девочки. Все цветные: негры, мексиканцы, китайцы. Они исчезали, а потом изуродованные тела их находили в сточных канавах Лос-Анджелеса. У одного не хватало рук, у другого – ног, у прочих были вырезаны внутренние органы. Газеты окрестили убийцу Доктором Франкенштейном. Расследование было Поручено инспектору Престону Эксли.

Эксли счел, что газетная кличка убийце подходит: на всех местах преступления были обнаружены струны от теннисных ракеток, у одной жертвы в подмышках следы от портняжной иглы. Эксли предположил, что, перекраивая детские тела, маньяк пытается создать новую жизнь. Начал проверять извращенцев, душевнобольных, пациентов психиатрических клиник. Спрашивал себя, чье лицо даст своему созданию новый Франкенштейн – и через неделю получил ответ.

Крошка Вилли Веннерхолм, мальчик-кинозвезда из труппы Рэймонда Дитерлинга, был похищен из школы при киностудии. На следующий день тело его обнаружили на железнодорожных путях близ Глендейла. Обезглавленным.

И наконец – прорыв: в полицию обращается администрация государственной психиатрической лечебницы Гленхейвен. Лорен Атертон – мания вампиризма, привлекался за приставания к детям – два месяца назад был освобожден условно-досрочно, но так и не явился к инспектору по надзору.

Исходя из пристрастий Атертона, Эксли легко его нашел: оказалось, работает в банке крови, промывает ампулы. Слежка показала, что Атертон подворовывает кровь и пьет ее, смешивая с дешевым вином. Люди Эксли взяли Атертона в кино – мастурбировал на фильме ужасов. Сам Эксли отправился к нему на квартиру. Нашел связку ключей, и в их числе один – от заброшенного склада. А там его поджидал ад.

Обложенный сухим льдом, на складе хранился «идеальный ребенок»: руки мальчика-негритенка, ноги мальчика-мексиканца, к торсу китайчонка пришиты женские гени- талии и голова Крошки Вилли Веннерхолма, к спине при- метаны крылья, отрезанные у какой-то пичуги. А вокруг – ролики фильмов ужасов, теннисные ракетки без струн, ана- томические чертежи. Фотографии детей на разных стадиях расчленения. Темная комната с проявителями, кюветами и фотобумагой...

Настоящий ад.

Атертон во всем признался, был осужден и повешен в Сан-Квентине. А Престон Эксли снял с фотографий копии и показывал их сыновьям, когда хотел объяснить, что это та- кое – преступление, вызывающее к правосудию.

Эд листает страницы: кончина матери, смерть Томаса. Словно и не было в жизни семьи Эксли ничего, кроме детек- тивных триумфов и смертей. А вот и «Икзэминер»: статья о сыновьях замечательных людей, сражающихся на фронтах

мировой войны. Среди прочих – история Эда: если поскребсти эту историю, у нее, как и у «Кровавого Рождества», обнаружится второе дно.

Версия «Икзэминера» – та, что обеспечила ему награду: капрал Эдмунд Эксли, единственный из взвода выживший в кровопролитном рукопашном бою, в одиночку прорвался через три траншеи, набитые японской пехотой, уничтожив двадцать девять человек. Окажись при этом хоть один свидетель, Эду светила бы медаль Конгресса.

Версия номер два: во время сражения, видя, что рукопашная неминуема, капрал Эдмунд Эксли вызывается идти в разведку. Несколько часов болтается без дела в ближайшей роще, а вернувшись, видит, что от его взвода ничего не осталось. Приближается японский патруль: Эд прячется под трупами сержанта Питерса и рядового первого класса Вазницки. Японцы пускают очередь по трупам: Эд вцепляется зубами в руку Вазницки, да так, что начисто скусывает у него с руки часы на кожаном ремешке. Сдавленный со всех сторон телами своих товарищей, он задыхается от рыданий, судорожно глотает воздух и ждет сумерек. Едва стемнело, выбирается из-под мертвецов и пускается бежать в штаб – но останавливается как вкопанный, увидев новую кровавую сцену.

Маленькая синтоистская часовенка в роще прикрыта камуфляжной сеткой. У дверей на соломенных ковриках рядыми – мертвые японцы, иззелена-желтые, с вывороченными

внутренностями. У каждого вспорот живот – от паха до ребер. Возле тел аккуратно положены мечи с резьбой на рукоятях – на них запеклась кровь. Плену или смерти от малярии эти солдаты предпочли самоубийство.

Позади храма вырыты три траншеи. Винтовки и пистолеты ржавеют под тропическим дождем, но огнемёт, заботливо укутанный брезентом, – в рабочем состоянии.

Эд берет его в руки, думая об одном: на Гвадалканале он не выживет. Его зачислят в новый взвод. Уходить в разведку перед каждым сражением он не сможет. А если попросится в штаб, отец расценит это как трусость. И коллеги из полиции Лос-Анджелеса – навоевавшиеся досыта, украшенные ранами и медалями – не подадут ему руки...

Да, вот что ему нужно! Медаль! Награда, шум в газетах и почетная отставка. Шанс редчайший...

Эд взял японский пулемет. Затащил мертвых японцев в траншеи, расположил лицом к рожице, вложил им в руки бесполезное оружие. Выпустил в них три очереди – все, что оставались в патронной ленте. Затем огнемётом изуродовал до полной неузнаваемости и людей и храм. И, добравшись до батальонного штаба, рассказал свою историю.

Разведгруппа, осмотрев место, историю подтвердила: в самом деле, капрал Эксли захватил оружие противника и поджарил двадцать девять косоглазых ублюдков.

Крест «За выдающиеся заслуги» – вторая по значению государственная награда. Почетная отставка, тур по стране и

почетное возвращение в полицию Лос-Анджелеса.

И – осторожное уважение Престона Эксли.

Полистай семейный альбом и вспомни.

Эд откладывает альбом. Он еще не знает, с чем явится к Паркеру, – но знает, о чем предупредил его отец.

Счастливые случаи легко даются – но потом за них приходится платить.

Знаю, отец. Еще с той поры, когда взял в руки этот огнемет.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

– Если дело дойдет до большого жюри, отвертеться от дачи показаний тебе не удастся. Но мы с прокурором постараемся, чтобы до этого не дошло.

Джек мысленно прикидывает, насколько Эллис Лоу ему обязан. С помощью Миллера Стентона с команды «Жетона Чести» удалось стрясти шестнадцать штук на политкампанию. Бретта Чейза уломали шантажом – пригрозили, что «Строго секретно» обнародует его тайные пристрастия. Макс Пелтц не поскупился – Лоу пообещал, что налоговики его больше не тронут. А помимо этого Джек успешно сыграл роль Купидона – сегодня Лоу впервые встречается с капризной красавицей Джоан Морроу.

– Эллис, я вообще не хочу появляться на суде. Даже в качестве свидетеля. Но завтра меня допрашивают в ОВР, и похоже, что до суда дело все-таки дойдет. Так сделай что-нибудь.

Лоу поигрывает цепочкой:

– Джек, заключенный напал на тебя, а ты защищался. Ты чист. Но, видишь ли, ты – человек известный, публичный, и, по предварительным показаниям, полученным от адвокатов истцов, четверо из пострадавших тебя опознали.

Так что давать показания все-таки придется. Не волнуйся, тебе ничего не грозит.

– Я просто хотел все с тобой обговорить! Но если хочешь, чтобы я стучал на своих, – у меня внезапно откроется полная потеря памяти! Comprende ²¹, господин заместитель окружного прокурора?

Лоу наклоняется к нему.

– Не будем ссориться, Джек. Не стоит. Нам ведь так хорошо работается вместе! Тебе беспокоиться не о чем: вот Уайт и Стенсленд – дело другое. Кроме того, до меня дошли слухи, что у тебя появилась дама сердца.

– Джоан Морроу рассказала?

– Да. Она, честно говоря, это не одобряет, да и ее родители тоже. Ты на пятнадцать лет старше Карен, да и прошлое у тебя не вполне идеальное.

Мальчик, подносивший мячи на поле для гольфа, лыжный инструктор – приютский выкормыш, виртуозно наворотившийся обхаживать богачей.

– И что еще тебе рассказала Джоанн?

– Да, в общем, ничего. Сказала только, что ее сестра от тебя без ума и верит всему, что пишут о тебе в газетах. Я заверил ее, что в газетах все – сушая правда. Карен говорила сестре, что пока ты ведешь себя как джентльмен – чему, признаюсь, трудно поверить.

– Надеюсь, сегодня вечером все будет иначе. После нашей сегодняшней встречи с тобой и Джоан мы с Карен едем на вечеринку «Жетона Чести», а потом...

---

²¹ Понятно (*исп.*).

Лоу вертит в пальцах цепочку.

– Послушай, Джек, Джоан только разыгрывает из себя недотрогу или за ней и вправду охотятся толпы мужчин?

Джек вертит в пальцах нож.

– Она пользуется успехом. Но все эти рассказы о кинозвездах, которые будто бы от нее без ума, – вранье. Так что выше голову.

– Что еще за кинозвезды?

– Да чушь это, Эллис. Красивые байки, но не имеют ничего общего с действительностью.

– Джек, спасибо, что согласился прийти. Уверен, что вы с Карен поможете нам с Джоан сдвинуться с мертвой точки.

– Тогда за дело!

* * *

Женщины ждут в «Искателе жемчуга», в отдельном кабинете.

– Эллис Лоу, Карен Морроу, Джоан Морроу – представляет Джек. – Эллис и Джоан – прекрасная пара, верно, Карен?

– Привет, – говорит Карен, не подавая руки. Это уже шестое их свидание, однако до сих пор дальше прощального поцелуя в щечку дело не идет.

Лоу садится рядом с Джоан, та пристально его рассматривает – ищет в облике признаки еврейства.

– Хоть мы с Эллисом и видимся в первый раз, но уже успе-

ли подружиться. Перезваниваемся чуть не каждый день, верно, Эллис?

– Совершенно верно, – звучным «судебным» баритоном отвечает Лоу.

Джоан допивает свой бокал.

– Откуда вы с Эллисом друг друга знаете? Никогда бы не подумала, что полиция и прокуратура работают в тесном контакте!

«Все просто, детка, я у этого жида в казначеях хожу», – мысленно отвечает Джек, подавляя усмешку.

– Мы вместе расследуем преступления. Я нахожу улики, Эллис выдвигает обвинение.

Подходит официант. Джоан заказывает пунш «Островитянин», Джек просит кофе, Лоу говорит: «Мартини "Бифитер"», Карен молча накрывает свой бокал ладонью.

– Странно, мне казалось, что «Кровавое Рождество» должно было вас поссорить! Разве нет?

– Разумеется, нет, – быстро отвечает Лоу. – Служащие полиции охотно сотрудничают с прокуратурой и не меньше нашего хотят, чтобы преступники понесли суровое наказание. Верно, Джек?

– Конечно. Такие люди позорят полицию Лос-Анджелеса.

Появляется официант с напитками. Джоан делает три больших глотка.

– А ты ведь там был, правда, Джек? Папа говорит, с тех пор как тебя бросила вторая жена, ты всегда ходишь на рож-

дественские вечеринки в участок!

Карен, громким шепотом:

– Джоанн!

– Да, я там был, – отвечает Джек.

– И наверно, тоже разбил во имя правосудия пару-тройку физиономий?

– Дело того не стоило.

– Не стоило, потому что герой-полицейский не попал бы на первые полосы газет?

– Джоанн, успокойся. Ты пьяна.

Лоу тербит галстук, Карен сжимает пепельницу. Джоан шумно допивает свой пунш.

– Ох уж мне эти трезвенники – и слова не скажи! А правда, сержант, что и после того, как первая жена вас бросила, вы тоже ходили на вечеринки в участок?

– Ах ты стерва! – Карен крепче сжимает пепельницу. Джоан звонко хохочет.

– Если тебе нужен герой-полицейский, рекомендую парня по имени Эксли. Он, по крайней мере, кровь за родину проливал! Джек, конечно, лапочка и душка, но неужели ты не видишь, что он за человек?

Карен швыряет пепельницу. Та, срикошетив об стену, падает на колени Эллису Лоу. Эллис зарывается с головой в меню, стерва Джоани зло щурит глаза. Джек хватает Карен за руку и выволакивает из кабинета.

По дороге в «Вэрайети Интернэшнл Пикчерз» Карен без перерыва честит Джоан. Джек паркует машину возле съёмочной площадки «Жетона Чести». Оттуда гремит музыка кантри.

– Ничего, родители с этим смирятся, – со вздохом говорит Карен.

Джек включает свет в машине, смотрит на нее. Бледная россыпь веснушек, темные волосы уложены локонами. Пожалуй, чуть неправильный прикус.

– С чем «с этим»?

– Ну... что мы с тобой встречаемся.

– Встречаемся – и только?

– Прости, Джек. Это я виновата. Понимаешь, ты рассказываешь такие удивительные истории о своей работе – а потом вдруг замолкаешь, и я спрашиваю себя, в чем дело? Есть что-то такое, о чем ты не можешь рассказать? Это оттого, что я слишком молода для тебя?

Джек открывает дверь.

– Узнаешь меня получше, год за два пойдет. И знаешь, мне надоело рассказывать о себе. Так что теперь твоя очередь.

– Значит, сегодня после вечеринки моя очередь излить душу. Договорились?

– Договорились. Кстати, что скажешь о своей сестре и Эллисе Лоу?

– Она за него выйдет, – не моргнув глазом отвечает Карен. – С тем, что он еврей, родители примирятся, потому что он республиканец и делает карьеру. Джоан будет устраивать ему сцены на публике, а он – втихаря ее поколачивать. Бедные их дети!

Джек смеется.

– А теперь пойдем танцевать! Только не нужно пожирать звезд глазами, а то тебя презирают!

Рука об руку они входят в зал. Глаза у Карен расширяются, и Джек понимает: сейчас у него на руках козырной туза.

На сцене – Спейд Кули со своими ребятами. Сам Спейд – у микрофона, рядом на ударных – Берт Артур Перкинс по кличке Собачник. Кличку получил за то, что отмотал два года на исправительных работах – за противоестественные акты с собаками. Спейд курит опиум, Собачник предпочитает героин: просто подарочный набор для «Строго секретно». Макс Пелтц рассыпается перед съемочной группой. С ним рядом – Бретт Чейз, болтает с Билли Дитерлингом, главным оператором сериала. Билли не сводит глаз со своего любовника Тимми Валберна, Мучи-Мауса из детской телепередачи «Час фантазий». Столы у задней стены уставлены выпивкой и холодными закусками. Там Джек замечает Пархача Тайтелбаума – должно быть, для устройства банкета Пелтц нанял людей из его ресторана. Рядом – Джонни Стомпа-

нато, еще несколько парней из бывшей команды Микки Коэна. По всему залу – актеры, костюмеры, ассистенты, мелкий студийный персонал и просто завсегдатаи богемных тусовок. Едят, пьют, танцуют.

Джек выводит Карен на середину зала. Вертит ее под быстрые попури, прижимает-обжимает, когда Спейд переключается на баллады. Карен танцует, закрыв глаза. Джек держит глаза открытыми, отдаваясь сентиментальной патоке мелодии. Вдруг кто-то кладет ему руку на плечо.

Это Миллер Стентон. Карен открывает глаза и ахает: боже милостивый, ее приглашает на танец телезвезда!

– Карен Морроу, Миллер Стентон, – знакомит их Джек.

– Привет! – восторженно вопит Карен, перекрывая музыку. – Я вас видела в старых фильмах Рэймонда Дитерлинга – это что-то потрясающее!

Миллер берет Карен за руки и принимает позу для кадрили.

– У Рэймонда я был ужасен! Джек, подойди к Максу, он хочет с тобой переговорить.

Джек идет вглубь съемочной площадки. Здесь тихо, музыки не слышно. Макс Пелтц протягивает ему два конверта.

– Твоя премия и наш взнос в кампанию мистера Лоу. А это – от Спейда Кули.

Пухлый конверт – Лоу не просчитался.

– Чего хочет Кули?

– Я бы сказал, хочет подстраховаться. Знаешь, у всех есть

свои дурные привычки...

Джек закуривает.

– Кули меня не интересуют.

– Что, недостаточно знаменит для тебя?

– Не нарывайся, Макс.

Пелтц наклоняется к нему и говорит полусшепотом:

– Нет, Джек, нарываешься-то как раз ты. Создаешь себе дурную репутацию. В Индустрии уже поговаривают, что ты как с цепи сорвался, играешь не по правилам. Ты прижал Бретта и удружил мистеру Лоу – хорошо, он – вонючий педрила и поделом ему. Но не надо кусать руку, которая тебя кормит! Ты что, не знаешь, что половина людей в Индустрии время от времени подкуривают? Гоняй себе чернушек из джаза – не прогадаешь!

Джек обводит взглядом зал. Бретт Чейз ведет беседы с Билли Дитерлингом и Тимми Валберном – голубятня на выезде. Пархач Т., Джонни Стомп – и эти чешут языками. А вот к «гонкам» подключаются Собачник Перкинс и Ли Вакс...

– Я серьезно, Джек, – говорит Пелтц. – Раз уж играешь в эти игры, лучше играть по правилам.

– Макс, у меня вся жизнь – игра. Видишь этих ребят? – Джек указывает на крутых парней за сколом с закусками.

– Конечно вижу. И что?

– Макс, у нас в управлении такие вот теплые компании принято называть «преступными сообществами». Перкинс – уголовник-рецидивист, плюс трахает собак. Эйб Тайтелба-

ум освобожден условно-досрочно. Вон тот высокий, с усиками – Ли Вакс, работал на Микки Коэна – у него за плечами минимум десяток «мокрыков». Красавчик-макаронник – Джонни Стомпанато. Ему и тридцати нет, а «послужной список» – отсюда до послезавтра. Полиция Лос-Анджелеса наделила меня властью и вменила мне в обязанность хватать эту сволочь по первому подозрению. А я нарушаю свой долг и этого не делаю. Потому что играю по правилам.

– Вот в таком духе и продолжай, – отвечает Пелтц, взмахивая сигарой. – И не надо изображать из себя крутого парня. Хм, смотри-ка, как Миллер Стентон обихаживает твою девчонку! Что, Джек, на молоденьких потянуло?

Джек вспоминает слухи о том, как Макса застукали со школьницей.

– Для тебя она старовата.

– Ха! Ладно, иди, волчара, иди! Вон твоя красotka оглядывается – тебя ищет!

Карен разглядывает плакат на стене: Бретт Чейз в роли лейтенанта Вэнса Винсента. Подходит Джек. Карен просто светится:

– Боже мой, это просто невероятно! Расскажи мне, кто здесь кто!

Музыка гремит в полную силу, Кули переходит на фальцет, Собачник Перкинс лупит по барабану. Джек приобнимает Карен и ведет ее в танце в дальний угол, забитый дуговыми лампами. Лучше места не придумаешь – тихо и все

как на ладони. Джек называет гостей, указывая поочередно на каждого:

– Бретта Чейза ты знаешь. Он голубой, поэтому не танцует. Старикан с сигарой – Макс Пелтц. Продюсер фильма и режиссер почти всех серий. С Миллером ты уже знакома. Двое парней без пиджаков – Огги Люгер и Хэнк Крафт, помощники осветителя. Девушка с планшет-блокнотом – Пенни Фулвейдер – ни минуты отдыха, что бы там ни было, даже сейчас – она помощник режиссера. Знаешь, кто обеспечивает сериалу такие реалистичные декорации? Вон тот блондин, наискосок от сцены, – Дэвид Мертенс, художник-постановщик. Вид у него такой, словно всегда чуть под хмельком, но это не так – просто у него редкая форма эпилепсии, и он живет на таблетках. Говорят, это с ним случилось после того, как попал в автокатастрофу и ударился головой. Очень может быть – я сам видел здоровенный шрам у него на шее. Слева от него Фил Шенкел, помощник режиссера, а слева от Фила – Джерри Марсалас, медбрат Мертенса. Танцует с высокой рыжей девушкой Терри Ригерт, тот, что играет капитана Джефффриза. Возле водоохладителя – операторы: Билли Дитерлинг, Чак Максвелл и Дик Харвелл. Остальные здесь – приглашенные гости.

Карен смотрит ему в глаза.

– Это твой мир. Тебе здесь нравится. И эти люди – твои друзья.

– Да, они мне нравятся. А Миллер и вправду мой друг.

– Ты говоришь правду, Джек?

– Карен, мы в Голливуде, а в Голливуде без обмана не проживешь!

– Не надо, Джек. Сегодня я хочу быть отчаянной. Безрассудной. Не возвращай меня на землю.

Вызов брошен!

Джек склоняет голову, и Карен тянется ему навстречу. Губы их сливаются в поцелуе – но в тот же миг они отстраняются друг от друга. Джек встряхивает головой, прогоняя головокружение.

– Соседи все еще в отпуске, – говорит Карен. Руки ее замерли у Джека на плечах. – Мы могли бы пойти... навестить котов.

– Да... конечно!

– Не хочешь перед уходом угостить меня бренди?

Джек идет к столу с выпивкой.

– Классную девку отхватил, Винсеннс, – бросает ему Собачник Перкинс. – У нас с тобой вкусы сходятся.

Костлявый парень под два метра с огромными ручищами, торчащими из рукавов черной с красным кантом ковбойской рубахи.

– Перкинс, от твоих вкусов несет как из выгребной ямы.

– Спейду не понравится, что ты так со мной разговариваешь. Учítывая, что в кармане у тебя пухленький конвертик...

Ли Вакс и Эйб Тайтелбаум прислушиваются к разговору.

– Заткнись, Перкинс!

Собачник, ковыряя в зубах зубочисткой:

– Винсеннс, а твоя кадришка знает о твоих приработках?

– К стене! Ноги расставить, рукава закатать!

Перкинс выплевывает зубочистку.

– Эй, ты что, спятил?

Джонни Стомп, Вакс, Тайтелбаум – все обращаются в слух.

– К стене, сволочь!

Перкинс наклоняется над столом, упершись ладонями в стену. Джек закатывает ему рукава – свежие следы уколов. Выворачивает карманы – находит шприц. Вокруг собирается толпа, и Джек начинает играть на публику:

– Уколы и «баян» – все вместе тянет на три года казенных харчей. Скажи, кто поставляет тебе героин, – и свободен.

Собачник молчит и исходит потом.

– Сдай дилера, который продает тебе наркоту, – повторяет Джек. – Сделай это сейчас, на глазах у всех своих друзей – и иди на все четыре стороны.

Перкинс облизывает губы.

– Барни Стинсон. Санитар из «Царицы Ангелов».

Точным ударом Джек вышибает из-под него ноги. Перкинс валится лицом в холодные закуски. Стол опрокидывается, еда и выпивка с грохотом летят на пол. Зал ахает.

Джек молча выходит, и гости расступаются перед ним. Карен ждет у машины, она дрожит.

– Это... это было обязательно?

Только теперь Джек чувствует, что рубашка его насквозь мокра от пота.

– Да.

– Я предпочла бы этого не видеть.

– Я тоже предпочел бы, чтобы ты этого не видела.

– Читать о таких вещах – одно дело, но видеть своими глазами... Скажи, а теперь ты...

Джек обнимает ее, привлекает к себе.

– Теперь я хочу, чтобы ты забыла о том, что видела. И никогда больше не вспоминала.

– А как же твои истории? Больше не будешь мне рассказывать?

– Нет... почему же, конечно буду.

– Мне хотелось бы, чтобы сегодняшний вечер длился долго-долго!

– Я тоже. Хочешь, поужинаем где-нибудь?

– Нет. А ты все еще хочешь навестить котов?

* * *

Котов оказалось трое: откормленные и ласковые, они все норовили запрыгнуть на постель, где Джек и Карен занимались любовью. Серого кота Карен называла Асфальтом, полосатого – Тигром, а самого тощего – Эллисом Лоу. Джек поддержал ее игру: ему нравилось, когда Карен смеется. Все-

гда нравилось, а особенно сейчас – казалось, каждая ее улыбка расширяет временную пропасть между ними и Собачником Перкинсом.

Они любили друг друга, болтали, играли с кошками. Карен впервые в жизни попробовала закурить – и едва не погибла от кашля. Потом стала выпрашивать очередную «историю». Джек поделился с ней подвигами офицера Венделла Уайта, а на закуску рассказал о кое-каких собственных делах. Версии для подростков: никакого мордобоя, сплошные цветочки с бантиками и добрый папочка Джек, спасающий малолеток от коварных растлителей со шприцами в руках. Поначалу ложь давалась ему нелегко, но Карен слушала с таким восторгом, так явно верила каждому слову, что скоро дело пошло как по маслу.

Перед рассветом она задремала. Джек не спал, раздраженно прислушиваясь к кошачьей возне. Ему хотелось говорить еще и еще. Бередило смутное беспокойство: он понимал, что чуть позже уже не сможет вспомнить все, что наговорил Карен, и, если придется повторять рассказ, она поймает его на лжи. Карен спала как младенец, ровно и спокойно дыша: Джек прижал к себе ее теплое тело. Минуту спустя спал и он, и в снах его, как в жизни, правда сплеталась в тугую клубок с ложью.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Двенадцатиметровый коридор. Вдоль стен – скамьи, исцарапанные, пыльные, словно только что извлеченные с какого-нибудь заброшенного склада. Скамьи битком набиты людьми в форме и в гражданском. Большинство читает газеты, а в большинстве газетных заголовков так или иначе упоминается «Кровавое Рождество». Бад вспоминает, как их со Стенсом вываливали в грязи на первых полосах газет, какой хай подняли мексикашки и их адвокаты. Допрос назначен на четыре утра – обычная для ОВР Тактика запугивания. Напротив на скамье – Дик, неожиданно-негаданно выдернутый из своего санатория. Говорят, допросили уже шестерых, пока никто не раскололся. На скамейках – Центральный участок в полном составе: не хватает только Эда Эксли.

Томительно тянется время, шепотком расходятся слухи. Элмер Ленц взрывает бомбу: по радио объявили, что на завтра назначено опознание в суде – все полицейские, присутствовавшие в участке 25 декабря 1951 года, выстроятся в ряд, и пострадавшие опознают среди них рождественских буянов. Наконец дверь кабинета Паркера открывается, появляется Тад Грин.

– Офицер Уайт, пожалуйста.

Бад поднимается со скамьи, и Грин жестом приглашает его внутрь. Кабинетик невелик: стол Паркера, вокруг –

несколько стульев. Голые стены. Тусклое зеркало – навверное, одностороннее зеркальное стекло, чтобы за происходящим можно было наблюдать из потайной комнаты. Шеф за столом – в форме, с четырьмя золотыми звездами на плечах. Посредине Дадли Смит, рядом с Паркером – Грин. Бад укаывают на «горячий стул» – отсюда он хорошо виден всем присутствующим.

– Офицер, – говорит Паркер, – моего заместителя Грина вы знаете и с лейтенантом Смитом, конечно, тоже знакомы. Здесь лейтенант присутствует в качестве консультанта, с тем чтобы помочь разрешить проблему, из-за которой вы сюда приглашены.

Грин закуривает.

– Мы хотим предоставить вам последний шанс. С вами неоднократно проводились беседы в ОВР, и вы неоднократно отказывались сотрудничать. В обычных обстоятельствах вы были бы уже отстранены от службы. Но вы – прекрасный детектив, и как шеф Паркер, так и я убеждены, что ваши действия в ту ночь не заслуживают порицания. Вас спровоцировали, офицер. В отличие от большинства задержанных по этому делу, вы не отличаетесь склонностью к беспричинному насилию.

Бад открывает рот, но Смит не дает ему заговорить.

– Послушай, сынок, шеф Паркер связан должностной этикой, но мы-то с тобой можем говорить откровенно. Скажу тебе как на духу: если бы этих шестерых ублюдков, которые

напали на наших товарищей, пристрелили на месте, все мы вздохнули бы с облегчением. И то, что с ними случилось в сочельник, я бы назвал еще слишком мягким наказанием. Но пойми, сынок, полицейскому, который не способен себя контролировать, в полиции делать нечего. А мерзавцы газетчики только того и ждут, чтобы сделать из полиции Лос-Анджелеса посмешище! И мы этого не потерпим. Полетят головы. Репутации полиции Лос-Анджелеса, которая под водительством шефа Паркера стала во многом безупречной, – этой репутации нанесен тяжелый удар; и, чтобы нейтрализовать последствия этого удара, нам нужен подробный и честный рассказ о происшедшем. Мы ждем этого от полицейских. Заместитель окружного прокурора Эллис Лоу обещал сделать все возможное, чтобы не преследовать сотрудников полиции Лос-Анджелеса в судебном порядке – даже если большое жюри признает обвинение обоснованным, – но нужны свидетельские показания. Одно показание у нас уже есть, но этого мало. Просто расскажи нам, сынок. Расскажи обо всем, что там было. Не для того, чтобы кого-то наказать, – для того, чтобы помочь полиции Лос-Анджелеса.

Бад косится на зеркало. Наверняка с той стороны оно прозрачное. А за ним сидят с блокнотиками чины из ОВР.

– Нет, сэр. Я не дам показаний.

Паркер шуршит бумагами.

– Нам известно, что вы схватили одного из задержанных за шею и едва не вышибли ему мозги. Как это выглядит –

сами понимаете. Да, потерпевший спровоцировал вас вербально – и тем не менее, этот акт насилия выделяется даже на общем фоне. Это говорит против вас. Однако нам известно, что, уходя с места действий, вы пробормотали Себе под нос: «Ну и позорище!» – и это говорит в вашу пользу. Если вы согласитесь стать нашим добровольным свидетелем, мы сможем закрыть глаза на ваше... На то, что со стороны выглядит как незаконное применение силы.

Кто же слышал, черт возьми, кто мог это слышать? Точно, Эксли! Сидел в кладовке! Так вот кто...

– Сэр, я не дам показаний.

Паркер медленно наливается багрянцем. Поспешно встревает Дадли:

– Сынок, будем говорить начистоту. Я уважаю твое нежелание предавать товарищей по Управлению и, прямо скажу, восхищаюсь твоей преданностью напарнику. Так вот, шеф Паркер уполномочил меня предложить тебе сделку. Если ты дашь показания на Дика Стенсленда и суд вынесет ему обвинительный приговор, Стенсленд ни единого дня не проведет в тюрьме. Эллис Лоу дал слово. Правда, из полиции его придется уволить, и без пенсии – но пенсию мы выплатим ему неофициально, через Фонд помощи вдовам и сиротам. Так что же, сынок, будешь давать показания?

– Сэр, я не дам показаний, – отвечает Бад, обращаясь к зеркалу.

Тад Грин указывает ему на дверь.

– Завтра в 9:00 явитесь в сорок третье отделение суда. Пройдете опознание, а затем вас приведут к присяге. Если вы и тогда откажетесь давать показания, получите повестку и будете отстранены от службы вплоть до решения суда. А теперь выметайтесь, Уайт.

Дадли Смит чуть заметно улыбается. На пороге Бад оборачивается и показывает зеркалу палец.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мутное, в пятнах стекло туманит и уродует лица, не дает заглянуть в глаза. Тад Грин, как всегда, непроницаем. Шефа Паркера разгадать легче легкого – вон как пошел багровыми пятнами! Дадли Смит невозмутимо-благожелателен, ж таким же невозмутимо-благожелательным ирландским ручейком льется его бесконечная речь. А вот с Бадом Уайтом все даже слишком ясно: едва шеф произнес слова: «Ну и позорище!» – на лице его отразилась сперва напряженная работа мысли, а через секунду – этакое озарение: «Так вот кто у нас стукачок – Эд Эксли!» Собственно, прощальный жест уже и не требовался.

Эд стучит пальцем по динамику – треск. В комнатухе жарко. Но по крайней мере, нет такой духоты, как в кладовке Центрального участка. Кладовке, которая последние две недели снится ему по ночам.

С Паркером он играл начистоту: выложил ему все три версии и, не чинясь, согласился стать главным свидетелем. Версии Паркер назвал блестящими, самого Эда – примерным офицером. Ту из версий, что попримичнее, подсунул Эллису Лоу и его любимчику – Бобу Галлодету, молодому следователю из прокуратуры. Всю вину свалили на Ричарда Стенсленда и Бада Уайта (вполне заслуженно), и не столь заслуженно – еще на трех старых служак, которые так и так без пен-

сии не останутся. А примерный свидетель не останется без награды: его ждет повышение – переход в Бюро расследований. Пройдет год, он сдаст лейтенантские экзамены и станет детективом лейтенантом Эдмундом Дж. Эксли.

Грин вышел, Эллис Лоу и Галлодет вошли. Лоу и Паркер о чем-то вполголоса переговариваются. Галлодет открывает дверь, объявляет:

– Сержант Винсеннс, пожалуйста! – Трещит в динамике.

Мусорщик Джек – прилизанный, костюм в узкую белую полоску. С начальством не церемонится: взглянув на часы, уверенно садится на стул в центре кабинета. Обменивается взглядами с Лоу. Паркер пожирает глазами новую жертву: чувства его прочесть несложно – презрение и ничего больше. Галлодет стоит у двери, курит.

– Сержант, – говорит Лоу, – давайте сразу к делу. Вы с самого начала охотно сотрудничали с ОВР – и это говорит в вашу пользу. Однако девять свидетелей показали, что видели, как вы избиваете Хуана Карбигалья. А еще четверо из задержанных видели, как вы вносите в участок ящик рома. Как видите, слава – пусть и скандальная – бежит впереди вас. Даже алкоголики читают бульварные листки.

К нему склоняется Дадли Смит.

– Слава... о ней-то и речь. Нам нужна твоя слава, сынок. Нужен звездный свидетель, который скажет во всеуслышание большому жюри: да, я ударил задержанного – но он напал на меня, я защищался! И поскольку, скорее всего, так

оно и есть, все, что в дальнейшем скажут о тебе свидетели из задержанных, будет тебе только на руку. Но нам нужно, чтобы ты признался: это ты принес в участок выпивку. И люди напились. Признайся в мелком нарушении внутреннего порядка – и все ограничится взысканием. Мистер Лоу гарантирует, что обвинения тебе не предъявят.

Мусорщик раздумывает. Эд за стеклом читает его мысли: большую часть выпивки принес Уайт, но доносить на него Джек боится.

– Грядут большие перетряски, – говорит Паркер. – Много голов полетит. Дай показания – и, обещаю, ты легко отделаешься. Ни увольнения, ни отстранения от службы. Только и всего, что посидишь с годик в Отделе нравов.

И Винсеннс отвечает – Лоу.

– Эллис, – говорит он, – может быть, есть другой выйдет? Ты ведь знаешь, что для меня значит Отдел наркотиков.

Лоу морщится. Паркер:

– Нет, и хватит об этом. Завтра ты пойдешь на представление, и я хочу, чтобы ты дал показания против офицера Крагмана, сержанта Такера и офицера Пратта. Все трое пенсию себе уже заработали. Насчет всего прочего не беспокойся: наш главный свидетель даст исчерпывающие показания. Если будут спрашивать о других, можешь спокойно отвечать, что ничего не видел и ничего не знаешь. Публика жаждет крови, но, надеюсь, три головы ее удовлетворят.

– До сих пор ты, сынок, не совершал ошибок, – это вкрад-

чивый, с ирландским акцентом, Дадли Смит. – И мне думается, теперь начинать поздновато.

– Я дам показания, – отвечает Мусорщик Джек. Улыбки на лицах. Галлодет:

– Сержант, нам с вами надо будет обсудить ваши показания. Ужин в «Тихом океане» за счет мистера Лоу.

Винсеннс встает, Лоу провожает его до дверей. Из динамика – шепот:

– ... А Кули я пообещал, что больше такого не повторится...

– Как скажете, босс.

Паркер поворачивается к зеркалу, кивает. Эд входит, садится на «горячий стул».

– Ну что, сынок, – это Дадли Смит, – настал твой звездный час?

– Эд, – улыбается Паркер, – я разрешил тебе выслушать показания остальных, потому что жду от тебя максимально полного и точного понимания ситуации. Что скажешь? Есть какие-нибудь идеи?

– Сэр, верно ли я понимаю, что, даже если большое жюри выдвинет какие-либо уголовные обвинения, при подготовке обвинительного акта для суда присяжных мистер Лоу найдет способ отменить их или не дать им ходу?

Лоу скривился – видно, Эд попал в точку.

– Я прав, сэр?

Лоу, покровительственно:

– Сержант, у вас юридическое образование?

– Нет, сэр.

– Значит, ваш многоуважаемый отец дал вам хороший совет.

– Нет, сэр, – внутренне ликуя, отвечает Эд.

– Предположим, что ты прав, сынок, – говорит Смит. – Предположим, мы в самом деле хотим того же, чего и все порядочные полицейские: не отдавать наших братьев-офицеров на позор публичного суда. Предположим, что к этому и клонятся все наши усилия. В таком случае, что бы ты нам посоветовал?

Эту маленькую речь Эд повторял про себя столько раз, что среди ночи разбуди – от зубов отскочит каждое слово:

– Шумиха в газетах, которая окончится пшиком, следствие, отложенное в долгий ящик, громкие обвинения втихомолку отозванные, – все это публику не удовлетворит. Внутренние расследования, отстранения от службы, кадровые перестановки – всего этого недостаточно. Вы сами сказали офицеру Уайту: должны полететь головы. Я с этим согласен. Полагаю, ради сохранения престижа полиции Лос-Анджелеса и ее шефа нам нужен публичный суд, нужны уголовные обвинения и приговоры к тюремному заключению.

– Знаешь, сынок, поражает меня легкость, с какой ты произносишь такие слова...

Эд обращается к Паркеру:

– Сэр, после Хоррела и Уортона ваше появление стало для

полиции Лос-Анджелеса счастьем. Вы исправили ошибки, совершенные вашими предшественниками, и достигли новых высот. И вы не позволите, чтобы все рухнуло из-за какой-то несчастной случайности.

– Выкладываете, Экли, – не выдерживает Лоу. – Что же младший офицер посоветует начальнику полиции?

Эд, не отрывая глаз от Паркера:

– Не заводить уголовные дела в отношении тех, кто уже отслужил свои двадцать лет. Обнародовать кадровые перестановки, побольше понижений в должности и отстранений от службы. Предъявите обвинение Джонни Браунеллу, скажите ему, чтобы просил суда без присяжных и пусть судья вынесет ему условный приговор: он – брат пострадавшего офицера. И еще – отдайте под суд Дика Стенсленда и Бада Уайта. И пусть отправляются в тюрьму. В полиции им не место. Стенсленд – пьяница и бандит, Уайт едва не убил человека, а выпивки принес гораздо больше Винсеннса. Пожертвуйте ими. Чтобы защитить Себя. Чтобы защитить полицию Лос-Анджелеса.

Напряженное молчание прервал Смит:

– Джентльмены, совет нашего юного друга представляется мне опрометчивым и чересчур суровым. У Стенсленда есть свои острые углы, но Венделл Уайт – ценный сотрудник.

– Сэр, если Уайт еще никого не убил, то этого недолго ждать.

Смит хотел возразить, но поднял руку Паркер:

– Думаю, совет Эда заслуживает внимания. Завтра на большом жюри, задай им жару, мой мальчик. Оденься попараднее и сделай их.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Эд, с трудом подавляя в себе желание завопить и подпрыгнуть до потолка.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Дампы бьют в глаза. Измерение роста: Джек Винсеннс – метр семьдесят восемь, Фрэнк Доуэрти, Дик Стенс, Джонни Браунелл – коротышки, в Уилберте Хаффе и Баде Уайте – не меньше метра восьмидесяти. За стеклом – бывшие узники Центрального участка, сидя бок о бок с копами из офиса окружного прокурора, указывают на погромщиков.

– Левый профиль! – хрипит динамик. Шестеро мужчин поворачиваются. – Правый профиль! Лицом к стене! Лицом к зеркалу! Процедура окончена, джентльмены. – Молчание, затем: – Четырнадцать человек по отдельности опознали Доуэрти, Стенсленда, Винсеннса, Уайта и Браунелла, еще четверо – Хаффа. Черт, микрофон забыли выключить!

У Стенса очумелый вид.

– Пошел на хрен, козел! – бросает Фрэнк Доуэрти динамику.

Бад молчит с каменным лицом – словно он уже в тюрьме и защищает Стенса от нигтеров.

– Сержант Винсеннс в комнату 114, – командует динамик, – офицер Уайт в кабинет шефа Грина. Остальные свободны.

114-я комната – зал заседаний большого жюри.

Джек подходит к дверям 114-й. Здесь многолюдно: истцы с адвокатами, Эд Экли в пиджаке с иголки, с висящими

нитками по краю рукава. Латиносы щерятся. Джек подходит к Эду.

– Так это ты – главный свидетель?

– Верно.

– Так я и знал! И что за кус швырнул тебе Паркер?

– Кус?

– Именно, Эксли. Сколько он тебе заплатил за работу? Что пообещал? Чем купил? Думаешь, я даю показания бесплатно?

– Я просто выполняю свой долг, – отвечает Эд, старательно протирая очки.

– Под идейного косишь, студентик? – усмехается Джек. – Не верю. Стал бы ты задарма ссориться с братьями-копами. Ведь теперь тебе житья не будет. Не любят у нас стукачей. Может, Паркер обещал тебе переход в Бюро расследований? Так учти: и оттуда ребята тоже погорят, а работать тебе придется с их друзьями.

Эд смотрит в сторону.

– А впрочем, сделка выгодная, ты не прогадал! – продолжает Джек.

– Откуда мне знать? Специалист по сделкам у нас ты, а не я.

– Если так дальше пойдет, скоро ты меня переплюнешь. Так что мне стоит быть с тобой повежливее. Кстати, знаешь, что невеста Эллиса Лоу к тебе неровно дышит?

Дверь распахивается.

– Эдмунд Дж. Эксли, пройдите в зал, – объявляет клерк.

– Вперед, бойскаут, – подмигивает Джек. – Только нитки с рукава оборви: вид у тебя, словно первый раз в жизни костюм надел!

Идя в комнату 114, Эд Эксли торопливо и неловко обрывает нитки с рукава новенького пиджака.

* * *

Джек развлекал себя мыслями о Карен. С того свидания прошло десять дней – и по большому счету все вроде было не так уж плохо. Правда, перед Спейдом Кули пришлось извиниться. Уэлтон Морроу был, мягко говоря, не в восторге от их с Карен отношений, но то, что происходило у Эллиса Лоу с Джоанн – дело у этой парочки, кажется, худо-бедно сладилось, – малость его утешило. Торопливые, какие-то вороватые свидания в отелях: Карен живет дома, Джек – в дешевой квартирке, куда приличную девушку не приведешь. Пропустил регулярный платеж Скоггинсам, чтобы снять для встреч номер в «Амбасадоре». Карен наслаждается запретной любовью, а Джек счастлив тем, что счастлива она. Но Сид Хадженс не звонит, и на героиновом рынке затишье – остается ловить мелкую рыбешку. А впереди призраком пострашнее газовой камеры маячит год в Отделе нравов...

Истцы перешептываются, разглядывают его исподлобья. Джек невольно сжимает кулаки. У того, которому он врезал в

рождественскую ночь, на носу фиксирующая нашлепка. Наверняка фальшивая – Джек ему нос не ломал, точно помнит. Какой-нибудь жидюга адвокат посоветовал.

Дверь в комнату 114 приоткрыта. Джек заглядывает внутрь. Шестеро членов жюри сидят за столом, лицом к свидетельскому месту. Допрос ведет Эллис Лоу. В клетушке для свидетеля – Эд Эксли.

Только теперь он не теребит очки, не мямлит, не опускает глаз. Голос его звучит твердо – и на октаву ниже обыкновенного. Узкоплечий, худощавый, изящный, на полицейского он не похож, но в нем чувствуется сила и уверенность в себе. И говорит прекрасно. Лоу задает «неожиданные» вопросы: Эксли свою роль, разумеется, отрепетировал заранее, – но так естественно удивляется, так искренне недоумевает и негодует... Черт его знает, кто его натаскивал, но поработал этот тренер на совесть.

Джек прислушивается. Да, перед ним уже не слюнтяй, не папенькин сынок, не пай-мальчик из колледжа: теперь Джек понимает, как Эксли сумел заработать Крест. Лоу сыплет вопросами, и ответы Эда бьют прямо в цель. Да, у него отобрали ключи. Да, его заперли в кладовке. Нет, он не видел ни возможности сопротивляться, ни смысла в сопротивлении. Господа члены жюри, смотрите внимательно: перед вами – настоящий мужчина. Ему нет нужды кому-то что-то доказывать, он прошел войну и слишком хорошо знает цену показного героизма.

Так, и кого же он будет топить? Браунелл, Хафф, Доуэрти – мелкие сошки: основную вину Эд взвалил на Дика Стенсленда, не пощадил и Уайта. Джек усмехнулся: до него дошло, как ловко разыграна эта партия. Крагмана, Такера, Пратта, которым не грозит ничего, кроме ухода на пенсию, отдали Джеку – знали, что подставлять своих по-крупному он не согласится, а назвать козлов отпущения доверили Эду Эксли.

Лоу задает последний вопрос – что-то вроде:

– Ну и что же вы обо всем этом думаете?

Эд произносит прочувствованные слова о правосудии. У жюри едва слезы не капают. Лоу объявляет, что вопросов к свидетелю больше нет, и Эд, прихрамывая, идет к дверям – тесновата свидетельская клетушка! В коридоре его встречает Джек.

– А ты молодец. Паркеру понравится.

– Думаешь, он прочтет стенограмму? – спрашивает Эд, растирая затекшее колено.

– И десяти минут не пройдет, как все бумаги будут у него. А вот Бад Уайт теперь не успокоится, пока тебя с говном не съест. Прямо с опознания его вызвали к Таду Грину, и могу спорить, что от работы Грин его уже отбранил. Моли бога, чтобы Бад выкрутился и остался в полиции – он из тех ребят, что на гражданке становятся куда опаснее.

– Поэтому ты не сказал Лоу, что основную выпивку принес Уайт?

– Джек Винсеннс, готовьтесь! – объявляет клерк.

– Да, я тоже заложил своих, – нехотя говорит Джек. – Только я заложил троих старых пердунов, которые так и так уезжают в Орегон ловить рыбку. Так что, по сравнению с тобой, я поступаю и порядочно и умно.

– Оба мы делаем то, что должны сделать. Только ты себя за это презираешь. А это уже не умно.

В коридоре появляются Эллис Лоу и Карен. Эллис бросается к Джеку.

– Я случайно обмолвился Джоан, что сегодня ты даешь показания, а она рассказала Карен. Прости, я не думал, что так выйдет. Я ведь просил ее никому не говорить! Прости, Джек, в самом деле не знаю, как так вышло... Я умолял Карен не приходить сюда, говорил, что в зал заседаний ее все равно не пустят, и в конце концов мы сошлись на том, что она послушает у репродуктора в моем кабинете... Джек, я очень виноват, ради бога извини...

– Знаешь ты, жидяра, чем гарантировать свидетеля!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Бад глотнул из стакана. Виски с содовой и со льдом.

Ему досталось худшее место в баре – спиной к телефонам. Надсадно гремел над ухом музыкальный автомат. Ныли старые футбольные шрамы – как ненависть к Эду Эксли. Жетон, оружие – все отобрали, впереди – суд, и рыжая крашеная телка лет сорока с лишним, что давно уже с вожделением косится на его стакан, кажется Бадю почти красавицей.

Поймав его взгляд, рыжая телка улыбнулась. Крашеная, конечно, но лицо у нее доброе. Бад улыбнулся в ответ.

– Позвольте вас угостить?

– Спасибо. Меня зовут Анджела.

– А меня Бад.

– Разве есть такое имя?

– Когда тебя окрестили Венделлом, приходится изобретать псевдонимы.

Анджела хохочет.

– Чем занимаешься, Бад?

– Сейчас? Ну... можно сказать, безработный.

– А-а... Что же ты такого натворил?

Да что ты лыбишься, дура? Хочешь с мужиком познакомиться или вопросы задавать? Да понимаешь ты, что это такое – когда полицейского отстраняют от работы?

– Не захотел подыгрывать боссу. Послушай, Анджела, что

скажешь, если...

– У вас был правовой конфликт? Знаешь, я в этом разбираюсь: сама состою в Объединении учителей, а мой бывший муж – председатель профсоюза водителей автобусов. Если ты расскажешь, что случилось, может быть, я...

Кто-то кладет руку ему на плечо.

– Сынок, можно с тобой перемолвиться парой слов?

Дадли Смит. Следил за ним. Какого черта ему нужно?

– Это срочно, лейтенант?

– Очень срочно. Пожелай своей новой подружке доброй ночи и присоединяйся ко мне за задним столиком. Я попросил бармена сделать музыку потише, пока мы с тобой будем беседовать.

В самом деле, музыка стала тише. Смит двинулся прочь. Бад бросил взгляд на Анджелу – ее уже обихаживает какой-то морячок. Он встал и пошел следом.

В задней части бара – уютные ниши-полукабинетки. Два стула, стол, накрытый газетой, под газетой приподымается холмик неясных очертаний. Бад сел.

– Что, ОВР за мной следит?

– Да. Как и за прочими, кому грозит уголовный суд. Идея твоего дружка Экли. Паркер теперь к нему прислуживается – вот Эд и наговорил ему, что вы со Стенслендом, мол, способны потерять голову и наделать глупостей. Слышал бы ты, сынок, как этот Экли на свидетельском кресле чернил и тебя, и многих других достойных людей! Я правда, тоже

не слышал, но стенограмму читал. Суший двурушник этот Эд Эксли. Его выступление – позор для всех достойных полисменов.

Бад представил, как Стенс уйдет в бесконечный запой.

– Что в газете? Нам уже предъявлено обвинение?

– Не кликай беду, сынок. И не спеши записывать меня во враги. Я ведь твой друг, и кое-какое влияние на Паркера у меня имеется. Не одному же Эксли ходить у него в любимчиках!

– Лейтенант, чего вы хотите?

– Зови меня Дадли, – отвечает Смит.

– Дадли, чего ты хочешь?

– Хо-хо-хо! – звучный округлый тенор. – Ты, сынок, произвел на меня впечатление. Я восхищен тем, что ты отказался предать товарищей, а твоя верность напарнику вообще выше всяких похвал. Я восхищаюсь тобой как полицейским, мне нравится, что ты не боишься проявлять насилие там, где без него, увы, в нашей работе не обойтись. А больше всего мне симпатична твоя борьба с мерзавцами, избивающими жен. Ты их ненавидишь, верно?

Ненависть – блеклое, заезженное слово. У Бада застучало в висках.

– Да, ненавижу.

– И у тебя есть на это причины, если верно то, что мне довелось слышать о твоей юности. Ненависть – что еще ты ненавидешь так же сильно?

Бад крепко, до боли в пальцах, сжимает кулаки.

– Эксли. Эту сволочь Эксли. И Мусорщика Джека – он тоже там отличился. Дик Стенс теперь допьется до чертиков – из-за того, что эти двое нас продали!

Смит качает головой.

– Винсеннса не вини, сынок. Он все сделал как надо. Без увольнений дело бы не обошлось, а он оговорил лишь тех, кто уже отработал двадцать лет и заслужил себе пенсию. И взял на себя вину за ту выпивку, что ты принес в участок. Нет, сынок, Джек не заслужил твоей ненависти.

Бад наклоняется к нему:

– Дадли, чего ты от меня хочешь?

– Хочу, чтобы ты избежал приговора и вернулся на службу. И знаю, как этого добиться.

Бад бросает взгляд на газету.

– И как же?

– Тебе надо работать на меня.

– И что я должен делать?

– Не торопись. Сперва еще несколько вопросов. Скажи, сынок, ты согласен, что наш долг – удерживать преступность в должных рамках, не давать ей расползаться по городу? Что, например, черным бандитам к северу от бульвара Джефферсона не место?

– Конечно.

– А как ты считаешь, можно позволять существовать преступным сообществам, которые действуют только среди сво-

их, мирным гражданам особого вреда не приносят, а полиции иногда бывают полезны?

– Конечно. Всегда так и делается: на что-то мы закрываем глаза... Но какое это имеет...

Смит сдергивает со стола газету. Револьвер 38-го калибра, сверкающий полицейский жетон. По спине у Бада проходят мурашки.

– Я знал, что ты – человек влиятельный. Ты договорился с Грином?

– Не с Грином, сынок. С Паркером. Я же говорил, не одному Эксли ходить у него в советниках. Вот что он сказал: если большое жюри не выдвинет против тебя обвинения, за отказ дать показания ты наказан не будешь. А теперь забирай свои вещички, пока хозяин этого заведения в полицию не позвонил.

Сияющий Бад неловко распахивает по карманам свое добро.

– Значит, и обвинения не будет?

Снова сочное «хо-хо-хо» – на этот раз насмешливое.

– Так я и думал, что сегодняшней «Геральд» ты еще не читал!

– Но... как? – восклицает Бад, совершенно ошарашенный.

– Потом расскажу, сынок.

– А с Диком что?

– Дик пропал, сынок. И не спорь – ничего тут не поделаешь. Ему предъявлено обвинение, он будет признан винов-

ным и получит срок. Сам Паркер приказал сделать его козлом отпущения. Это Эксли убедил его патронов не жалеть. Так что... уголовная статья и тюрьма.

Вдруг становится страшно жарко. Невыносимо жарко. Бад ослабляет узел галстука, прикрывает глаза.

– С ним все будет хорошо, сынок, я тебе обещаю. Есть у меня приятельница в системе исправительных заведений – попрошу ее за Стенслендом присмотреть. А когда выйдет, уж я обеспечу ему возможность поучить этого Эксли уму-разуму.

Открыв глаза, Бад видит перед собой развернутую «Геральд». Заголовок: «Полицейским, замешанным в "Кровавом Рождестве", предъявлены обвинения». Дальше – колонка, обведенная карандашом. Сержанту Ричарду Стенсленду предъявлено обвинение по четырем статьям уголовного кодекса. Кроме него в списке трое пенсионеров: Ленц, Браунелл и Хафф; по две статьи на брата. Подчеркнуто: «Офицеру Венделлу Уайту, 33 года, обвинений не предъявлено, хотя, по предварительным сведениям, полученным из источников в окружной прокуратуре, ему должно было быть предъявлено обвинение в нападении первой степени. Председатель жюри заявил, что четверо из жертв нападения изменили свои первоначальные показания, согласно которым офицер Уайт душил Хуана Карбигаля, 19 лет. Новые показания истцов прямо противоречат утверждениям офицера полиции сержанта Эдмунда Дж. Эксли, который заявил под прися-

гой, что Уайт пытался нанести Карбигалю тяжкие телесные повреждения. Однако показания сержанта Эксли, по всей видимости, не подвергаются сомнению: они использованы в обвинительных актах против других семи офицеров. Тем не менее, хотя члены жюри и сомневаются в искренности новых показаний истцов, такие изменения в деле они сочли достаточной причиной, чтобы отозвать обвинения, первоначально выдвинутые против офицера Уайта. Заместитель окружного прокурора Эллис Лоу заявил репортерам: "Произошло нечто внушающее подозрение, но что – я не понимаю. Однако четыре свидетельства, несомненно, перевешивают одно – будь это даже в высшей степени услуживающий доверия голос Эдмунда Эксли, героя прошедшей войны"».

– Почему? Зачем ты это сделал? И как? – спрашивает Бад. Строчки новостей кружатся у него перед глазами.

Смит сминает газету.

– Ты мне нужен, сынок. Будем выполнять новую задачу – уже получено «добро» от Паркера. Создается особое подразделение при Отделе убийств. Оно будет выполнять своего рода функцию сдерживания. Называться будет «Подразделение надзора». Звучит довольно расплывчато, верно? На деле речь идет о работе, для которой годны очень немногие, – но ты, сынок, для нее родился. Придется и драться, и стрелять, и не задавать лишних вопросов. Сынок, ты улавливаешь ход моих мыслей?

– Еще бы.

– Скоро Паркер начнет обещанную перетряску кадров, и из Центрального участка тебе придется уйти. Будешь работать на меня?

– Я же не сумасшедший, чтобы отказаться. Но зачем, Дадли?

– Что зачем, сынок?

– Это ты уговорил Эллиса Лоу меня вытащить. Все знают, что вас с ним водой не разольешь. Зачем?

– Затем, сынок, что мне нравится твой стиль работы. Такой ответ тебя устраивает?

– Нет, но, судя по всему, другого я не дождусь. Тогда следующий вопрос: как?

– Что как, сынок?

– Как ты заставил мексикашек изменить показания?

Смит молча кладет на стол отливающий медью, в металлических заусеницах и в засохшей крови кастет.

КАЛЕНДАРЬ

1952

ВЫДЕРЖКА:

«Лос-Анджелес Миррор Ньюс», 19 марта

Скандал в полиции: прокуратура готовится к суду, а копы наводят порядок у себя дома

Шеф полиции Лос-Анджелеса Уильям Х. Паркер торжественно пообещал добиться правды – «куда бы ни привели поиски истины» – в скандальной и запутанной истории, получившей широкую огласку и с легкой руки газетчиков названной «Кровавым Рождеством».

Семи офицерам полиции предъявлены уголовные обвинения в связи с их действиями в Центральном полицейском участке в Рождественскую ночь прошлого года. Вот их имена:

сержант Уорд Такер – обвинен в нападении второй степени,

офицер Майкл Крагман – обвинен в нападении второй степени и нанесении побоев,

офицер Генри Пратт – обвинен в нападении второй степени,

сержант Элмер Ленц – обвинен в нападении первой

степени и нанесении побоев,

сержант Уилберт Хафф – обвинен в нападении первой степени и нанесении побоев,

офицер Джон Браунелл – обвинен в нападении первой степени при отягчающих обстоятельствах,

сержант Ричард Стенсленд – обвинен в нападении первой степени при отягчающих обстоятельствах, нанесении побоев первой степени и нанесении увечий.

Паркер не стал останавливаться ни на сущности обвинений, предъявленных офицерам, ни на гражданских исках, которые жертвы насилия – Санчес Динардо, Хуан Карбигаль, Деннис Райе, Эзекиель Гарсия, Клинтон Валупек и Рейес Часко – подали в адрес как отдельных полицейских, так и полиции Лос-Анджелеса в целом. Он заявил только, что полиция провела собственное внутреннее расследование и что, помимо перечисленных, виновными в серьезных дисциплинарных проступках и заслуживающими сурового наказания являются следующие офицеры:

сержант Уолтер Крамли, сержант Уолтер Дьюкширер, сержант Фрэнсис Доуэрти, офицер Чарльз Хайнц, офицер Джозеф Эрнандес, сержант Виллис Тристано, офицер Фредерик Турентин, лейтенант Джеймс Фрилинг, офицер Венделл Уайт, офицер Джон Хайнеке, сержант Джон Винсеннс.

В заключение пресс-конференции Паркер лестно отозвался о сержанте Эдмунде Дж. Эксли, офицере Центральной бригады, решившемся дать показания перед большим жури.

– Я восхищен поступком Экли, – заметил шеф полиции. – Этот человек проявил истинное мужество.

ВЫДЕРЖКА:

«Лос-Анджелес Икзэминер», 11 апреля

Пятеро обвиняемых по делу «Кровавого Рождества» оправданы Паркер рассказывает о дисциплинарных репрессиях в полиции

Сегодня окружная прокуратура объявила, что пятеро обвиняемых по скандально известному делу «Кровавого Рождества» не предстанут перед судом. Офицер Майкл Картман, офицер Генри Прайт и сержант Уорд Такер, все принужденные подать в отставку из полиции вследствие того, что оказались под судом, оправданы за недостатком улик. Вот что заявил помощник окружного прокурора Эллис Лоу, курирующий это дело:

– Многих второстепенных свидетелей – задержанных, находившихся в ту ночь в тюрьме Центрального участка – теперь просто невозможно отыскать.

И сегодня же глава полиции Лос-Анджелеса Уильям Х. Паркер рассказал нам о результатах пресловутой «большой чистки» в его ведомстве. Следующие офицеры, как обвиняемые, так и не обвиняемые в уголовных преступлениях, были признаны виновными в различных дисциплинарных

проступках и подверглись следующим взысканиям:

сержант Уолтер Крамли: шесть месяцев отстранения от службы без сохранения жалованья, перевод в участок Холленбек;

сержант Уолтер Дьюкширер: шесть месяцев отстранен от службы без сохранения жалованья, перевод в участок Ньютон-стрит;

сержант Фрэнсис Доуэрти: четыре месяца отстранения от службы без сохранения жалованья, перевод в участок Уилшир;

офицер Чарльз Хайнц: шесть месяцев отстранения от службы без сохранения жалованья, перевод в Отдел по борьбе с бродяжничеством;

офицер Джозеф Эрнандес: четыре месяца отстранения от службы без сохранения жалованья, перевод в участок 77-й улицы;

сержант Уилберт Хафф: девять месяцев отстранения от службы без сохранения жалованья, перевод в участок Уилшир;

сержант Виллис Тристано: три месяца отстранения от службы без сохранения жалованья, перевод в участок Ньютон-стрит;

офицер Фредерик Турентин: три месяца отстранения от службы без сохранения жалованья, перевод в участок Ист-Вэлли;

лейтенант Джеймс Фрилинг: шесть месяцев отстранения от службы без сохранения жалованья, перевод в Бюро управления полицейской академии;

офицер Джон Хайнеке: четыре месяца отстранения

от службы без сохранения жалования, перевод в участок Венеция;

сержант Элмер Ленц: девять месяцев отстранения от службы без сохранения жалования, перевод в участок Голливуд;

офицер Венделл Уайт: без отстранения от службы переведен в Подразделение надзора при Отделе убийств;

сержант Джон Винсеннс: без отстранения от службы переведен в Отдел нравов.

ВЫДЕРЖКА:

«Лос-Анджелес Таймс», 3 мая

Первый приговор по делу «Кровавого Рождества» – полицейский осужден условно

Офицер полиции Джон Браунелл, 38 лет, первый из полицейских, замешанных в прошлогоднем «рождественском» скандале, представший перед судом, сегодня призвал себя виновным по статье, указанной в обвинительном акте, – нападение первой степени при отягчающих обстоятельствах – и попросил судью Артура Дж. Фицхью немедленно вынести ему приговор.

Браунелл – старший брат Фрэнка Д. Браунелла, одного из двух патрульных полицейских, раненных в Рождественский сочельник прошлого года в драке с шестью молодыми людьми. Судья Фицхью, приняв во внимание, что Браунелл испытывал тяжелейший

психологический стресс вследствие ранения брата и что он уже уволен из полиции без пенсии, прислушался к рапорту Отдела по испытательному сроку, где рекомендовалось не приговаривать Браунелла к тюремному заключению, а наказать условно. Он приговорил Браунелла к году заключения условно и отпустил его из-под стражи, приказав явиться за дальнейшими распоряжениями к окружному инспектору по испытательному сроку Рэндаллу Милтиру.

ВЫДЕРЖКА:

«Лос-Анджелес Икзэмннер», 29 мая

Приговор Стенсленду вынесен: полицейского ждет тюрьма

... Жюри присяжных, состоящее из восьми мужчин и четырех женщин, признало Стенсленда виновным по следующим пунктам обвинительного заключения: нападение первой степени при отягчающих обстоятельствах, нанесение побоев первой степени, нанесение увечий. Все обвинения связаны с активным участием полицейского в скандально известном избиении задержанных в Центральном полицейском участке: в прессе эта история давно получила название «Кровавое Рождество». В своих свидетельских показаниях сержант полиции Лос-Анджелеса Эдмунд Дж. Эксли подробно описал «зверства Стенсленда в

отношении незащищенных людей». Адвокат Стенсленда Джейкоб Келлерман подверг сомнению показания свидетеля, заявив, что большую часть ночи, когда имели место эти события, Эксли просидел запертый в кладовой. Однако присяжные поверили сержанту Эксли, и в своей заключительной речи Келлерман, сославшись на решение суда по делу Джона Браунелла (еще одного участника рождественского побоища, которому вынесли условный приговор), просил судью Артура Фицхью проявить милосердие к его клиенту. Однако судья не внял просьбам адвоката. Он приговорил Стенсленда, бывшего офицера полиции Лос-Анджелеса, к году заключения в одной из тюрем округа и передал его офицерам шерифской службы, которые должны сопроводить Стенсленда в исправительное заведение Уэйсайд. Когда Стенсленда выводили из зала, он выкрикивал брань и угрозы в адрес сержанта Эксли. Сержант Эксли от комментариев по этому поводу отказался.

ОЧЕРК: «Кавалькейд Уикенд Мэгэзин»,
воскресное приложение
к «Лос-Анджелес Миррор», 3 июля

Два поколения семьи Эксли на службе Калифорнии

Первое, что поражает в Престоне Эксли и его сыне Эдмунде – они совершенно не похожи на полицейских,

хотя Престон четырнадцать лет прослужил в полиции Лос-Анджелеса, а его сын Эд поступил на службу родному городу в 1943 году, незадолго до того, как вступил в действующую армию и в битве на Гвадалканале заслужил крест «За выдающиеся заслуги». И это еще не все: до того как клан Эксли эмигрировал в Америку, многие его представители служили сыщиками в Скотланд-Ярде. Итак, уважение к закону и правосудию у семьи Эксли в крови. Но с еще большей уверенностью можно сказать, что в крови у этих людей – жажда дела.

Врезка: Престон Эксли получил инженерное образование в Университете Южной Калифорнии. Занимался он по ночам, а днем ловил опасных преступников.

Врезка: Покойный Томас Эксли, старший сын Престона, получил образование в Полицейской академии Лос-Анджелеса и был признан лучшим курсантом за всю ее историю. И сегодня на стене административного корпуса Академии можно увидеть памятную табличку, установленную в его честь. Трагическая гибель настигла Томаса вскоре после выпуска: он был убит уличным бандитом.

Еще одна врезка: Серебряную медаль и диплом Лос-Анджелесского университета с отличием Эд Эксли получил в 1941 году – в девятнадцать лет! Теперь мы понимаем, почему члены семьи Эксли не похожи на «типичных копов»: перед нами прежде всего

талантливые и широко образованные люди.

И отец и сын в последнее время часто упоминались в новостях. Престон Эксли, 58 лет, объединил усилия с Всемирно известным аниматором, кинорежиссером и ведущим детских телепередач Рэймондом Дитерлингом для постройки Фантазиленда – колоссального парка развлечений. Первый камень был заложен шесть месяцев назад, а окончание постройки намечено на апрель будущего года. Эксли-старший начал карьеру в строительном бизнесе в 1936 году, когда уволился из полиции вместе со своим Другом и помощником лейтенантом Артуром Де Спейном.

В своем роскошном особняке в Хенкок-парке Престон отвечает на вопросы нашего корреспондента Дика Сент-Джермена.

– У меня был диплом инженера, а Арт отлично разбирался в стройматериалах, – рассказывает он. – Мы объединили свои сбережения и взяли ссуду у независимых инвесторов, сумевших оценить нашу смелость и предприимчивость. Так возникла «Эксли Констракшн». Поначалу мы строили дешевые дома, но постепенно начали повышать свой уровень, перешли к офисным зданиям. Важной вехой для нас стало шоссе Арройо Секо. Пятнадцать лет назад я о таком процветании и мечтать не мог! И Фантазиленд – двести акров земли, где исполнятся заветные желания миллионов людей, – станет достойной вершиной нашей карьеры.

Экли улыбается.

– Рэй Дитерлинг – мечтатель, – говорит он. – Силой своего воображения он создал множество сказочных миров, и посетители Фантазиленда скоро смогут окунуться в эти миры. Приведу только один пример: гора, названная Рэем «Мир Пола». Пол Дитерлинг, сын Рэя, трагически погиб в горах во время схода лавины в середине тридцатых годов. Гора «Мир Пола» станет памятником юноше и в то же время будет приносить людям радость, а определенный процент доходов от ее коммерческого использования будет отчисляться в детские благотворительные организации. Теперь вы понимаете, что я не преувеличиваю, когда говорю, что Фантазиленд – вершина моей карьеры.

Неужели же, завершив этот труд, Престон Экли намерен отойти от дел? Экли снова улыбается.

– На следующей неделе, – говорит он, – я собираюсь обратиться в Окружной совет по реконструкции и развитию, а также в Лос-Анджелесскую легислатуру. Речь пойдет о стоимости массовых перевозок в Южной Калифорнии и о необходимости связать южные города штата новыми шоссе. Честно говоря, я хочу получить заказ на строительство сети шоссеинных дорог и намерен предложить правительству штата выгодную сделку.

А дальше?

Экли улыбается и вздыхает.

– Знакомые постоянно надоедают мне просьбами пойти в политику. Уверяют, что из меня получится великолепный мэр, губернатор, сенатор и бог знает кто

еще. Хотя я на это всегда отвечаю, что у меня есть друзья – Флетчер Баурон, Дик Никсон и Эрл Уоррен ²².

Означает ли это, что мистер Эксли исключает для себя возможность политической карьеры?

– Я ничего не исключаю, – отвечает Престон Эксли. – И не ставлю себе никаких ограничений. Это не в моей натуре.

И как выяснили наши корреспонденты, его сын Эдмунд, с недавних пор сержант Бюро расследований полиции Лос-Анджелеса (участок Голливуд), относится к жизни так же. После недавней скандальной истории, известной как «Кровавое Рождество», в которой Эд Эксли проявил себя настоящим героем, перед ним открылись самые заманчивые возможности – хотя он и твердо намерен делать карьеру только в полиции. В интервью нашему корреспонденту в летнем коттедже семьи на озере Эрроухед Эксли-младший сказал:

– Единственная моя мечта – стать хорошим детективом и успешно расследовать преступления, угрожающие обществу. Моего отца прославило дело Лорена Атертона (маньяк-детоубийца, в 1934 году казненный за убийство шести детей, в том числе мальчика-кинозвезды Вилли Веннерхолма); мне хотелось бы раскрывать дела такого же масштаба. Для этого очень важно оказываться в нужное время

---

²² Ричард Никсон (1913-1994) – 37-й президент США. В 1952-м избран вице-президентом США; Эрл Уоррен (1891 – 1974) – юрист, государственный и политический деятель. В 1943 – 1953 – губернатор штата Калифорния. В 1953 – 1969 – председатель Верховного суда.

в нужном месте, но, кроме этого, необходима некая внутренняя тяга к распутыванию запутанных ситуаций и созданию порядка из хаоса – то есть то, что, мне кажется, у меня есть.

Эд Эксли, несомненно, оказался в нужное время в нужном месте осенью 1943 года, когда он, единственный выживший в ожесточенной схватке с противником, в одиночку прорвался через три японские траншеи. Он оказался в нужное время в нужном месте, когда, смело возвысив голос, нарушил «заговор молчания» о печальном инциденте, происшедшем в Центральном полицейском участке в Рождественскую ночь. Но сам Эд Эксли говорит об этих двух переломных моментах своей жизни:

– Это в прошлом, а сейчас я смотрю в будущее. Работа в Бюро расследований Голливудского участка дает мне бесценный опыт, но еще более ценные уроки я получаю от отца и его старого друга Арта Де Спейна. Часто по вечерам мы втроем разыгрываем сцены допросов: для отца и Арта это развлечение, для меня – прекрасная тренировка. Мы с отцом похожи и все же очень разные: ему нужен весь мир, мне – только то, что может предложить мне служба в полиции.

Престон и Эд Эксли пережили Томаса, а Маргарит Эксли (урожденная Тиббетс) умерла от рака шесть лет назад. Что сегодня говорят о своих утратах отец и сын Эксли?

– Не проходит ни дня, чтобы я о них не вспомнил, – отвечает Престон. – Мне их очень не хватает!

Его сын не столь лаконичен: он соглашается поделиться с нами своими воспоминаниями.

– Томас – это Томас, – задумчиво говорит он. – Когда он погиб, мне было всего семнадцать: я его, можно сказать, почти не знал. Мама – другое дело. Прекрасная женщина, сильная, великодушная и отважная, но с какой-то постоянной грустью в глазах. Мне очень ее не хватает, и, надеюсь, моя будущая жена будет похожа на нее – только, пожалуй, чуть-чуть жизнерадостней!

Итак, в сегодняшнем «Профиле» нашего журнала вы встретились с отцом и сыном Эксли – настоящими мужчинами, благородными людьми, которые нашли свое место в жизни и, каждый по-своему, верно служат процветанию Калифорнии.

ЗАГОЛОВОК:

«Лос-Анджелес Таймс», 9 июля

Лоу выдвигает свою кандидатуру на пост окружного прокурора

РУБРИКА: Светская хроника,

«Лос-Анджелес Геральд Экспресс», 12 сентября

На свадьбе Эллиса Лоу и Джоан Морроу гулял весь Голливуд

ВЫДЕРЖКА:

«Лос-Анджелес Таймс», 7 ноября

Макферсон и Лоу схлестнутся в борьбе за пост окружного прокурора

Уильям Макферсон, нынешний окружной прокурор Лос-Анджелеса, намерен выставить свою кандидатуру на четвертый срок. При этом ему придется вступить в борьбу с собственным заместителем Эллисом Лоу: оба они с большим отрывом лидируют в списке из восьми кандидатов. Напомним читателям, что выборы окружного прокурора состоятся в марте будущего года.

За 56-летнего Макферсона готовы проголосовать 38% избирателей, за 41 – летнего Лоу – 36%. Их ближайший соперник Дональд Чепмен, бывший глава управления городских парков, набрал всего 14% голосов. Остальные 12% примерно поровну распределены между оставшимися пятью кандидатами – очевидно, что шансы кого-либо из них на победу весьма призрачны.

На своей пресс-конференции Макферсон предположил, что борьба будет нелегкой, и подчеркнул, что он прежде всего верный слуга общества, а политик – уже во вторую очередь. У Лоу мы взяли интервью в домашней обстановке, в обществе его жены Джоан. Он сделал схожие заявления, заметил, что надеется на победу, и поблагодарил всех избирателей и в особенности силы охраны порядка за поддержку, необходимую ему в предвыборной борьбе.

1953

Полиция Лос-Анджелеса

Ежегодный рапорт о служебном соответствии

С пометкой «конфиденциально»

3 января 1953 года

Автор: лейтенант Дадли Смит

Копии: в Отдел кадров и Административный отдел

2/1/1953

ЕЖЕГОДНЫЙ РАПОРТ

О СЛУЖЕБНОМ СООТВЕТСТВИИ

ЗА ПЕРИОД: 4/4/1952– 31/12/1952

СОТРУДНИК: офицер Уайт, Венделл А.,

жетон номер 916

ДОЛЖНОСТЬ: Офицер полиции (детектив) (гос.
служ. 4 разряд)

МЕСТО СЛУЖБЫ: Бюро расследований
(подразделение надзора при Отделе по расследованию
убийств)

КОМАНДИР: Лейтенант Дадли Л. Смит, жетон
номер 410

Господа!

Этот меморандум служит как рапортом о
профпригодности офицера Уайта, так и отчетом за
первые девять месяцев существования подразделения

надзора. Из шестнадцати человек, работающих под моим началом, Уайт, по моему мнению, лучший. Он добросовестен, увлечен своей работой и служебный долг ставит превыше всего. Его посещаемость – одна из лучших в подразделении: порой ему случалось две недели подряд работать по восемнадцать часов в сутки, но ни разу я не слышал от него ни слова жалобы. Вы помните, что при переходе Уайта в мое подразделение на нем лежала тень злосчастного рождественского происшествия прошлого года, и, в частности, помощник начальника полиции Грин, ссылаясь на выдвинутые против него обвинения в неоправданном и жестоком применении силы, выражал сомнения в целесообразности этого перевода (он полагал, что склонность Уайта к насилию в сочетании с особыми задачами нашего подразделения могут создать взрывоопасную комбинацию). Однако время показало, что он ошибался, и я без колебаний выставляю офицеру Уайту высшую оценку А по всем параметрам служебного соответствия. Неоднократно Уайт проявлял замечательное мужество, выходящее за рамки его профессиональных обязанностей. Дабы не быть голословным, приведу несколько примеров действий офицера Уайта в экстремальных ситуациях.

1. 8 мая 1952 года. Ограбление винного магазина. Офицер Уайт (страдающий от старых футбольных травм) на протяжении полумили гнался за вооруженным подозреваемым. Подозреваемый несколько раз стрелял в офицера Уайта; тот не открывал

ответный огонь, опасаясь ранить случайных прохожих. Наконец подозреваемый схватил женщину и приставил к ее голове револьвер. Увидев, что преступник взял заложницу, офицеры, прибывшие на помощь Уайту, вступили с подозреваемым в переговоры: тем временем Уайт незаметно удалился со сцены действия и, обойдя преступника, подкрался к нему сзади. Когда преступник отказался отпустить женщину и сдаться, Уайт выстрелил ему в затылок и убил на месте. Женщина не пострадала.

2. Многочисленные случаи. Одна из основных задач нашего подразделения – встречать в Лос-Анджелесе преступников, освободившихся условно-досрочно, и убеждать их в неразумности совершения тяжких преступлений в нашем городе. Эта работа требует большой физической силы и смелости: и, откровенно говоря, офицер Уайт стал ключевой фигурой в решении этих вопросов. Ему легко удастся запугать даже самых матерых уголовников и заставить их соблюдать правила условно-досрочного освобождения. Надзором за освобожденными условно-досрочно, особенно теми, кто осужден за тяжкие преступления, он занимается не только на дежурствах, но и по собственной инициативе в нерабочее время. Так, именно он арестовал Джона (Большого Пса) Кассезе, дважды судимого за изнасилование и вооруженный грабёж. 20 июля 1952 года Уайт, наблюдая за Кассезе в баре, услышал, как тот пытается вовлечь несовершеннолетнюю в занятие проституцией. Кассезе пытался воспротивиться аресту,

но офицер Уайт заставил его подчиниться, применив физическую силу. Позже Уайт и еще двое сотрудников нашего подразделения (сержант Майкл Брюнинг и офицер Р. Дж. Карлайл) провели интенсивный допрос Кассезе относительно его деятельности после освобождения. Кассезе признался в изнасиловании и убийстве трех женщин. (См. рапорт Отдела по расследованию убийств 168-А от 22/7/52.) Кассезе был судим, приговорен к высшей мере наказания и казнен в Сан-Квентине.

3. 18 октября 1952 года. Офицер Уайт, наблюдая за освобожденным условно-досрочно Перси Хаскинсом, заметил его в обществе двоих известных нарушителей общественного порядка – Роберта Мэкки и Карла Картера Гоффа. Все трое были неоднократно судимы за вооруженные грабежи, и офицер Уайт заподозрил, что они затевают очередное преступление, и начал действовать. Он последовал за Хаскинсом, Мэкки и Гоффом в овощную лавку по адресу: 1683, Сан-Берендо. Трое подозреваемых произвели грабеж лавки и попытались скрыться. Когда они вышли из лавки, офицер Уайт, наблюдавший за ними с улицы, приказал им бросить оружие и сдаться. Грабители отказались. Уайт начал стрелять, убил Гоффа и тяжело ранил Мэкки. Хаскинс сдался. Мэкки позже скончался от ранений, а Хаскинс был судим за вооруженный грабеж, признался еще в нескольких преступлениях и как рецидивист был присужден к пожизненному заключению.

В заключение хочу подчеркнуть, что своим несомненным успехом в первый же год своего существования подразделение надзора обязано, в очень большой степени, именно офицеру Уайту. 15 марта 1953 года я вновь приступаю к обязанностям сотрудника Отдела убийств – И хотел бы видеть, чтобы офицер Уайт перешел туда вместе со мной. По моему мнению, он не только прекрасный полицейский, но и обладает всеми качествами, необходимыми настоящему детективу.

С уважением

Дадли Л. Смит,

жетон номер 410 Лейтенант,

Отдел по расследованию убийств

Полиция Лос-Анджелеса

Ежегодный рапорт о служебном соответствии

С пометкой «конфиденциально»

6 января 1953 года

Автор: капитан Расселл Миллард,

глава Административного отдела

Копии: в Отдел кадров и Административный отдел

6 января 1953 года

ЕЖЕГОДНЫЙ РАПОРТ О СЛУЖЕБНОМ
СООТВЕТСТВИИ ЗА ПЕРИОД: 13/4/1952–
31/12/1952

СОТРУДНИК: Винсеннс, Джон,

жетон номер 2302

ДОЛЖНОСТЬ: Сержант полиции, детектив (гос. служ. 5 разряд)

МЕСТО СЛУЖБЫ: Бюро расследований (Отдел нравов)

КОМАНДИР: капитан Рассел А. Миллард,
жетон номер 5009

Господа!

Выставив сержанту Винсеннсу общую оценку D +, считаю необходимым сопроводить ее следующими комментариями.

А. Поскольку Винсеннс не пьет, он весьма полезен в операциях, связанных с пресечением незаконной торговли алкоголем.

Б. Винсеннс склонен преступать границы своих служебных обязанностей, когда речь идет о наркотиках. Так неоднократно случалось, что, обнаружив на месте преступления наркотики, он производил или требовал произвести арест за хранение наркотических веществ.

В. Винсеннс часто помогает в работе своему наставнику, лейтенанту Дадли Л. Смиту из Отдела убийств. Поначалу я опасался, что это скажется на его отношении к своим основным обязанностям в Отделе нравов, – но этого не произошло, что, безусловно, говорит в пользу сержанта Винсеннса.

Г. Свидетельские показания Винсеннса по поводу прошлогодних рождественских событий не вызывают к нему неприязни со стороны товарищей, поскольку

он тоже оказался «пострадавшим» (потерял работу в Отделе по борьбе с наркотиками, которая, очевидно, для него очень важна), а также потому, что ни один из офицеров, против которых он дал показания, не подвергся тюремному заключению.

Д. Винсеннс постоянно просит меня об обратном переводе в Отдел по борьбе с наркотиками. Однако я не собираюсь санкционировать его уход, пока он не раскроет какое-либо крупное дело – такова обычная практика нашего Отдела. Винсеннс пытался надавить на меня, используя свои связи с заместителем окружного прокурора Элисом Лоу, но я, как и Лоу, ответил отказом. И буду отказывать и впредь, даже если он станет прокурором.

Е. В Отделе ходят слухи, что Винсеннс является информатором желтого журнала «Строго секретно». Я его предупредил: если хоть что-то из наших внутренних дел выйдет наружу, он за это ответит по всей строгости.

Ж. В заключение хочу отметить, что в целом Винсеннс как офицер Отдела нравов вполне адекватен. У него хорошая посещаемость, его рапорты всегда написаны четко и грамотно (хотя, по-видимому, несколько приукрашены). Особенно хорошо он справляется с делами, связанными с букмекерством и проституцией. Отмечу также, что Винсеннс не пренебрегает своими обязанностями технического консультанта в телесериале «Жетон Чести», что также говорит в его пользу. В последнее время нашим Отделом замечен необычный

наплыв порнографических изданий, по этому поводу ведется расследование: возможно, для Винсеннса это расследование станет шансом проявить свои способности детектива и вернуться в Отдел по борьбе с наркотиками. Итак, еще раз, общая оценка его деятельности – D+.

С уважением
Расселл А. Миллард,
жетон номер 5009
Начальник Отдела нравов

Полиция Лос-Анджелеса
Ежегодный рапорт о служебном соответствии
С пометкой «конфиденциально»
Датирован 11 января 1953 года
Автор: лейтенант Арнольд Реддин,
начальник Бюро расследований участка Голливуд
Копии: в Отдел кадров и Административный отдел

11 января 1953 года
ЕЖЕГОДНЫЙ РАПОРТ О СЛУЖЕБНОМ
СООТВЕТСТВИИ
ЗА ПЕРИОД: 1/3/1952 – 31/12/1952
СОТРУДНИК: Экли, Эдмунд Дж., жетон номер
1104
ДОЛЖНОСТЬ: Сержант полиции, детектив (гос.
служ. 5 разряд)
МЕСТО СЛУЖБЫ: Бюро расследований участка

Голливуд

КОМАНДИР: лейтенант Арнольд Д. Реддин, жетон номер 556

Господа!

Касательно сержанта Эксли:

У этого человека определенно талант к детективной работе, он умен, проницателен, трудоспособен и без остатка посвящает себя работе. Ему всего тридцать лет, и на детективной работе он всего девять месяцев – но за это время успел совершить уже множество арестов, из которых 95% (главным образом мелкие преступления против собственности) повлекли за собой суд и обвинительные приговоры. Рапорты Эксли всегда грамотны, точны и отличаются неизменно глубоким пониманием ситуации.

Эксли плохо работает с напарниками и гораздо лучше – в одиночку, поэтому я разрешил ему проводить допросы одному. Он великолепно выстраивает допросы и в течение этих девяти месяцев получил немало, на мой взгляд, поистине удивительных признаний (все это – без применения физической силы!). Одним словом, по всем параметрам служебного соответствия я ставлю ему твердое А.

Однако своими свидетельскими показаниями по делу о событиях прошлого Рождества Эксли заслужил всеобщую неприязнь, а тот факт, что благодаря этому он продвинулся по службе, заставляет коллег-офицеров смотреть на него с презрением. (О том, что

Экли получил должность детектива благодаря своим показаниям, знают все, и сам он не пытается это скрыть.) Кроме того, большинство моих людей считают Экли трусом, поскольку при допросах он не прибегает к физической силе.

Экли с отличием сдал экзамен на лейтенантское звание, и дорога наверх ему теперь открыта. Однако я полагаю, что для лейтенанта в Бюро расследований он, во-первых, слишком молод и неопытен, а во-вторых, такое продвижение неминуемо вызовет еще большую неприязнь к нему со стороны сослуживцев. В качестве начальника он будет вызывать всеобщую ненависть.

С уважением Лейтенант Арнольд Д. Реддин,
жетон номер 556

ВЫДЕРЖКА:

«Лос-Анджелес Дейли Ньюс», 9 февраля

Официальное сообщение: Строительный магнат Экли получает подряд на строительство сети шоссе в Южной Калифорнии

Сегодня в комиссии по дорожному строительству округа Лос-Анджелес объявлено, что подряд на строительство сети современных шоссеиных дорог, которые соединят центральный Лос-Анджелес, Голливуд, Сан-Педро, Помону, Сан-Бернардино, Южный залив и долину Сан-Фернандо, получает

Престон Эксли, владелец «Эксли Констракшн» и бывший сотрудник полиции Лос-Анджелеса, начинавший свою карьеру в Сан-Франциско разносчиком газет.

– О деталях вы скоро узнаете, – сказал Эксли по телефону нашему корреспонденту. – На завтра у меня намечена телевизионная пресс-конференция: кроме меня, там будут люди из комиссии по дорожному строительству и легислатуры.

СТАТЬЯ:

журнал «Строго секретно», февраль 1953 года

Знойная черная Африка... или: Где отдыхает от трудов праведных наш окружной прокурор?

СИДНИ ХАДЖЕНС

Билл Макферсон, окружной прокурор нашего славного города, любит молоденьких, длинноногих, грудастых, глазастых – и... черных как сапог. От гарлемского Шугар-Хилла до негритянских кварталов Лос-Анджелеса наш 57-летний семьянин, отец трех дочерей-подростков, известен с той стороны, с какой его едва ли знают избиратели. Здесь он – любитель сладенького, всегда готовый сорить зелеными бумажками в тех тайных уголках, где гремит джаз, стоит густой дым с запахом травки и под надрывные рыдания саксофона завязываются страстные черно-

белые романы.

Не верите? А что же тут невероятного? У Макферсона и так забот по горло, а тут еще избирательная кампания на носу и молодой и прыткий Эллис Лоу наступает ему на пятки. Неудивительно, что прокурора порой тянет расслабиться! Но расслабляться можно по-разному. Поплавать в бассейне клуба «Джонатан»? Нет, для Билла Макферсона это слишком просто. Сводить семью на ужин к Майку Лайману или в «Тихий океан»? Нет, и такому времяпрепровождению не хватает остроты. Куда же направляет стопы наш герой? Вы уже догадались: в негритянские кварталы.

К югу от бульвара Джефферсона все не так, как у нас. Это другой мир. Здесь исполняются самые темные желания и заветные фантазии многих добропорядочных граждан. И стать частью этого мира нетрудно – достаточно завить волосы, облачиться в алый кожаный пиджак и отправиться на поиски приключений. И каждый божий четверг Билл Макферсон так и делает. Марион Макферсон, многострадальная супруга нашего прокурора-шалунишки, воображает, что по четвергам ее супруг ходит в Олимпийский зал посмотреть, как мексиканские боксеры в весе пера вышибают друг другу мозги, – о, как она заблуждается! Нет, вечером в четверг Билли-бой предпочитает заниматься не войной, а самой что ни на есть любовью.

Пусть факты говорят сами за себя. Факт номер раз: Билл Макферсон – регулярный клиент «Салона Минни Робертс», известного веселого дома для цветных на

юге Лос-Анджелеса. По слухам – только по слухам, господи, но ведь дыма без огня не бывает! – он обожает какао с молоком – иначе говоря, молочную ванну за тридцать пять долларов с двумя пышными мулатками. Факт номер два: Макферсона видели в заведении Томми Такера – наш герой был на седьмом небе от звуков музыки Чарли Паркера²³ (да-да, Птахи Паркера, известного любителя балдежа) и от фирменного десерта, которым славится веселый дом Такера. Его последняя пассия – Линетт Браун, 18-летняя дева цвета лунного затмения, дважды привлекалась за хранение марихуаны – согласилась дать интервью нашему корреспонденту.

– Билл черных любит, – сказала она. – Он говорит: «Кто раз попробовал черненькую, тот уже беленькую не полюбит». Он любит джаз и любит кочумать помаленьку... Что? Он женат? Как, он взаправду окружной прокурор?!

Взаправду, детка, взаправду. Пока еще прокурор – но долго ли это продлится? До выборов еще много недель, и в каждой неделе по четвергу – сумеет ли наш Билли – любитель шоколадок – удержать в узде свои темные желания?

И помните, дорогой читатель, что обо всем этом вы впервые услышали от нас – без протокола, конфиденциально, *СТРОГО СЕКРЕТНО*.

---

²³ Чарльз Паркер (1920 – 1955) – джазмен и композитор, один из основателей джазового стиля бибоп.

ВЫДЕРЖКА:

«Лос-Анджелес Геральд Экспресс», 1 марта

Полицейский, избивавший задержанных в Рождественскую ночь, выходит из тюрьмы

2 апреля Ричард Алекс Стенсленд покидает исправительное заведение Уэйсайд. Осужденный в прошлом году по четырем уголовным статьям (все обвинения связаны с его поведением в памятном скандале «Кровавого Рождества»), теперь выходит на свободу – бывший полицейский с подмоченным прошлым и туманным будущим.

Бывший напарник Стенсленда офицер Венделл Уайт согласился дать интервью нашему корреспонденту:

– Дикуну просто не повезло, – говорит он. – Я тоже был там в ту ночь и мог оказаться на его месте. Дик сделал из меня хорошего полицейского. Всем, что у меня есть, я обязан ему и не могу примириться с тем, что с ним случилось. Я по-прежнему считаю его своим другом – и, думаю, кроме меня, у него осталось в полиции немало друзей.

И по-видимому, не только в полиции. Стенсленд рассказал нашему корреспонденту, что после освобождения намерен работать на Эйбрахама Тайтелбаума, владельца «Кошерной кухни Эйба» – известного ресторана в Западном Лос-Анджелесе. Мы спросили Стенсленда, в обиде он на тех, благодаря кому

оказался в тюрьме.

– Только на одного, – ответил он. – Но пусть спит спокойно, мстить ему я не собираюсь: я уважаю закон.

СТАТЬЯ:

«Лос-Анджелес Дейли Ньюс», 6 марта

Предвыборный скандал

Все ждали, что предвыборная борьба между нынешним окружным прокурором Уильямом Макферсоном и его молодым и честолюбивым заместителем Эллисом Лоу будет нелегкой. Победителю предстояло занять пост главного защитника правосудия в Южной Калифорнии на следующие четыре года. Оба кандидата представили избирателям свои программы по борьбе с преступностью и оптимальным расходованием государственного бюджета; оба, как и следовало ожидать, клянутся положить все силы на защиту закона и порядка. В полиции и среди юристов Лос-Анджелеса Макферсон пользуется репутацией чересчур либерального и мягкосердечного прокурора. В целом они отдают свои симпатии Лоу. Однако прежнего прокурора поддерживали федеральные власти. Кроме того, Макферсон более тонко вел свою предвыборную партию; пылкие заявления Лоу казались театральными и скорее отталкивали, чем привлекали к нему публику. До определенного момента кампания велась хоть и достаточно жестко, но джентльменскими

методами; все изменила статья в февральском выпуске журнала «Строго секретно».

Большинство людей не слишком доверяют подобным изданиям, однако в период предвыборной кампании каждое слово об одном из кандидатов приобретает особый вес. В статье утверждалось, что окружной прокурор Макферсон, счастливо женатый уже двадцать шесть лет, предается распутству с юными негритянками. Прокурор не сделал никаких заявлений по поводу статьи, сопровождаемой фотографиями, на одной из которых был заснят он сам в обществе девушки-негритянки в одном из ночных клубов Южного Лос-Анджелеса. Миссис Макферсон восприняла статью более чем серьезно – немедленно подала на развод. Однако Эллис Лоу не упоминал об этой статье в своей предвыборной кампании, и положение Макферсона оставалось довольно прочным. Но за три дня до выборов в службу шерифа поступила анонимная информация о том, что в одном из номеров мотеля «Сирень» на Сансет-стрип происходит незаконное любовное свидание. Во время рейда работники службы шерифа задержали прокурора Макферсона, а также его подругу – 14-летнюю негритянку проститутку Марвелл Уилкинс, имеющую два привода в Отдел по делам несовершеннолетних. Макферсон был задержан по обвинению в соращении несовершеннолетней.

Марвелл Уилкинс рассказала, что Макферсон посадил ее к себе в машину на Юго-Западной авеню,

предложил двадцать долларов за час ее времени и привез в мотель «Сирень». Макферсон заявил о потере памяти: он сообщил, что выпил «несколько martinis» на деловом ужине в избирателями в «Тихом океане», затем сел в машину... и дальше ничего не помнит. Все остальное – уже история: вслед за службой шерифа мотель «Сирень» наводнили репортеры и фотокорреспонденты, имя Макферсона попало на первые страницы газет, и в следующий вторник Лоу почти без борьбы занял место окружного прокурора.

Однако эта история оставляет мутный осадок. Мы в «Дейли Ньюс» (несмотря на то, что во время избирательной кампании поддерживали Макферсона) не подвергаем сомнению право «Строго секретно» и подобных ему бульварных изданий публиковать любую грязь, какую им удастся откопать, однако считаем порочной практику, когда ход избирательной кампании определяют скандальные газетные публикации. Кроме того, сама история выглядит загадочной. Нам не удалось разыскать Марвелл Уилкинс: после освобождения из-под стражи она как сквозь землю провалилась. Не желая никого обвинять голословно, мы, тем не менее, просим вновь избранного окружного прокурора Элвиса Лоу провести тщательное расследование этого дела – хотя бы для того, чтобы его вступление на пост не было омрачено пересудами и подозрениями.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОЙНЯ В «НОЧНОЙ СОВЕ»

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вся дежурка в его распоряжении.

Внизу кипит вечеринка – провожают товарища на пенсию. Его, разумеется, не пригласили. Надо же кому-то вычитать сводки, составить еженедельный рапорт и прикрепить его к доске объявлений – а у него это получается лучше всех. Газеты трубят об открытии Фантазиленда, и прочие копы не оставляют Эда в покое – от пискливых дразнилок в стиле Мучи-Мауса уже в ушах звенит. Внизу соловьем разливается Спейд Кули, рвет струны извращенец Перкинс. Время подходит к полуночи, но сна у Эда ни в одном глазу – он читает и печатает.

9/4/53: вор-трансвестит обчистил четыре магазина на Голливуд-бульвар. Двоих продавцов, застигших его на месте преступления, вырубил приемами дзюдо. 10/4/53 – двое белых мужчин закололи ножами билетера в «Граумане». Причина: попросил их не курить в зале. Пострадавший умер, подозреваемые не найдены. Лейтенант Реддин заявил, что слишком неопытен и с таким делом не справится, и взял

самоотвод. 11/4/53 – целая пачка сводок происшествий: за последние две недели поступило несколько сообщений о молодых неграх, стрелявших в воздух из дробовиков в Гриффит-парке. Личности не установлены, ездят на пурпурном двухдверном «меркури» 48–50 года выпуска. 11/4/53 – 13/4/53: пять грабежей, в дневное время, в частных домах к северу от Бульвара, похищены драгоценности. Расследование пока еще никому не поручено. Эд сделал себе пометку: заняться этим делом, пока к нему еще никто не протянул руки. Сегодня четырнадцатое – у него еще есть шанс.

Эд закончил печатать, вздохнул с облегчением. В пустой дежурке он почти счастлив – когда рядом никого, не нужно бояться удара в спину. Столы, шкафы с папками, на стенах пустые бланки – образцы рапортов о задержании и допросных листов. Задержать – это даже не полдела, и даже заставить признаться – еще не главное. Признание тоже может оказаться ложью. Но если правильно поведешь допрос, если влезешь в шкуру противника, если сумеешь нежно его полюбить и страстно возненавидеть (и то и другое – в единственно верной пропорции, стоит чуть перегнуть палку – и все потеряно) – то, может быть, он расскажет тебе то, что ты хочешь услышать. Подробности. Мелкие детали, благодаря которым ты вдруг увидишь, как это было, и поймешь, на какие кнопки давить в разговоре со следующим подозреваемым. Этому научили его отец и Арт Де Спейн. Дома у отца хранились коробки со стенограммами допросов: похитители детей, на-

сильники, убийцы... Человеческое отребье. И все они признавались в содеянном. Арт мог отлупить подозреваемого, но чаще больше угрожал физическим насилием, чем выполнял угрозы. Отец всего раз или два в жизни поднял руку на подозреваемого – и до сих пор говорил об этих случаях, как о своих поражениях. Отец и Арт читали Эду уклончивые ответы и заставляли угадывать вопросы, делились словечками, какие использует опытный сыщик, чтобы разговорить собеседника. Показывали, что у каждого человека есть несколько уровней секретности: одними тайнами он не особо дорожит и готов их выложить, стоит чуть на него нажать, – других стыдится, как позорных слабостей, и не признается в них даже самому себе. Но умелому детективу признается и в этом. Они пестовали в Эде охотничий инстинкт, учили видеть человека насквозь и безошибочно бить в перекрестье его слабостей. И в этом он преуспел – настолько, что порой отворачивался от зеркала, чтобы не видеть своего лица.

Они засиживались допоздна – двое вдовцов и молодой холостяк. Арт был заиклен на маньяках: снова и снова он просил Престона оживить в их памяти историю Лорена Атертона – кошмарные улики, показания свидетелей. Престон подчинялся неохотно, словно боясь, что от частых воспоминаний потускнеет глянец его давнишней славы. Вспоминали и старые дела Арта. Обучение пошло Эду на пользу – почти мгновенные признания, 95-процентная раскрываемость преступлений. Его талант, молчаливо признаваемый всеми

товарищами, служил еще одной причиной отчуждения – и ненависти.

Пошатываясь от усталости, Эд спускается вниз, к автостоянке. И вдруг сзади:

– Кря-кря! – Его хватают за плечи и разворачивают.

Детская маска Утенка Дэнни. Удар левой-правой сбивает очки, еще один – по почкам – валит наземь. И – ногами по ребрам.

Эд сжался в комок. Удар в лицо, вспышка перед глазами. Двое уходят: один смеется, второй все еще крикает. Узнать несложно: неприятно-резкий голос Стенсленда, хромающая походка профессионального футболиста Бада Уайта.

Эд сплюнул кровь, запоздало выматерился им вслед.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Расс Миллард перед четвертой бригадой Отдела нравов толкает речь о порнухе.

– Фотоальбомы, джентльмены. Частенько попадаются в последнее время на местах преступлений. Особенно это касается дел о наркотиках, букмекерстве и проституции. Обычно подобное дерьмо штампуются в Мексике, так что это не наша юрисдикция. Вообще говоря, порнография – организованный криминальный бизнес, этим занимаются крупные шишки, у которых есть и деньги на печать, и связи для распространения. Однако сейчас я таких крупных шишек не вижу. Джек Драгна депортирован. Микки Коэн в тюрьме – да и не станет он порнушкой баловаться, не его стиль, Микки у нас пуританин. У Мо Ягелки проблем по горло – не до того, чтобы открывать новый бизнес. И на Джека Уэйлена непохоже – этому фантазии только на мелкий рэкет и хватает, и все, что заработал, он немедленно спускает в лас-вегасских казино. Кроме того, на известные городские точки не похоже – слишком высокое качество фотографий. Отдел Ньютон-стрит проверил частные типографии, говорит, все чисто – у них просто нет возможности печатать альбомы такого качества. Однако обстановка на снимках указывает, что съемки производились у нас: кое-где в окнах видно что-то очень похожее на Голливудские холмы, да и меблировка ти-

пичная для дешевых лос-анджелесских квартирков. Итак, наша задача: найти источник этой грязи и арестовать всех, кто ее производит, для нее позирует и ее распространяет.

Джек мысленно застонал. До чего дожил – за порнушкой охотится! Прочие переглядывались с усмешками. Слышались шепотки и смешки – мужикам явно не терпится посмотреть «веселые картинки». А кто-то, может, мечтает домой принести и в постели с женой полистать.

– Ребята с Ньютон-стрит, – продолжает Миллард, щелкая зажигалкой, – опросили всех подозрительных – результата ноль. Никто ничего не видел, в руках не держал и вообще не знает, какая такая бывает порнография. В типографиях тоже ничего утешительного нам не сказали. Показали журналы всем в Бюро и в городских участках – никто не опознал натурщиков. Так что, джентльмены, вся надежда на вас.

Хендерсон и Кифка протягивают руки; у Стейтиса прямо слюни текут. Миллард раздает журналы.

– В чем дело, Винсеннс? Мечтаешь оказаться где-нибудь в другом месте?

– Да, капитан. В Отделе по борьбе с наркотиками.

– Вот как? Может, где-нибудь еще?

– Пожалуй, во второй бригаде работа поинтереснее – там шлюх трясут.

– Все в твоих руках, сержант. Раскрой серьезное дело – и Я с величайшей охотой от тебя избавлюсь.

По ряду проносятся вздохи, смешки, приглушенные: «Ух

ты!» Трое мужчин качают головами – никого не узнали. Журналы переходят к Джеку.

Семь номеров: первосортная глянцевая бумага, простые черно-белые обложки. Шестнадцать страниц фотографий, цветных и черно-белых. Два номера разорваны пополам.

Откровенные снимки. Мужчины с женщинами, мужчины с мужчинами, девушки с девушками. Пенетрация крупным планом: натуралы, педики, лесбиянки с фаллоимитаторами. За окнами – вид на Голливуд. Спаривания на кроватях в убогих комнатухах, подобие лепнины на потолке, джентльменский набор едва ли не всех лос-анджелесских холостяцких мебелирашек. Для порноснимков обстановка обыкновенная. Только вот сами «герои» – не такие, как обычно. Не наркоманы с остекленелыми глазами – здоровые, красивые молодые ребята, голые и одетые, иной раз в весьма причудливых костюмах: елизаветинская эпоха, японские кимоно. Джек сложил разорванную страницу – в яблочко: тот, что сосет у парня в корсете из китового уса, – его старый знакомец Бобби Индж, парень-проститутка, как-то раз попавшийся на травке.

– Винсеннс, узнал кого-нибудь? – спрашивает Миллард. Так я тебе и сказал!

– Нет, капитан. Позвольте спросить, откуда эти, разодранные?

– Найдены в мусорном баке за многоквартирным домом в Беверли-Хиллз. Нашла их управляющая домом, старуха по

имени Лоретта Дауни, и вызвала местную полицию. А ребята из отделения Беверли-Хиллз позвонили нам.

– Адрес дома у вас есть?

Миллард смотрит в свои бумажки.

– Шарлвиль, 9849. Зачем тебе?

– Просто подумал, что эту часть расследования я могу взять на себя. У меня в Беверли-Хиллз неплохие связи.

– Ладно, не зря же тебя Мусорщиком кличут. Поезжай в Беверли-Хиллз. Хендерсон, вы с Кифкой займитесь задержанными, на квартирах у которых обнаружили эту пакость. Нажмите на них еще разок, пусть объяснят, откуда ее взяли. Пообещайте, если признаются, не заводить дело о хранении порнографии... Сейчас получите копии протоколов. Стейтис, ты отправляешься в пункты проката театральных и маскарадных костюмов. Может быть, они опознают на ком-нибудь из этих... артистов, чтоб их... свои шмотки. А если очень повезет, вспомнят, кто эти шмотки брал. Попробуем сначала пойти таким путем – опознание по фотографиям всяко от нас не уйдет, а затянется минимум на неделю. Все свободны, джентльмены. Шевелись, Винсеннс. И имей в виду – это тебе не Отдел наркотиков, тут шаг вправо, шаг влево – считается побег.

* * *

Джек зашевелился. Для начала – в архив, забрать папку

Бобби Инджа, начинающей порнозвезды. Затем отправиться в Беверли-Хиллз, к старой карге, вытрясти из нее подробности и состряпать обвинение, суть которого ему уже прекрасно известна: Бобби Индж – участник преступной группировки, организованной с целью создания и распространения непристойных материалов. Уголовная статья. Бобби в два счета выдаст и режиссера, и фотографа, и своих звездунов-сотоварищей – лишь бы собственную задницу спасти. Так подобные дела и делаются.

День холодный, ветреный. Джек катит по Олимпик прямо на запад. Из приемника доносится имя Эллиса Лоу: рассказывают, что прокуратуре в очередной раз урезали Бюджет, что-то бубнит сам Эллис... Вспомнив Билла Макферсона, Джек поворачивает ручку настройки, ловит веселенькую бродвейскую мелодию. Но мысли о Макферсоне не уходят.

Это ведь он предложил Эллису завязать контакты со «Строго секретно». Проще простого: Макферсон любит черненьких, Сид Хадженс обожает клубничку, а Эллис Лоу хочет стать прокурором. Лоу идею одобрил и услугу Джека оценил. Жена Макферсона подала на развод, а рейтинг Эллиса резко повысился. Но Дадли Смит решил, что этого мало. И захотел подстраховаться.

Хотите знать, как Дадли провернул это дельце?

Была у Дот Ротштейн на примете цветная девчонка, знакомая по колонии для несовершеннолетних. Там-то они и сошлись и с тех пор частенько развлекались вдвоем. Дот

шепнула словечко своей подружке, Дадли Смит и его верный адъютант Майк Брюнинг заготовили номер в мотеле «Сирень» – знаменитом сексодроме на Сансет-стрип, вне городской территории, где и окружной прокурор не прокурор, а всего лишь еще один засранец, пойманный со спущенными штанами. Макферсона пригласили на ужин в «Тихом океане». Дадли и Марвелл Уилкинс – черная красotka неполных пятнадцати лет – ждали снаружи. Брюнинг загодя предупредил шерифа Западного Голливуда и прессу, а Джек Винсеннс – Победитель с Большой Буквы – капнул Макферсону в последний martини чуток хлоралгидрата. Из ресторана господин окружной прокурор вышел пошатываясь, протащился на своем «кадиллаке» милю или две, на пересечении Уилшира и Алворадо свернул к тротуару и вырубился. Брюнинг с наживкой – Марвелл в платье для коктейля – ехал за ним. Он сел за руль Макферсонова «кадди», привез Билла – любителя шоколадок – и девчонку на условленное место... а чем это кончилось, вы уже знаете.

Эллису Лоу так ничего и не сказали – до сих пор думает, что ему просто повезло. Дот отослала Марвелл в Тихуану, все расходы оплатили из бюджета женской исправительной системы. Макферсон потерял жену, работу, и пусть спасибо скажет, что не отправился в казенный дом за соvrащение малолетней – Марвелл-то так и не нашли.

Джек не хотел ввязываться в эту историю. Но Дот Ротштейн была в больнице в октябре сорок седьмого – если она

знает, вполне возможно, знает и Дадли. А если знает Дадли, Джек сделает для него все, что угодно. Лишь бы сохранить эту тайну от мира – и от Карен.

Вот уже год он был для нее героем – порой даже сам начинал верить собственным выдумкам. Перестал посылать деньги ребятишкам Скоггинсов, закрыв счет на сорока тысячах, – роман с Карен требовал денег, а каждая ночь с ней уводила его все дальше от «Малибу Рандеву». Джоан Морроу – Лоу все старалась его куснуть при каждом удобном случае, Уэлтон и мамаша смирились, а Карен любила Джека так, что порой ему не по себе становилось. И еще – он страшно тосковал по Отделу наркотиков. Всякий раз, когда подворачивалось дело с наркотиками, он хватался за него, словно это было последнее дело в его жизни. И Сид Хадженс совсем потерял к нему интерес – неудивительно, ведь бывший герой-коп ушел в тень, и теперь с него материала не стрясешь. Но после истории с Макферсоном Джек начал подозревать, что это и к лучшему.

Джек играл в героя, а Карен – в богатую наследницу, выпускницу престижной школы с домом на побережье, за который заплатил папа. Долго это не продлится: ему тридцать восемь, ей двадцать три, рано или поздно она об этом задумается. Она уже намекала на свадьбу, Джек переводил разговор на другое – заполучив в свояки Эллиса Доу, он до самой смерти не избавится от своих казначейских обязанностей. Карен стала для Джека идеальной слушательницей, во-

площением той самой публики, о которой ей всегда мечтал. Он инстинктивно чувствовал, что из его работы она способна понять и принять, а что лучше оставить при себе. Ее любовь так отточила его мастерство, что теперь ему даже лгать не приходилось – достаточно было лишь кое о чем умалчивать.

Пробка на шоссе. Джек свернул к северу, на Дохини, затем к западу – на Шарлвиль. Дом 9849 – двухэтажное тюдорианское здание в квартале от Уилшира. Джек припарковался, осмотрел почтовые ящики.

Всего шесть. Один принадлежит Лоретте Дауни: из прочих – три семейные пары, один мужчина, одна женщина. Джек переписал все имена, дошел пешком до Уилшира, нашел телефон. Звонки в архив и в дорожную полицию. Ни у одного из жильцов – ни предыдущих судимостей, ни уголовного прошлого. Только Кристина Бергерон, одинокая дама, четыре раза привлекалась за неосторожную езду. Права не отбирались. Задав клерку несколько вопросов, Джек получил еще кое-какую информацию: Кристине тридцать семь лет, род занятий – актриса/официантка, по данным на июль пятьдесят второго трудится в драйв-ин «У Стэна» в Голливуде.

Официантки обычно в Беверли-Хиллз не живут. Может, Кристина Бергерон подрабатывает на стороне? Джек вернулся к дому 9849, постучал в дверь с табличкой «Управляющий».

Открыла старуха.

– Да, молодой человек?

Джек сверкнул жетоном.

– Полиция Лос-Анджелеса, мэ. Я по поводу тех журналов, что вы обнаружили.

Старуха щурит водянистые глаза за толстыми стеклами очков.

– Хорошо, что мой покойный муж, мистер Гарольд Дауни, не дожил до такого позора. В нашем доме... Он бы такой мерзости не потерпел.

– Мэм, вы сами нашли эти журналы?

– Нет, молодой человек, нашла их моя горничная. Она их разорвала и выбросила в мусорное ведро, а там уже их нашла я. Позвонила в полицию Беверли-Хиллз, а потом хорошенько расспросила Юлу.

– И где Юла их обнаружила?

– Ну... гм... не знаю, стоит ли мне...

Пора сменить тему.

– Расскажите о Кристине Бергерон.

Старуха негодуяще фыркает.

– Ох уж эта Бергерон! И сынок ее – не знаю, кто из них хуже!

– Неприятная жиличка?

– И не говорите! Бесперывно водит к себе мужчин! Раскатывает по дому на роликах – все полы исцарапала! Всюду разгуливает в этой коротенькой официантской юбочке –

срам смотреть! А по сыну ее просто тюрьма плачет! Он, по-моему, и в школу-то никогда не ходил! Семнадцать лет парню, ни учиться, ни работать не желает, только шляется невесть где и компанию водит невесть с кем!

Джек вытаскивает из кармана снимок Бобби Инджа, старуха смотрит поверх очков.

– Точно, один из дружков Дэрила. Раз десять здесь появлялся, не меньше. А кто он такой?

– Скажите, мэм, Юла нашла журналы в квартире Берле-ронов?

– Ну...

– Мэм, Кристина Бергерон или ее сын сейчас дома?

– Нет. Несколько часов назад ушли, я слышала. Зрение меня подводит, приходится полагаться на слух.

– Мэм, если вы проводите меня в их квартиру и я обнаружу там другие такие же журналы, вас будет ждать вознаграждение.

– Но...

– Ведь у вас есть ключи, мэм?

– Разумеется, есть, я ведь управляющая. Ну если вы пообещаете ничего там не трогать... и если с моего вознаграждения не возьмут налог...

Джек сует фотографию в карман.

– Как скажете, мэм.

Старуха тащится на второй этаж, Джек за ней. Она отпирает третью дверь направо.

– Пять минут, молодой человек. И пожалуйста, ничего не трогайте. Этот дом принадлежит моему зятю, и неприятности мне ни к чему.

Джек входит. Аккуратная жилая комнатка. Пол и в самом деле исцарапан – роликами, должно быть. Мебель недурна, но старая, потрепанная, видно, что о ней не заботятся. Голые стены. Телевизора нет. На столе в углу две фотографии.

Джек подошел ближе, взял снимки. Старуха Дауни смотрит ему через плечо. В одинаковых серебристых рамках – хорошенькая женщина и симпатичный парнишка.

У женщины светлые волосы, стрижка «паж», заученный дешевый блеск в глазах. Парень очень на нее похож: смазливый блондинчик с большими глупыми гляделками.

– Это Кристина и ее сын?

– Они самые. Красивая парочка, верно? Да, этого у них не отнять. Молодой человек, а сколько мне причитается?

Не обращая на нее внимания, Джек входит в спальню. Быстро просматривает полки, ящики гардероба, смотрит под матрасом. Ни наркоты, ни порнухи. Вообще ничего интересного, если не считать кружевного женского белья.

– Молодой человек, пять минут прошло. И дайте, пожалуйста, расписку в том, что выплатите мне вознаграждение...

Джек с улыбкой обернулся к ней.

– По почте пришло. И дайте мне еще минуту – надо просмотреть их телефонную книжку.

– Нет, нет! Уходите немедленно! Они могут в любой момент вернуться!

– Еще минуточку, мэ. . .

– Ни секунды! Немедленно!

Уже в спину ему старая карга замечает:

– Вы очень похожи на того полицейского из сериала, что по телевизору показывают.

Джек оборачивается:

– Всему, что умеет этот парень, научил его я.

* * *

Подведем промежуточные итоги.

Бобби Индж выдает торговцев порнухой, соглашается свидетельствовать. Вешаем аморалку на него и Дэрила Бергерона, правда, парень – несовершеннолетний. Зато за Бобби – целый список обвинений в гомосексуальной проституции. Признания, аресты подозреваемых, канцелярская рутина для Милларда – и вот пожалуйста: Джек Победитель раскапывает большую вонючую кучу дерьма и возвращается в Отдел наркотиков героем.

По дороге в Голливуд Джек делает крюк, заезжает в драйвин «У Стэна». Здесь, ловко жонглируя подносами, раскатывает на роликах Кристина Бергерон: смазливая мордашка, постреливает глазками. Станет такая позировать с членом во рту? Пожалуй, станет.

Джек припарковался, чтобы перелистать папку Бобби Инджа. Два ордера на арест: неоплата штрафного талона неявка в суд. Последний известный адрес: 1824, Норт-Кэмел в Западном Голливуде – в самом сердце Лавандового Ущелья. Три бара для голубых: «Берлога Лео», «Рыцарь в доспехах» и «Игровой зал Би-Джея» – все на бульваре Санта-Моника, совсем неподалеку. Джек приготовил наручники и поехал на Норт-Хэмел.

Бунгало на задворках Стрип. Дворик выложен дерном, на одном из почтовых ящиков надпись: «Индж – номер шесть». Джек находит нужную дверь, стучит – нет ответа.

Зовет фальцетом: «Бобби, солнышко!» – нет, не клюет. Дверь заперта, шторы спущены – похоже, и вправду никого. Джек возвращается в машину и поворачивает на юг.

Путешествие по пидор-барам: все они расположены на территории в два квартала. «Берлога Лео» закрыта до четырех утра. «Рыцарь в доспехах» пуст, бармен ворчит: «Какой еще там Бобби?» – и смотрит так, словно и вправду не знает. Джек отправляется в «Игровой зал Би-Джея».

Внутри стены, потолок, кабинки, даже крошечная сцена для музыкантов – все в искусственной коже. У стойки кучкуются педики. Бармен копа вычисляет сразу. Джек подходит и выкладывает на стойку фотографии.

– Вот этот, – бармен тычет пальцем в фотку, – Бобби, не знаю фамилии. Частенько сюда навевывается.

– Как часто?

– Ну, два-три раза в неделю точно.

– Днем или вечером?

– По-разному.

– Когда был здесь последний раз?

– Вчера. Да, вчера, как раз в это время. А вы...

– Я сяду в кабинку и его подожду. Если он появится, обо мне ни слова. Все понял?

– Да пожалуйста... Только, слушайте, вы и так мне всю клиентуру распугали...

– Убытки тебе из налогов вычтут.

Бармен хихикает. Джек садится в кабинке у сцены. Хорошая позиция: видна и парадная дверь, и задняя, а сам он спрятан в полумраке. Ждет, наблюдает ритуалы ухаживания у гомиков: обмениваются взглядами, перекидываются парой слов и скрываются за дверью. Над стойкой – зеркало: гомосеки оглядывают друг друга, встречаются взглядами, строят друг другу глазки, обмирают. Два часа, полпачки сигарет – а Бобби Инджа так и нет.

У Джека уже в животе урчит и в горле пересохло. Бутылки за стойкой нагло ему подмигивают. Подохнешь от скуки. Ладно, посидит до четырех – и в «Берлогу Лео».

В 3:53 появляется Бобби Индж.

Залезает на табурет, бармен наливает ему выпить. Джек встает.

Бармен перепуган: руки дрожат, глаза бегают. Бобби резко оборачивается.

– Полиция, – говорит Джек. – Руки за голову. Индж выплескивает стакан ему в лицо.

Вкус скотча на языке; скотч жжет глаза, туманит зрение. Джек отчаянно моргает, спотыкается, грохается на пол. Поднимается, кашляя и протирая глаза, оглядывается кругом – Бобби Инджа и след простыл.

Джек выбегает на улицу. Бобби не видно – зато видно, как отчаливает от бара седан. А машина Джека отсюда в двух кварталах.

Черт бы побрал этот скотч – под веками, в горле, в носоглотке!

Перебежав через улицу, Джек находит бензоколонку, видается напрямик в сортир. Срывает с себя благоухающий выпивкой пиджак, бросает в мусорное ведро. Смывает виски с лица, трет мылом пятна на рубашке. Хочет проблеяться, чтобы избавиться от мерзкого вкуса, – не идет. В раковине плещется мыльная вода: Джек зачерпывает ее горстями, глотает, и его наконец-то выворачивает наизнанку.

Наконец прекращается дрожь в ногах, успокаивается бешено колотящееся сердце. Джек снимает кобуру, оборачивает ее бумажным полотенцем, возвращается к машине. Увидев по дороге телефон-автомат, инстинктивно останавливается и набирает знакомый номер.

– Сид Хадженс слушает. «Строго секретно», конфиденциально, без протокола...

– Сид, это Винсеннс.

– Джеки, как делишки? Вернулся в наркоотдел?

– Нет, нарыл кое-что интересное у себя в Отделе нравов.

– Насколько интересное? Знаменитости фигурируют?

– Насколько это интересно само по себе, пока не знаю, но не сомневаюсь, что у тебя в руках заиграет всеми красками.

– А что ты так тяжело дышишь, Джеки? Бегом бежал?

Джек кашляет, выдувая мыльные пузыри.

– Сид, я сейчас расследую дело о порнографии. Непристойные фотоснимки. Причем ребята на снимках очень прилично выглядят и наряжены в дорогие театральные костюмы. Первоклассная, профессиональная работа. Я подумал, может быть, ты что-нибудь об этом знаешь?

– Первый раз слышу, Джеки.

Слишком быстро. Ни на секунду не задумавшись.

– А как насчет парня-проститутки по имени Бобби Индж? Или женщины по имени Кристина Бергерон? Работает официанткой, возможно, подрабатывает проституцией.

– Никогда о них не слышал.

– Черт! Ну, а каких-нибудь независимых порнодилеров ты знаешь, Сид? Что...

– Послушай, Джек, я знаю одно: о таких делах лучше вслух не болтать. Но я о них и не знаю. У всех нас есть свои секреты, Джек. Кстати, ты не исключение. Поговорим позже, Джек. Позвони мне из участка.

Щелчок – Сид вешает трубку.

У ВСЕХ НАС ЕСТЬ СВОИ СЕКРЕТЫ, ДЖЕК. КСТАТИ,

ТЫ НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ.

Сид как-то странно с ним разговаривал. Непохоже на себя. И что означают его последние слова? Угроза? Предупреждение?

ЧТО, ЧЕРТ ПОБЕРИ, ЕМУ ИЗВЕСТНО?

Открыв все окна, чтобы выветрить запах мыла, трясущийся Джек подъезжает к драйв-ин «У Стэна». Кристины Фергерон не видать. Назад на Шарлвиль, в дом 9849. Тук-тук у дверей – нет ответа. Между дверью и косяком – широкая щель. Джек наваливается плечом – дверь поддалась, на полу в гостиной разбросана одежда. Исчезли фотографии.

Крадется к дверям спальни. Черт, нехорошо – револьвер остался в машине.

Пустые полки и ящики, голая кровать. Теперь в ванную.

На полу – растоптанный тюбик зубной пасты и рассыпанные гигиенические тампоны. Стеклянная полочка разбита, осколки в раковине.

В общем, собирались второпях.

Джек гонит машину обратно в Западный Голливуд. Дверь квартиры Бобби поддается легче. Джек входит с револьвером наготове.

И здесь никого.

В отличие от Бергеронов, Бобби оказался аккуратистом. Чистенькая гостиная, безупречная ванная, распахнутый гардероб зияет пустыми полками. В холодильнике – банка сардин. Мусорное ведро на кухне пусто, в нем – свежий бумаж-

ный пакет.

Джек перетряхивает квартиру вверх дном: гостиную, спальню, ванную, кухню; переворачивает полки, перетряхивает ковры, распатронивает туалет. Внезапно его осеняет: переполненные мусорные баки по обеим сторонам улицы...

Последняя надежда.

С его столкновения с Инджем прошло не меньше часа. А пожалуй, и больше. Едва ли этот урод поскакал прямым домой. Небось возвращался кружным путем, переулками, путая след. Соображал, за что же его чуть не взяли. За то, что не явился по вызову, – или раскопали насчет порнушки? Так или иначе, нельзя, чтобы его застукали с порнографией. И в машине ее возить нельзя – слишком велик риск обыска. А мусорный бак перед домом – самое подходящее для нее место.

Что ж, Джеку не впервой рыться в отходах. Не зря его Мусорщиком прозвали. Может, повезет.

Джек выходит на тротуар – и к бакам. Какие-то ребятишки показывают на него пальцами, хихикают. Джек считает баки: один, два, три, четыре, пять и еще два за углом. На последнем нет крышки, и из мусора торчит, трепеща на ветру, край черного глянцевого листа.

Джек рванул туда.

Три журнала, целых три гребаных журнала – на самом верху! Джек хватает их, мчится в машину – ребятишки разрисовали ветровое стекло, – торопливо листает. Все те же

голливудские пейзажи на заднем плане, Бобби Индж с парнями и девушками, неизвестные красотули – все лица Джек видит в первый раз.

Чем дальше, тем разнузданней становятся снимки: к середине третьего журнала начинаются настоящие оргии, игра в «ромашку», десятки натурщиков на ковре. Дальше – хуже: расчлененные тела, потоки крови из отрубленных рук и ног. Джек всматривается, морщась, и замечает, что кровь подрисована красными чернилами, а сами снимки явно подретушированы – судя по всему, увечья фальшивые. Достаточно взглянуть, какими изящными алыми завитушками ложится на пол чернильная кровь.

Шокирующие сцены заставляют Джека на мгновение забыть о своей цели: опомнившись, он принимается снова просматривать журнал, разыскивая среди бледного человеческого мяса и чернильной крови знакомые лица. И находит их на последней странице: Кристина Бергерон и ее сын трахаются, стоя на роликах на исцарапанном дощатом полу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Фотография в почтовом ящике: сержант Эд Эксли, дрожащий и жалкий, стирает кровь с разбитых губ. Подписи обороте нет – и не нужно, и без того все ясно. Негатив остался у Стенсленда и Уайта – страховка на случай, если Эд вздумает их заложить.

Эд один в дежурке, на часах – шесть утра. Чешется на подбородке. Урчит в желудке – из-за расшатанных зубов он не может есть. Тридцать с чем-то часов прошло, но все еще трясутся руки.

Счастливые случаи легко даются... но за них приходится платить.

Отцу он не сказал ни слова – не хотел рисковать. Если история дойдет до ушей Паркера или ОВР, Бад Уайт начтен мстить по-крупному – парой зуботычин дело не обойдется. А с Бадом сейчас связываться не стоит: ему покровительствует Дадли Смит, перевел его к себе в Отдел по расследованию убийств и, судя по всему, хочет сделать из него свою правую руку. Вот Стенсленд куда более уязвим: освобожден условно, работает на Эйба Тайтелбаума, бывшего дружка Микки Коэна. К тому же горький пьяница. И рано или поздно ему придется вернуться в тюрьму.

Что ж, поможем ему.

Эд нанял двоих парней из службы шерифа. Деньги – из до-

верительного фонда матери. Эти двое глаз с Дика Стенсленда не спускают: пусть попробует нарушить хоть малейшее правило условно-досрочников...

Он свое получит.

Эд шуршит бумагами. Внутри все сжимается от голода, кобура жалко болтается на обвисшем ремне. Вдруг из динамика гремит голос:

– Внимание всем постам! Кафе «Ночная сова», один-во-семь-два-четыре по Чероки! Массовое убийство! Код три!

Эд вскакивает, оттолкнув стул. Он единственный из детективов на посту – значит, это его шанс.

* * *

На углу Голливуд и Чероки сгрудились патрульные автомобили, со всех сторон перегородив дорогу к месту преступления. Группки копов в форме. Штатских нет – похоже, он и вправду успел первым.

Эд выключает сирену, выходит из машины. К нему сразу подбегает патрульный.

– Перебили кучу народу. Кажется, есть несколько женщин. Это я их нашел. Подъехал выпить чашку кофе – и вижу на дверях вывеску «Закрыто из-за болезни». Какого черта, думаю, «Ночная сова» никогда не закрывается! Внутри темно. Что-то подозрительно, думаю я. Захожу... Слушай, Эксли, вообще-то участок не твой, так что...

Экли молча отодвигает его и толкает дверь. На ней и вправду болтается табличка: «Зокрыто по болезни». Эд входит, оглядывается крутом, мысленно фиксируя все детали.

Длинный прямоугольный зал. Направо – столики, по четыре стула вокруг каждого. Стены оклеены веселенькими обоями: подмигивающие совы на дорожных знаках. На полу – клетчатый линолеум. Слева – стойка и дюжина табуретов. За стойкой проход для бармена, дальше кухня: по стенам блестящие сковородки, столик на колесах для грязной посуды. Слева от стойки – касса.

Открыта, пуста. На коврике на полу – россыпь мелкой монеты.

Три столика в беспорядке: скатерти сбились, посуда перевернута и побита, еда раскидана. Осколки на полу. Один стул кверху ножками и рядом – туфля-лодочка. Грязные следы на полу – в кухню кого-то тащили.

Эд входит. Недожаренная еда, битая посуда, сковородки разбросаны по полу. Под разделочным столом сейф, вмурованный в стену, распахнут, пуст, на полу россыпь монет. Здесь следов становится больше, они путаются и пересекаются. Жирные четкие полосы от каблуков тянутся к закрытой двери в холодную подсобку.

Провод выдернут из сети, и в подсобку не поступает холодный воздух. Эд рывком распахивает дверь.

Тела здесь – кучей, в лужах крови. На стенах брызги крови и мозгов, черные следы пороха. В сточном желобе – кро-

вавое озеро в полметра глубиной. Десятки стреляных гильз плавают в крови.

«За последние две недели поступило несколько сообщений о молодых неграх, стреляющих в воздух из дробовиков в Гриффит-парке. Личности не установлены, ездят пурпурном „меркури" 48 – 50 года выпуска...»

К горлу подступает едкая рвота. Эд судорожно сглатывает, пытается подсчитать тела.

Лиц не различить. Кажется, пятеро. Пять человек отдали жизнь за кассу и сейф с несколькими сотнями баксов, плюс собственные кошельки...

– Господи ты боже мой!!

Еще один патрульный. Новичок. Бледный, аж с прозеленью. Эд спрашивает:

– Сколько людей снаружи?

– Не... не знаю. Целая толпа...

– Проблеваться еще успеешь. Собери всех, и начинайте класть тела в мешки. Мне нужно знать, какие машины здесь останавливались в эту ночь.

– Сэр, вас хочет видеть человек из Детективного бюро.

Эд выходит на улицу. Занимается рассвет, и утреннее солнце освещает толпу зрителей. Патрульные оттесняют репортеров, в задних рядах толкаются зеваки. Гудят сирены, ревут, прорываясь сквозь толпу, мотоциклы, расчищая подъезды для труповозок. Эд оглядывается: не появился ли кто-нибудь из высших чинов. К нему бросаются журналисты, на

ходу выкрикивая вопросы.

Его сталкивают с тротуара, прижимают к патрульной машине. Щелк-щелк-щелк – вспышки. Эд поворачивается так, чтобы не были видны синяки. Сильная рука Дадли Смита сжимает его плечо:

– Поезжай домой, сынок. Теперь этим займусь я.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Первый в истории общий сбор Бюро. Кабинет шефа набит под завязку: здесь собрались все детективы Лос-Анджелеса.

У микрофона – Тад Грин и Дадли Смит. Детективы смотрят на них, переминаясь с ноги на ногу. Бад оглядывается поисках Эда Эксли – как там его синяки? Но не видать. Хотя, по слухам, в «Ночной сове» он оказался первым.

Дадли Смит разворачивает микрофон к себе.

– Ребятишки, все вы знаете, зачем мы собрали вас здесь. Журналисты уже окрестили происшедшее «бойней в "Ночной сове"». «Бойня» – пожалуй, сильно сказано, но очевидно, что совершено чудовищное преступление, которое мы должны раскрыть как можно скорее. Этого требуют публика, этого требует пресса. И мы это сделаем – улики у нас есть.

В подсобке кафе найдены шесть трупов – трое мужчин и три женщины. Владелец «Ночной совы» сообщил, трое из убитых, по всей видимости, Пэтти Чезимард и Донна Де Лука, белые женщины, официантка и кассир из ночной смены, и Гилберт Эскобар, мужчина, мексиканец, повар и посудомойщик. Три другие жертвы – женщина и двое мужчин, – по видимому, посетители. Касса и сейф пусты, карманы и сумочки жертв обчищены: это указывает на ограбление как на самый очевидный мотив. Криминалисты пока не обнаружили ничего, кроме следов пальцев в резиновых перчатках на

кассе и на двери подсобки. Точного времени смерти жертв у нас тоже пока нет, но малое число посетителей указывает на глубокую ночь, предположительно около трех часов. На полу подсобки найдены в общей сложности сорок пять гильз от «ремингтона» двенадцатого калибра. Таким образом, можно предположить, что нападавших было трое, у каждого – пятизарядный дробовик, все трое перезаряжали свои пушки дважды. Нет нужды говорить вам, ребята, что не меньшей мере тридцать пять выстрелов были сделаны уже по трупам. Мы имеем дело со зверьми – бешеными, безжалостными зверьми.

Бад снова оглядывается. Экли по-прежнему нет. Детективы строчат в блокнотах. В углу у стены, без блокнота – Джек Винсеннс. Смиа у микрофона сменяет Тад Грин.

– Следов крови, ведущих на улицу, нет. Следы подошв также отсутствуют, а мы на это очень надеялись. Рэй Линкер из отдела криминалистики говорит, что первые результаты сможет предоставить не раньше чем через сорок восемь часов. По словам коронера ²⁴, опознание жертв чрезвычайно затруднено из-за состояния тел. Однако один горячий след у нас уже есть.

За последние две недели Голливудский участок получил четыре сообщения об однотипных нарушениях обществен-

---

²⁴ Функцией коронера является расследование случаев насильственной или внезапной смерти. В отличие от судебно-медицинского эксперта не обязательно является доктором медицины.

ного порядка. Слушайте внимательно, джентльмены: четыре раза за последние пятнадцать дней трое молодых негров ездили на автомобиле по Гриффит-парку и стреляли в воздух из дробовиков. Хулиганы не опознаны, но мы имеем четкое описание машины: «меркури» 1948 – 1950 года выпуска, цвет пурпурный. А час назад один из людей лейтенанта Смита нашел свидетеля: продавец газет показал, что сегодня ночью около трех часов видел на стоянке возле «Ночной совы» пурпурный «меркури» 48-50 года.

Комната гудит, и Тад поднимает руку, призывая к молчанию. Он еще не закончил.

– Слушайте дальше, джентльмены. В списках угнанных машин пурпурные «меркури» 48 – 50 года не значатся, следовательно, мы, по всей видимости, имеем дело с законно приобретенным автомобилем. Мы подняли регистрацию автомобилей по всему штату. Пурпурный «меркури» 48– 50 года – модель, среди негров особенно популярная. В штате Калифорния обнаружено более тысячи шестисот таких машин, зарегистрированных на негров, и лишь несколько десятков – на белых. В частности, в Лос-Анджелесе пурпурных «меркури», находящихся во владении негров, сто пятьдесят шесть. И вас здесь немногим больше ста. Мы составили список: фамилии, место работы, домашние адреса. Сейчас просматриваем наши досье на предмет прошлых привлечений к суду. Я хочу, чтобы вы (разделились на пятьдесят две команды, по двое в каждой, и пусть каждая команда возьмет

на себя троих. В участке Голливуд установлена горячая телефонная линия: если понадобится информация о прошлых адресах, известных сообщниках или о чем-то еще звоните туда. Найдете подозреваемых – везите прямо сюда. Комнаты для допросов и следователя мы подготовим заранее. Задания распределите с лейтенантом Смитом, а перед этим шеф Паркер скажет вам пару слов. Вопросы есть?

– Сэр, кто будет вести допрос? – кричит кто-то из Дальнего ула.

– Сержант Эд Эксли, участок Голливуд, – отвечает Грин.

Шум и недовольные возгласы в толпе. К микрофону подходит Паркер.

– Довольно, джентльмены. Идите и возьмите тех, кто это сделал. Если понадобится, применяйте силу.

Бад улыбается. Он понимает, что это значит: если пристукнешь подонков при задержании, шеф на тебя в обиде не будет.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Список Джека:

Джордж (без среднего инициала) Йелбертон, мужчина, негр, 9781, Саут-Бич; Леонард Тимоти Бидвелл, мужчина, негр, 10062, Саут-Дюкен; Дейл Уильям Питч-форд, мужчина, негр, 8211, Саут-Нормандия.

Временный напарник Джека: сержант Кэл Дентон, округ Банко, бывший надзиратель в тюрьме штата Техас.

На машине Дентона они едут в Черный город. По радио звуки джаза перемежаются репортажами о «Ночной сове». Бормотание Дентона: этот Леонард Бидвелл выступал во втором полусреднем весе. Дентон видел его бой с Малышом Гейвиланом – силен мужик! Джек молчит, мрачно размышляя об упущенном шансе попасть домой, в Отдел наркотиков. Бобби Индж и Кристина Бергерон смылись. По горячим следам он еще мог бы их найти, если бы каким-то долбаным психам не вздумалось неожиданно-негаданно пристрелить шесть человек ради нескольких сотен долларов... Во рту у него еще стоит вкус виски, а в ушах звучат слова Сида Хадженса: «У всех у нас свои секреты, Джеки».

Для начала отправляются по информаторам. И у него, и у Дентона в Черном Лос-Анджелесе есть свои люди. Лотки и бильярдные, парикмахерские, церкви – информаторам дают на лапу, на них надавливают, с ними беседуют. Четыре

часа – никакого результата: да, говорят, какие-то парни на пурпурном «меркури» где-то дебоширили – смутные, перевернутые, ничего не дающие слухи. Приходится вернуться к именам в списке.

9781, Саут-Бич – лачуга с крышей из толя, пурпурный «меркури» стоит на лужайке перед домом. Стоит без колес, ржавый мост тонет в траве. Дентон останавливает машину:

– Смотри-ка! Может, это уловка? Сделали дело в «Ночной сове», а потом сняли с тачки колеса, чтобы их никто не заподозрил.

Джек качает головой.

– Видишь, тормозные накладки оплела трава? На этой развалюхе уже года два никто не ездил.

– Точно?

– Точно.

– Ты уверен?

– Уверен.

Саут-Дюкен – еще одна лачуга с толевой крышей. У дома стоит пурпурный «меркури» – мечта негритоса, блестящие продольные выпуклости продолжают крылья, модные брызговики, на капоте – декоративная табличка с надписью: «ПУРПУРНЫЕ ЯЗЫЧНИКИ».

– А это твой боксер, – говорит Джек.

Дентон улыбается. Джек поднимается на крыльцо, звонит в дверь. Изнутри взрывается лаем собака – настоящий монстр, судя по голосу. Дентон держится позади, цепким

глазом оглядывает двор и подходы к дому.

Дверь открывает мускулистый негр, за ошейник держит здорового мастифа. Собака рычит.

– Полиция? – удивляется хозяин. – Это что, из-за того, что я алименты не заплатил?

– Вы Леонард Тимоти Бидвелл?

– Ну да.

– И машина во дворе ваша?

– Ну да, моя. Так вы что, на банк подрабатываете? Хотите изъять машину за неуплату? Так я свою ласточку оплатил полностью – прямо из кармана, после боя с Джонни Секстом.

– Убери собаку и закрой дверь, – говорит Джек, – потом выходи сюда и повернись спиной, руки на стену.

Бидвелл все выполняет без единого слова – разве что очень медленно. Джек ощупывает его карманы – ничего. Подходит Дентон.

– Бой, дробовики двенадцатого калибра любишь?

– Чего? – выкатывает глаза Бидвелл.

– Где ты был сегодня около трех часов ночи? – бросает свою реплику Джек.

– Дома, в кровати.

– Один? Если с подружкой, значит, тебе очень повезло. Не тяни, Бидвелл, выкладывай, пока мой друг не разозлился.

– На этой неделе я забрал к себе детишек. Ночью они были здесь.

– А сейчас?

– И сейчас здесь. Спят уже.

Дентон упирает Бидвеллу в ребра ствол.

– Бой, ты знаешь, что случилось прошлой ночью? Кроме шуток, произошла чертовски неприятная история. И очень возможно, что ты в ней замешан. Так как насчет дробовика?

– Да нет у меня дробовика, на хрена он мне нужен?!

Дентон сильнее нажимает стволом.

– А вот материться не надо, парень. Говори быстро, пока мы не выволокли сюда твоих спиногрызов, кому ты прошлой ночью одалживал машину?

– Никому! Шас, буду я кому-то давать свою тачку!

– А кому одолжил дробовик двенадцатого калибра? Выкладывай, бой, не тяни.

– Да нет у меня никакого дробовика!

– Кто такие «Пурпурные язычники»? – перехватывает инициативу Джек. – Ребята, которым нравятся пурпурные автомобили?

– Да просто клуб наш так называется. У меня пурпурный «меркури», еще у нескольких чуваков тоже – ну, мы и устроили клуб. Да в чем дело, скажете или нет!

Джек разворачивает список из автотранспортного управления – все черные владельцы пурпурных «меркури».

– Леонард, ты сегодня утром газеты читал?

– Нет. Да что...

– Тихо. Телевизор смотрел? Радио слушал?

– Да нет у меня ни радио, ни телевизора! Что за...

– Тихо. Леонард, мы ищем троих цветных парней, которые разъезжают на машине, очень похожей на твою. На пурпурном «мерке» сорок восьмого, сорок девятого или пятидесятого года. Любят стрелять из дробовиков. Я знаю, ты не тот, кто нам нужен. Я видел твой бой с Гейвиланом – ты классный боксер. А мы ищем троих подонков. Подонков, которые ездят на машине, похожей на твою. И могут быть членами этого вашего клуба.

– А с какой радости я стану вам помогать? – пожимает плечами Бидвелл.

– Если не станешь, мой партнер очень рассердится. Ты этого хочешь?

– Я стукачом в жизнь не бывал – и не буду!

– Да не станешь ты стукачом. Тебе даже ничего говорить не придется. Просто посмотри список и покажи пальцем. Давай, прочти список.

Бидвелл трясет головой.

– Ладно, мужики, я вам и так скажу. Правильных людей не стал бы закладывать – но эти трое и вправду подонки. Рэй Коутс, Сахарный Рэй. Водит «меркури» сорок девятого года – классная тачка! И двое его дружков, Лерой и Тайрон. Сахарок Рэй тащится от стрельбы. Говорят, он любит стрелять по собакам. Кайф от этого ловит. Хотел вступить в наш клуб, но мы его завернули – нам такие отморозки ни к чему.

Джек просматривает список: так и есть! Коутс, Рэймонд

(среднего инициала нет), 9611, Южный Централ, номер 114.
Дентон разворачивает свою копию.

– Две минуты отсюда. Пошли, живо!

– Возьмем их за задницу! – отвечает Джек. И чувствует себя Победителем с Большой Буквы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.